ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА
КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ
Клинком и сердцем
ТОМ 3
КНИГА 2
ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева

Клинком и сердцем. Том 3

«ИДДК»

2020

Соловьева Е. С.

Клинком и сердцем. Том 3 / Е. С. Соловьева — «ИДДК», 2020 — (Королева Теней)

Разлом закрыт и теперь ничто не мешает героям жить счастливо. Вот только разоренной демонами стране грозит голод, под сердцем у Лучано по-прежнему таится проклятие, репутация Айлин разрушена, королева вовсе не собирается уступать трон кому бы то ни было, а почтенных магов очень беспокоит загадочный аркан, спасший жизнь последнего принца крови.

© Соловьева Е. С., 2020
© ИДДК, 2020

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 27
Глава 3 51
Глава 4 80
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева
Клинком и сердцем. Том 3

Глава 1
Чёрная лоза

Грегору всё больше казалось, что он видит наведённый кошмар из тех, где вроде бы не происходит ничего страшного, но внутренний, глубинный ужас вяжет по рукам и ногам, запирает в горле крик, и магия не исчезает, но становится такой же бесполезной, как умение танцевать – посреди кладбища, полного голодной нежити.

Айлин жива! Ещё утром Грегор думал, этого будет достаточно, чтобы исчез отвратительный выматывающий страх, изводивший его всё это время. В конце концов, он как никто другой знал: хороший целитель с полным резервом способен поставить на ноги даже умирающего, лишь бы того доставили в лазарет вовремя. Айлин же, хоть и окровавленная, грязная и осунувшаяся, умирающей всё же не выглядела, и, значит, целители её спасут, что бы ни произошло на трижды драном Барготом холме!

Но все эти в высшей степени разумные рассуждения вовсе не успокаивали. Ждать известий под дверями операционной оказалось куда мучительнее, чем портала к Разлому!

Целители сновали по коридору как всполошённые упыри, в маточник которых швырнули «Могильной плитой», – беспорядочно, во всех направлениях и совершенно бессмысленно с виду. То и дело они перебрасывались какими-то словами, смысла которых Грегор, как ни старался, не мог уловить…

«Видит Претемнейшая, – измученно подумал он, – если Эддерли чувствовал себя хоть вполовину так же, когда оперировали Саймона, я, пожалуй, готов понять, почему он обнял Роверстана. Я бы и сам сейчас обнял хоть умертвие, хоть стригоя, лишь бы услышать, что всё наконец-то закончилось и Айлин в безопасности…»

– Милорд Великий Магистр? – услышал он смутно знакомый голос, вскинулся и едва не застонал от разочарования.

Райнгартен! Проклятие, что ему нужно настолько немедленно, что нельзя оставить Архимага в покое хотя бы в лазарете?!

– Я слушаю вас, Этьен, – откликнулся он, со смутным удивлением отмечая, что Райнгартен почему-то побледнел. Но не отступил, а решительно продолжил, понизив голос так, чтобы его не услышал никто, кроме Грегора. Словно бы здесь кому-то было дело до тайн Райнгартена.

– Мы должны обсудить Разлом, милорд. Я успел измерить показатели магического поля и…

«Разлом?! Сейчас? – поразился Грегор. – Когда жизнь Айлин, может быть, всё ещё в опасности? Да чтоб вас всех, неужели нельзя дать мне хотя бы двух-трёх часов?! Просто чтобы я убедился – всё будет в порядке, и никто не умрёт?!»

– Позже, Этьен, – попросил он, не собираясь, разумеется, признаваться, что вряд ли способен сосредоточиться на делах.

Непростительная слабость для мага! Для Архимага – тем более. И неважно, насколько он устал за последние страшные недели.

– Да послушайте же! – перебил Оранжевый магистр. – Показатели магического поля…

– Позже, – повторил Грегор, чувствуя, что начинает закипать.

Что может быть неясного в просьбе перенести разговор на другое время? Эти Райнгартены!

– Но Разлом…

– Разлом закрыт! – рявкнул Грегор и неожиданно почувствовал, как тревога отступает, переплавляясь в ярость на слишком назойливого подчинённого. – Закрыт или нет?!

– Разумеется, закрыт! – подтвердил Райнгартен так оскорблённо, словно именно Грегор изводил его разговорами в неподходящее для этого время. – Но показатели…

– Всё прочее – подождёт, – отчеканил Грегор и отвернулся, давая понять, что продолжения беседы не будет, и делая вид, что не слышит возмущённого выдоха: «Да чтоб вас, Бастельеро!» – а потом и демонстративно громких удаляющихся шагов.

И снова потянулось бесконечное, изматывающее ожидание, и Грегор не мог бы сказать, сколько прошло времени, прежде чем дверь открылась, и из операционной вышел Бреннан.

Обвёл взглядом коридор, остановился рядом и прежде, чем Грегор смог сказать хоть что-то, устало уронил:

– Живы. Все трое. Один из юношей, дорвенантец, потерял много крови, к тому же отравлен ядом демонов, но поправится. Пусть скажет спасибо, что ему вовремя наложили швы, иначе он бы истёк кровью прежде, чем мы успели что-то сделать, а так – будет жить. Теперь уже совершенно точно будет. У итлийца тоже сильнейшее отравление, и он тоже ранен, хотя и не так сильно…

– Претёмная с ними, Бреннан! – нетерпеливо выпалил Грегор. – Что с Айлин Ревенгар?

– Уместность и деликатность иных ваших высказываний, милорд Великий Магистр, просто поразительна, – буркнул целитель. – Её жизнь вне опасности. Сильное магическое истощение.

– И что-то ещё, так? – настойчиво спросил Грегор, безошибочно услышав в голосе Бреннана то ли сомнение, то ли недосказанность. – Что именно? Я должен знать, понимаете? Это моя ученица, а вы… вы давали клятву Архимагу! Я требую, чтобы вы рассказали мне то, что скрываете!

– Клятву Милосердной Сестре я давал намного раньше, лорд Бастельеро, – сердито проворчал Бреннан. – Помните об этом, когда в следующий раз решите потребовать чего-то у целителей. Адептка использовала неизвестное мне заклинание, в результате которого её магическая суть и жизненные потоки переплелись с жизненными потоками её спутников. Я не могу даже предположить, каковы будут последствия.

– То есть как «неизвестное»? – поразился Грегор. – Даже вам?!

– О, неужели вы наконец-то признали, что ещё кто, кроме вас, что-то смыслит в своём ремесле? – устало съязвил Бреннан. – Представьте себе, действительно неизвестное. Это не проклятие! – прервал он прежде, чем Грегор открыл рот именно для такого предположения. – Что я, проклятий не навидался за эти годы, спасибо нашим адептам? Наложить, конечно, не смогу, но уж распознать-то сумею. Ничего общего! Ни следа фиолетовой силы! И красной, разумеется, тоже, – добавил он, сердито глянув на пробегающего мимо целителя, слегка замедлившего шаг.

Тот мгновенно ускорился, словно взгляды Зелёного магистра имели силу штормового ветра, ударившего в паруса лёгкого судёнышка.

– Ни красной, ни фиолетовой? – растерянно уточнил Грегор, подозревая, что чего-то не понимает из-за усталости и чудовищного нервного напряжения. – А какой тогда? Вы же не хотите сказать, что она…

Мелькнула совершенно дикая и неправдоподобная мысль, что сумасшедшая девица оказалась не Двойной Звездой, а, скажем, Тройной! Ну и что, если таких случаев не встречалось до сих пор даже в легендах, не говоря уже об официальных анналах Ордена. Это же Айлин Ревенгар! Невозможность – её второе имя!

Но Грегор тут же осадил разыгравшееся воображение. Невозможно, потому что просто быть этого не может. Тройных Звёзд не бывает. И уж точно эта сила как-то проявилась бы ранее.

– Но вы хотя бы цвет магии определили? – спросил он торопливо.

– Нет у неё цвета! – огрызнулся Бреннан. – Вообще нет, представляете? И не вздумайте сказать мне, что это невозможно! Я, конечно, не Избранный, но каких только оттенков не повидал у заклятий. Сами знаете, на дуэлях они иной раз так перемешаются… А у этого цвета нет! Вообще!

– Как же вы его тогда обнаружили?

Грегор совершенно не понимал, о чём говорит Бреннан. Деление магии на цвета – это основы, понятные любому мажонку. Потом, уже совершенствуясь, начинаешь понимать, что заклятия часто совпадают по структуре, и одно и то же может действовать совершенно по-разному у целителей, некромантов и, скажем, стихийников. Поэтому есть универсальные арканы, которыми пользуется любой маг независимо от цвета своей силы. Но аркан – это лишь оболочка, а вливается в неё всё равно алая магия, жёлтая или фиолетовая… Не бывает магии без цвета!

– Может, белая? – предположил он, холодея от мысли, что Айлин могла каким-то образом найти, адаптировать и применить одно из утерянных заклятий барготопоклонников.

– Не белая, не розовая, не серо-малиновая! – рявкнул Бреннан. – Бесцветная! Благие Семеро, ну что непонятного? Мы вообще поняли, что там поработало заклятие, только по следам его проявления. Начали копаться в каналах девочки и нашли устойчивые связи…

Он оглядел пустой коридор, бесцеремонно взял Грегора за рукав и подвёл к ближайшему окну. Выглянул в него, убедившись, что внизу пусто, и продолжил, понизив голос:

– Милосердной Сестрой клянусь, никогда не видел ничего подобного. Эта штука перемешала суть всех троих, как…

Он поводил рукой в воздухе, не находя слов, и выдавил:

– Стыдно признаться, но придётся ждать, пока очнётся юная Ревенгар, чтобы хоть что-то понять.

– Магия без цвета… – ошеломлённо повторил Грегор и встрепенулся: – А Роверстан?! Он же был там! Что он говорит?

– Ничего он не говорит, – устало выдохнул Бреннан и пояснил: – Он выложился досуха, перекачивая адептке резерв напрямую. Из накопителей, конечно. И если бы не Дункан, Айлин Ревенгар, скорее всего, выгорела бы дотла. У неё и так заметно обожжены каналы… Но с этим мы хотя бы знаем, что делать. Главное, что искра цела… А Роверстана я настоятельно рекомендую не трогать до завтрашнего дня! Как целитель! – Бреннан посмотрел так сердито, словно Грегор настаивал на немедленном применении к разумнику допроса с пристрастием, и сварливо закончил: – То же самое относится и к вам, милорд Архимаг. Я, конечно, понимаю, что чувство долга погонит вас на службу даже мёртвым, но лучше всё-таки до этого не доводить. А вы, к слову, уже напоминаете умертвие гораздо сильнее, чем это прилично человеку, на котором держится Орден.

– Пустое! – бросил Грегор, растирая виски кончиками пальцев. – Нужно всего лишь выспаться. Теперь уже можно.

– Теперь уже нужно, – поправил его Бреннан. – Абсолютно необходимо! Разлом, насколько я понимаю, закрыт.

– А Ревенгар…

– Проспит сутки – и это самое меньшее! Разумеется, о посещениях пока и речи быть не может. Как только девушка будет в состоянии принять кого-то, кроме целителей, я немедленно вас извещу.

– Благодарю, Бреннан, – выдохнул Грегор, понимая правоту магистра, но всё-таки не в силах отделаться от желания немедленно увидеть Айлин. Пусть даже спящую – всё равно! Однако такая настойчивость будет выглядеть глупой и странной. И, главное, она бесполезна. Девушке необходим покой, это понятно… Так что придётся потерпеть. Он ждал так долго, что значит ещё день?!

– Пожалуй, останусь на ночь в Академии, – решил Грегор вслух. – Сделайте одолжение, пришлите мне снотворное. Боюсь…

– Устали так, что заснуть не сможете? – понимающе подхватил Бреннан. – Разумеется, пришлю. И предупрежу всех, чтобы вас не тревожили. Ради Благих, милорд, идите уже. На вас лица нет.

Грегор посмотрел вслед магистру, снова ушедшему в операционную, и отвернулся к окну, за которым совсем стемнело. Какой бесконечный был день… Вишни уже отцвели, но из сада тянуло тонким запахом каких-то ночных цветов, раскрывшихся с приходом темноты. Этот аромат напомнил о Вишнёвой ночи, и Грегор невольно стиснул пальцы на подоконнике, опомнившись только, когда их свело судорогой боли. Как же давно это было… Словно рубеж между прежней жизнью и новой. Какой простой казалась та жизнь, несмотря на заговоры, интриги, даже войну…

– Милорд Бастельеро? – окликнул его знакомый голос Эддерли-младшего.

Грегор повернулся и удивлённо взглянул на неразлучную пару, подошедшую по коридору со стороны учебных аудиторий. Саймон опирался на трость, и было заметно, что перевязанная нога ему мешает, однако ковылял он достаточно бодро, и Грегор мельком позавидовал жизненной силе, что присуща молодости. Мальчишка недавно валялся в лазарете, едва оставшись в живых, и вот, пожалуйста, скоро будет бегать. А у него самого дурацкое случайное растяжение никак не проходит…

А вот идущий рядом Дарра Аранвен был ещё бледнее обычного, если это возможно, когда говоришь об Аранвенах. Парадный камзол, белоснежный, расшитый серебром и мелким жемчугом, он так и не сменил на более удобную одежду, но почему-то был без перчаток, обязательных к этому наряду. Странно, Аранвен – и одет не по этикету?! Грегор попытался вспомнить, видел ли он перчатки на Дарре до этого, но не смог. Какая разница, впрочем? У кого-то другого он бы и внимания не обратил на подобную мелочь, но это же Дарра! Кстати…

– Вы пришли навестить Айлин Ревенгар, господа? – осведомился он. Саймон закивал, жадно вглядываясь в его лицо и едва не подпрыгивая от нетерпения, даже навстречу подался, как охотничий пёс, почуявший дичь. Дарра тоже кивнул, но едва заметно, и свет от настенной лампы блеснул на его гладкой, тщательно уложенной причёске, из которой не выбилось ни одного волоска. – Магистр Бреннан говорит, что её жизнь вне опасности.

– Спасибо, милорд! – радостно выпалил Саймон, а Дарра снова молча склонил голову.

– Эддерли, – вздохнул Грегор. – Не стоит брать с меня пример во всём и так буквально. Уверяю, в отношении к своему здоровью я никак не могу служить достойным образцом для подражания. Почему бы вам не отправиться в палату, пока целители не пожаловались вашему отцу?

– Да, милорд! – звонко отозвался Саймон, глядя на него такими радостными глазами, что сразу было понятно: нравоучение он пропустил мимо ушей. – Позвольте узнать, а когда можно будет её навестить?

– Не сегодня и не завтра – это точно, – твёрдо ответил Грегор, рассудив, что позволь этой парочке, и к Ревенгар потянется вереница посетителей, причём не только тех, кто искренне за неё беспокоится, но и просто любопытных. – Возможно, послезавтра. Магистр Бреннан говорит, что ей необходим полный покой.

Саймон разочарованно вздохнул, а Дарра откликнулся своим обычным безупречно ровным и учтивым тоном:

– Мы вам очень благодарны, милорд. С вашего разрешения, я хотел бы уехать сегодня на ночь домой. До завтрашних занятий, разумеется.

– Да-да, конечно… – рассеянно отозвался Грегор. – Передайте вашему почтенному отцу… Впрочем, не нужно ничего передавать, я напишу ему письмо завтра, а лучше всего – сам заеду.

Аранвен молча поклонился и увёл Саймона, который то и дело оглядывался то на дверь операционной, то на Грегора, явно желая ещё что-то сказать. Грегор видел, как они свернули к палате, где лежал Эддерли-младший, и ненадолго остановились возле неё. Высокий тонкий силуэт Дарры серебряной тенью выделялся на фоне стены, освещённой артефактной лампой. Аранвен что-то сказал, и Эддерли покорно зашёл в палату, закрыв за собой дверь, а его собеседник проплыл дальше по коридору, скрывшись за очередным поворотом.

Проводив его взглядом, Грегор досадливо поморщился. Дарре осталось учиться ещё год, но в его случае это полностью лишено смысла. Никто не сомневается, что юный Аранвен хоть сейчас способен сдать не только выпускные экзамены, но и вступительные испытания на должность преподавателя. Правда, вряд ли у него есть склонность к этому виду деятельности, да и канцлер не позволит, чтобы его единственный сын и наследник растрачивал таланты в Академии. И хвала Претёмной! Чем раньше он покинет Академию, занявшись придворной карьерой, тем лучше.

Нет, Грегор даже мысли не допускал, что Аранвен-младший может оказаться ему настоящим соперником, но… В конце концов, это всего лишь детская дружба, которая рано или поздно распадётся. Возможно, они с Эддерли когда-то сделали ошибку, добавив Айлин Ревенгар к Воронам. Она одарённая и талантливая некромантка, это верно, и именно поэтому следовало не поощрять её совместные с Эддерли-младшим и Аранвеном выходки, а научить сдерживать чувства. Слишком раннее развитие – это не всегда хорошо! Если бы Айлин училась со своим курсом, не слишком опережая программу, она была бы в гораздо большей безопасности! Не было бы той детской глупости с походом на кладбище и знакомства с Вальдероном, не было бы бесконечных отработок и шалостей в компании юных магов. И этого безумного риска с Разломом – тоже не случилось бы!

«Кажется, я очень плохо присматривал за твоей дочерью все эти годы, Дориан, – в приступе беспощадного раскаяния подумал Грегор. – Если бы она погибла… Все мы во власти Претёмной, и каждому уготовано место в её Садах, но я никогда не прощу себе, что по моей вине ей пришлось столько пережить. Эти ужасные недели в пути, от которых она не скоро оправится душой и телом… Слухи, которые непременно поползут, пачкая её репутацию… Да если бы я мог предвидеть, чем закончится мой приказ Кастельмаро, никогда его не отдал бы! Путешествовать в сопровождении двух дворян и наёмной охраны – это всё-таки совсем не то, что с парой мужчин! Тогда она была бы под постоянным присмотром множества глаз, хоть какая-то защита репутации, а сейчас… Благие Семеро, её же заклеймят шлюхой! И даже то, что она спасла Дорвенант, не поможет… Нет-нет, об этом даже думать не стоит! Она станет моей женой, и любой, кто посмеет испачкать её имя, будет иметь дело со мной. Но как мне заслужить её прощение? Я должен был оберегать её! Не знаю, каким чудом она выжила, закрыв Разлом, но это должен был быть я!»

Он опёрся ладонями о подоконник, бессмысленно и устало глядя в темноту сада, не в силах уйти к себе и лечь спать, как обещал Бреннану. Мысли то текли вялые и пустые, то, напротив, летели вскачь, впрочем, тоже не принося никакой пользы. Откуда Аранвен узнал, что Грегор собирается к Разлому? Допустим, во дворце тоже могли отметить колебания магического поля, там служат стихийники… Допустим, об этом немедленно известили канцлера – это логично и правильно! Но Дарра примчался так быстро, что простым любопытством это не объяснить… Что ж, наверняка у Ангуса Аранвена имеются свои люди и в Академии, канцлер

осторожен, предусмотрителен и по долгу службы обязан знать всё, что происходит. Но кто?! В отряде было всего несколько человек… А, да какая разница?!

Гораздо интереснее, что там делал Роверстан! На воды ехал и остановился посмотреть? Можно не сомневаться, что-то вроде этого разумник и ответит… И даже представит доказательства… Непонятно, правда, какие, но этого скользкого угря застань в компании самого Баргота – он и тут найдёт оправдание, причём самое достоверное и внушающее почтение.

Грегор опустил голову и снова потёр виски пальцами, опираясь локтями на подоконник. На душе было так тошно, словно одна из величайших опасностей в истории Дорвенанта сегодня не закончилась, а только набирала силу. Разлом закрыт… Закрыт! Больше не будет разрывов ткани мироздания и полчищ демонов, что из них лезут. Возможно, удастся спасти большую часть урожая, который ещё не побили морозы. На окраинах Дорвенны наконец-то настанет тишина, беженцы вернутся в город, а в провинциях солдаты разберутся с разбойничьими шайками… Всё кончилось, причём почти благополучно! Благополучно?

Воспоминания резанули вспышкой: окровавленные тела Малкольма и Криспина, холодное мёртвое лицо Кристиана и кровь, запёкшаяся на земле. Битва за Академию… мальчишки и девчонки, умирающие в лапах демонов, Ирвинг с Аделин Мэрли… и та итлийка, как её там… Морьеза… И ещё множество смертей в Дорвенне, в провинции, в деревнях и на дорогах… Благополучно? Звучит кощунственно! Но жертв могло быть гораздо больше, если бы не сумасшедшая девочка, которой удалось невозможное. То, что не смог, а если правду сказать – не рискнул сделать он, Избранный Претёмной!

«Она не просто тебя превзошла, – беспощадно подумал Грегор, испытывая почти мучительное удовольствие от этой мысли. – Она нашла какой-то способ, до которого ты не додумался. Спасла последнего из Дорвеннов и при этом осталась в живых сама! Да, чудом – это несомненно! Но как-то выжила… И ты будешь вечно благодарить за это Претёмную, потому что иначе ничто, никакие соображения высшего блага не стали бы оправданием твоей трусости! Она пожертвовала собой! А ты… не смог».

Он с усилием оторвался от подоконника, на который снова поставил ладони. Мельком глянул на полированное дерево, почти ожидая, что увидит там кровавые пятна, так сводило судорогой руки. Оглянулся на дверь операционной, где было тихо и темно. Ну да, там же есть другой выход в лазарет… И Айлин, и её спутников давно унесли в палату… Спутники… Что там ещё за третий к ним прибился? Бреннан сказал, что профан, и вроде бы упоминал, что парень – итлиец… Впрочем, это подождёт. Главное, что жива не только Айлин, но и Вальдерон!

То есть Дорвенн.

И это меняет… Всё меняет, если быть честным с самим собой. Бастард наверняка узнает, какую участь готовил ему Грегор, если не знает до сих пор. Айлин могла ему рассказать… Даже должна была, раз уж он поехал с ней к Разлому. Но это тоже неважно, Грегор и не собирался скрывать своё решение. Если его спросит Совет или будущий король, кто бы это ни был, он ответит правду. И это значит… Ничего хорошего это не значит, разумеется. Обвинение в государственной измене выстроить на таких доказательствах проще, чем прыщавую порчу наложить. А желающие найдутся…

Да хоть бы и сам бастард – неужели он упустит такую возможность поквитаться? Хоть за Разлом, хоть за ту ночь пятилетней давности, когда Грегор за шиворот выкинул его из комнаты Айлин. Мальчишка ещё тогда пыжился, обещал мстить… Ну а теперь у него и все возможности имеются! Если его признают принцем крови, Грегор даже на дуэль его вызвать не сможет! Королевская кровь священна.

Он сделал шаг от окна, не оборачиваясь, потом ещё один, потом всё-таки заставил себя повернуться спиной к тёмному провалу в сад и пойти по совершенно пустому коридору. До преподавательского крыла не так уж далеко, а ехать домой действительно никаких сил нет. Ещё и нога снова разболелась, мстительно припомнив крутую лестницу в башне Архимага

и все остальные переходы за день. Грегор тяжело опёрся на дедову трость. Теперь, впрочем, это уже его трость, собственная… В тишине шаги и стук наконечника казались оглушительно громкими, он даже поморщился.

Завтра Ангус Аранвен захочет узнать, как так получилось, что Разлом всё-таки удалось закрыть без человеческой жертвы. И Грегору придётся объяснять, почему ошибся он, опытнейший и сильный некромант, а не адептка шестого курса. И выглядеть это будет именно так, что он замыслил погубить Аластора Дорвенна! Иначе почему утверждал, что закрытие Разлома требует его смерти?

А ещё завтра на него свалится очередная груда забот протектора и Архимага, потому что заработают порталы! Восстановится сообщение с другими странами и провинцией, обрушится шквал донесений, которые раньше шли с курьерами и далеко не всегда прибывали в срок. Так, пожалуй, и плаха за измену покажется милостью по сравнению с работой, которая его ждёт. И Айлин… Простит ли она его? Сможет ли понять? Или он навсегда её потерял в этой безумной круговерти событий? Видят и Претёмная, и Всеблагая, которой Грегор уже давно не молился, прося обретения взаимной любви, что эта кара будет страшнейшей из всех.

* * *

Первым, что ощутила Айлин, была кровать. Слишком мягкая в сравнении с одеялом, брошенным на землю, и куда жёстче, чем диванчик на террасе в Запределье, где она очнулась в прошлый раз.

Почти сразу она почувствовала горьковатый свежий запах лекарственных трав и целительских зелий и окончательно поняла, что находится в лазарете Академии. Но ведь она только на минутку позволила себе потерять сознание!

– Откройте глаза, юная леди, я прекрасно вижу, что вы очнулись, – услышала она ворчливый, искренне обеспокоенный голос магистра Бреннана и послушалась.

Глаза тут же заболели от яркого дневного света, и Айлин заморгала, пытаясь рассмотреть лицо пожилого целителя, но почти сразу ей на лоб легла рука.

– Сейчас всё пройдёт, – пообещал Бреннан. – Как вы себя чувствуете? Способны говорить?

– Способна, милорд, – выдохнула Айлин неуверенно, больше проверяя – правда ли это, но Бреннана её ответ вполне удовлетворил.

Сухая твёрдая ладонь погладила её по лбу, и следующий вопрос целителя прозвучал уже куда более тепло:

– В таком случае, ради Милосердной Сестры, скажите, что за ритуал вы провели над собой и вашими спутниками?

– Ритуал? – растерянно переспросила она и удивилась, что тут непонятного.

Разработанный лордом Бастельеро, конечно! Тот, которым закрывала портал! Неужели магистр Бреннан об этом не знает? Но почти тут же вспомнила, как испугалась, что Ал умрёт, и от отчаяния схватилась за заклинание, подаренное доном Раэном… Ужасно сложное заклинание, с которым так и не разобралась до конца и которым ни за что не воспользовалась бы без подготовки, будь у них выбор. Но выбора-то и не было! А что, если что-то пошло не так, и Аластор…

– М-милорд магистр! Аластор! Он жив?

– Оба ваших спутника живы, – успокоил её Бреннан. – И чем раньше мы разберёмся в вашем заклинании, тем скорее они выздоровеют. Итак, ритуал, который вы провели…

– Я не знаю, – пролепетала Айлин, чувствуя себя невозможно глупой. – Мне его подарили… Один арлезийский дон, очень достойный человек, правда! Он сказал, что это их семейное заклинание, и оно очень древнее… Создано ещё… до прихода Благих… Сумка! – вос-

кликнула она, вдруг поняв, чем может помочь. – Я отдала её моему второму спутнику, синьору Фарелли! Артефактная сумка у него на поясе! В ней тетрадь, я всё записала туда, всю схему! Только я могла в ней ошибиться, не успела разобраться до конца…

– Я-то думал, ваша лихая компания меня уже ничем не сможет удивить, – сокрушённо вздохнул магистр Бреннан. – Что, казалось бы, может быть хуже умертвия дракона или, хм… нефритовой флейты… Айлин, дитя моё, вы ведь разумная девочка, как же вы могли применить неизвестное заклинание, даже не разобравшись в нём толком?

На короткое мгновение Айлин почувствовала острый стыд за свою неосторожность, но тут же отогнала это изумительно несвоевременное чувство.

– Аластор умирал, – тихо ответила она. – И я ничем, совсем ничем не могла ему помочь, понимаете? Только этим! И у меня получилось… Вы же сами сказали, что они живы! Оба! А если бы я не попыталась, и они умерли…

Она задохнулась, на мгновение представив это, и ей вдруг показалось, что глаза Бреннана странно блеснули, словно подёрнувшись влагой. Но, конечно, это просто показалось…

– Что ж, милое дитя, – произнёс целитель сочувственно. – Пожалуй, я действительно зря упрекнул вас. Приношу извинения. Хорошо, что вы сохранили схему заклятия, это очень нам поможет. Пока скажите кратко, что оно должно было сделать?

– Фамилиара, – прошептала Айлин, не в силах поверить, что магистр Зелёной гильдии так просто извинился перед ней, адепткой шестого курса и к тому же действительно виноватой. – Оно должно было создать связь между Аластором и нами. Так, чтобы я и Лу… то есть синьор Фарелли… чтобы мы смогли поделиться жизненной силой с Аластором. Если бы они двое были магами, то и резервом тоже, но они ведь профаны…

С каждым её словом озабоченное лицо Бреннана всё прояснялось.

– Так вот оно что! Поэтому мы и не могли привести юношей в чувство! Один отравлен ядом демонов, второй – целым набором опасных зелий, и они делятся друг с другом этой отравой! Точнее, её влиянием на сознание. А вы… хм, да… Ну что ж, хвала Милосердной Сестре, вы пришли в себя, и теперь нам будет намного легче! Значит, следует очищать их кровь как единое целое, независимо от исходного диагноза… прекрасно, просто прекрасно. Вы очень нам помогли, дитя моё. А теперь я вас оставлю, мне нужно заняться вашими спутниками…

– Подождите, милорд магистр! – выпалила Айлин, только сейчас почувствовав странную пустоту внутри, какой не испытывала никогда раньше, и впервые заметив тонкие – тоньше шнура! – золотые цепочки на своих запястьях. – Причём здесь я? Вы сказали, что я тоже чем-то делилась? И почему я…

Она зажмурилась, потянулась к силовым линиям, пронизывающим всю Академию, но вместо привычного отклика почувствовала ту же пустоту, что поселилась у неё внутри.

– Моя магия, – прошептала она. – Милорд магистр, я ничего не чувствую! Совсем ничего! Я…

Она осеклась, не решаясь дать имя ужасу, охватившему всё её существо, и Зелёный магистр сочувственно вздохнул.

– Вы вплели себя в ритуал, дитя моё. Таким образом, формально вы – такой же фамилиар вашего спутника, как и синьор итлиец. А ваша магия…

Его речь прервал негромкий стук, и Бреннан, поднявшись со стула у кровати Айлин, подошёл к двери.

– А, Дункан, – услышала Айлин спустя бесконечно долгое мгновение. – Здравствуйте, мой мальчик. Как любезно с вашей стороны согласиться меня подменить. Айлин, дитя моё, простите, но мне действительно пора. Не пугайтесь, магистр Роверстан объяснит вам всё, что касается вашей магии и здоровья. Он очень нам помог!

Дункан!

Сердце Айлин горячо и сильно забилось, и она невольно подумала, что если бы не пустота внутри, и не линии силы, до которых никак не получалось дотянуться, она была бы непредставимо счастлива его увидеть.

Дверь снова негромко стукнула, и Айлин, сама не зная почему, зажмурилась. Услышала быстрые шаги, тихий скрип стула – и её руки коснулась ласковая горячая ладонь.

– Я рад видеть вас живой и здоровой, – мягко проговорил Дункан. – Не пугайтесь, вы не потеряли магию.

Айлин едва не задохнулась, такое немыслимое безбрежное облегчение затопило её всю. Глаза открылись сами собой. Она увидела магистра, сидящего рядом и склонившегося к ней. Чёрные глаза блестели участием и нежностью, и Айлин показалось, что прежний облик Роверстана, увиденный ею на холме, был сном, шуткой помутившегося сознания.

Вот ведь он, снова ухоженный и сияющий безупречной аккуратностью. Белоснежная мантия отглажена, бородка и собранные в хвост волосы в полном порядке, и даже золотая серьга празднично поблёскивает в солнечных лучах. Только под глазами всё-таки залегли усталые тени, и у Айлин защемило сердце. Нет, это был не сон и не галлюцинация. Он был там! Он промчался через весь Дорвенант, чтобы спасти её, и спас, каким-то образом вытащив из Запределья…

– Дункан, – шепнула она, успев подумать, что вот если бы кто-то услышал, что она зовёт магистра просто по имени! Однако сейчас ей было совершенно всё равно, только пусть он продолжает сидеть рядом и смотреть так ласково. И скажет ещё что-нибудь замечательное! Вот только… – Но я ничего не чувствую!

– Тот второй ритуал исчерпал все ваши силы, – подсказал разумник. – Вы ведь это помните? Вы надорвались, пройдя через столько ритуалов за очень короткий срок, и сейчас ваши магические каналы повреждены, поэтому до их восстановления вам придётся носить артефакторные браслеты.

Он ласково провёл кончиками пальцев по её руке от локтя вниз и коснулся запястья с цепочкой.

– Артефакторные браслеты? – беспомощно повторила Айлин. – Те, что отрезают от внешних источников и запирают искру? Это… неужели это обязательно?!

– К сожалению, да, – вздохнул Роверстан. – В противном случае вы рискуете перегореть на самом простом аркане. Как только магистр Бреннан заключит, что ваши каналы восстановились, браслеты снимут. Вас утешит, если я скажу, что носить их вам придётся не слишком долго?

– О да, Дункан, – горячо заверила Айлин. Недолго – это сущие пустяки! И вообще, надо же быть такой глупой! Она готовилась умереть, а теперь страдает только из-за того, что ей придётся жить без магии, к тому же совсем немного! – А… сколько?

– Год-полтора, вряд ли больше, – откликнулся разумник, и у Айлин упало сердце.

Год?! Целый год?! И это недолго?! Да ведь с двенадцати лет она не жила без магии и дня! И что же ей теперь делать, если она не сможет ни колдовать, ни учиться?!

– И я хотел бы предложить вам заняться в это время предметами, которыми вы прежде несколько пренебрегали, – закончил Дункан мягко. – Теоретическими предметами. Что же касается практики, то магистр Эддерли вчера сказал, что за один только ритуал с Разломом готов подписать вам диплом.

Айлин невольно потупилась. Если бы магистр Эддерли знал ещё и остальное… Когда она бросала в лицо кадавру, что сдаст выпускные экзамены его упокоением, ею двигали злость и отчаяние. Она вообще не рассчитывала дожить до момента, когда за всё, сделанное в этом походе, придётся ответить. И… далеко не каждый её поступок заслуживает награды. Ой-ой-ой…

– Простите, Дункан… – сказала она еле слышно, боясь поднять на него взгляд. – Я очень виновата перед вами. И перед магистром Эддерли, и… Я не могла поступить иначе, но я понимаю, что очень, очень виновата!

– Вам действительно не следовало решать всё это самой, моя милая девочка, – услышала она ответ, которого ждала почти с ужасом. – Хотя бы как ваш наречённый жених я имею право принимать участие в вашей жизни. И в ваших решениях – тоже. Вы это понимаете?

Айлин молча кивнула, чувствуя, что в горле стоит ком. Почему он не упрекает её? Не злится, не ругает… От этого спокойствия ещё сложнее принять такое великодушие. И… он сказал «жених»? Значит… он не собирается расторгнуть помолвку?! После всего, что она натворила! Бросила его, уехала с чужими мужчинами, погубив свою репутацию… Он мог решить, что она не доверяет ему! Больше того, он обязан был решить именно так! И как теперь объяснить, что тогда она не доверяла никому, испугавшись за Аластора и полностью отчаявшись?

– Мне… очень жаль… – выдавила она, изнывая от стыда и заливаясь краской. – Я доставила вам столько неприятностей…

– Ради Странника! – Дункан немного повысил голос, и Айлин сжалась в комок, но всё-таки не забрала у него руку. – Я чуть с ума не сошёл от страха за вас! Глупая вы девочка! Неприятностей? А если бы вы погибли?! Вы хоть понимаете, что мои неприятности даже близко не могут сравниться с этим?! Ну почему вы просто не пришли ко мне за помощью? Или хотя бы к магистру Эддерли, если уж мне не доверяете?

– Доверяю! – вскрикнула Айлин, испугавшись, что её предположение всё-таки сбывается. – Я доверяю вам, клянусь! Просто… так получилось. Нужно было всё решать очень быстро, и я… Я испугалась, вы правы. Не за себя, конечно. За Аластора… Только не подумайте ничего такого! – торопливо добавила она, сообразив, как это можно расценить, и вскинув на магистра умоляющий взгляд. – Мы просто друзья! Давно, с самого детства… Он мне как брат… И даже ближе родного брата, понимаете? Как Саймон и Дарра… Ох, я понимаю, что говорю глупости, но…

Дункан всё-таки выпустил её руку, и Айлин прижала ладони к пылающим щекам. Неужели он ей не поверит? Неужели решит, что она… Всё то, что в таких случаях говорила леди Гвенивер, непрошено всплыло в памяти. Девушка обязана не просто блюсти свою репутацию, у её избранника не должно быть даже мысли, что она способна на неверность! А Дункан знает о ней такое… такое… Как ему теперь поверить в её чистоту?!

– Айлин… – Магистр Дункан смотрел на неё с таким странным выражением лица, что теперь ей стало по-настоящему страшно. Сейчас он скажет… – Я очень надеюсь, что в следующий раз, когда у вас что-то случится, вы признаете за мной право помогать вам. И вашей семье, и вашим друзьям, кто бы они ни были. Если они часть вашей жизни, то и моей, следовательно, тоже. И я предпочёл бы узнавать о проблемах, когда они ещё… не приняли такого размера. Вы отважная девочка… Очень отважная и очень верная. Но прояви вы немного больше рассудительности… Ох, проклятье, да не смотрите вы так! – снова повысил он голос, но теперь Айлин совершенно перестала бояться, только глаза почему-то наполнились слезами. – На ваше счастье, телесные наказания адептов запрещены. Иначе я бы не удержался от соблазна и выпорол вас. Розгами! Верите, всю дорогу от столицы до Разлома мечтал об этом!

– Верю… – всхлипнула Айлин и моргнула, хотя губы сами собой тянулись в счастливой улыбке. – Но вы же не собираетесь… ну…

– Не собираюсь, – вздохнул Дункан и посмотрел на неё мягче. – Поверьте, когда я делал вам предложение, то в полной мере понимал, кому именно его делаю. Во всяком случае, мне так казалось. – Он улыбнулся уголками губ, но Айлин всё равно заметила и мгновенно воспрянула духом. – Вы продолжаете удивлять меня каждый день… Но хватит об этом. Вам ещё предстоит не одна беседа о ваших действиях и их последствиях, но не сейчас, а когда вы хоть немного окрепнете. Кстати, вот.

Он взял со столика и протянул Айлин белую фарфоровую чашку, над которой поднимался парок. По комнате разнёсся запах, напоминающий шамьет, но при этом всё-таки иной и очень знакомый. Шоколад? Но почему напиток?!

– Это жидкий шоколад, – пояснил Дункан, видя её недоумение. – В Дорвенанте его не готовят, разве что в нескольких домах. Надеюсь, он вскоре войдёт в общее употребление, но пока что его хорошо варят только в Арлезе. И ещё кое-что…

Айлин, как заворожённая, взяла приятно горячую чашку – артефактная, конечно, раз сохранила тепло, откуда бы магистр её ни принёс. Вдохнула упоительный запах… А магистр провёл рукой над пустым вроде бы столом, и на нём проявилась вазочка высотой с её ладонь, в которой стояла единственная изящная веточка с глянцево-зелёными листьями. Её густо осыпали белоснежные цветы с простым венчиком, но очаровательной пушистой сердцевиной. Цветы тоже источали запах, нежный, сладкий, очень тонкий.

– Какая прелесть… – выдохнула Айлин. – Это мне? Благодарю, милорд!

Отпускать чашку не хотелось, поэтому она перехватила её одной рукой, а второй потянулась к столику. Дункан с улыбкой подал ей веточку. Айлин немедленно сунула в неё нос и прищурилась от удовольствия.

– Что это за цветы? Никогда не видела таких!

Она вдруг смутилась, что ведёт себя так по-детски и, напоследок полной грудью вдохнув запах, вернула магистру веточку, которую он снова поставил в воду.

– Это кофе, моя дорогая. – В уголках его губ снова появилась улыбка, на этот раз уже не скрытая раздражением. – Очень близкий родственник шамьета, который вы так любите. Собственно говоря, шамьет – это потомок некоторых сортов кофе, но облагороженных и улучшенных. Немного меньше горечи, мягче и дольше воздействие, нет некоторых вредных веществ в составе. Но кофе тоже можно пить, если правильно приготовить! В Арлезе он растёт диким, как здесь… боярышник, например. И считается напитком бедняков, которые не могут позволить себе шамьет. Но в садах его иногда выращивают ради цветов. Их запах считается полезным – и вполне заслуженно. Я подумал, что вам может быть приятно узнать, чем сейчас пахнут сады Арлезы.

– Кофе… – повторила Айлин. – Это прекрасно! Благодарю вас! И так сочетается с шоколадом!

Запах действительно смешивался очень приятно. Айлин сделала глоток густого напитка, горячего как раз в меру, приятно пряного и тоже в меру сладкого. Изумительного! Пожалуй, не хуже шамьета, который варил Лучано! Отпила ещё немного и смущённо улыбнулась Дункану, который с улыбкой за ней наблюдал.

– Очень вкусно!

– А ещё хорошо восстанавливает силы. – Магистр лукаво блеснул глазами. – Поэтому никто не удивится, что я приношу его своей… пациентке. – Его мягкий голос будто погладил Айлин, и по её спине пробежали приятные мурашки.

Действительно, пока что им никак не следует раскрывать своих отношений! Хотя бы пока она лежит в лазарете. А вакации ещё так нескоро! Никогда в жизни она не ждала их с таким нетерпением! Но ничего, даже эти невыносимо долгие недели когда-нибудь закончатся. Дункан будет её навещать… А она расскажет ему всё-всё! Ну, почти всё. Наверное, самое страшное и противное лучше не рассказывать, он и так о ней беспокоился.

Она пила шоколад, который оказался даже вкуснее своего твёрдого собрата, смущённо и благодарно улыбалась и думала, что теперь всё будет хорошо. Без магии, конечно, ужасно скучно, но… это не такая уж высокая цена за то, что ей удалось сделать. Какое счастье, что Дункан их так вовремя нашёл! Кстати…

– А как вы нас отыскали? – выпалила Айлин, наконец-то спохватившись.

Ничего не скажешь, вовремя! С другой стороны, подумать об этом раньше было совершенно некогда.

По лицу Роверстана скользнула тень. Он помолчал, потом, вздохнув, расстегнул ворот камзола и вытянул что-то… что-то блестящее. Медальон?

Помедлив ещё немного, разумник снял его и, взяв Айлин за руку, вложил украшение ей в ладонь.

– Взгляните сами, моя девочка, – сказал он так мягко и ласково, что Айлин на миг устыдилась.

«Но ведь он разрешил посмотреть, – тут же возразила она самой себе. – Значит, это не будет невежливо!»

Овальный золотой медальон был небольшим, всего в две фаланги пальца, его верхнюю крышку покрывала вязь древних рун. Прищурившись, Айлин разобрала «Поиск» и «Путь». Провела по крышке ладонью и досадливо прикусила губу: медальон наверняка был амулетом! Раньше она точно почувствовала бы, зачарован он или нет, а сейчас… Ох, как сложно остаться без магии! Всё равно, что ослепнуть или оглохнуть!

Она снова погладила крышечку и поддела её край ногтем. Неуверенно взглянула на Дункана, и тот кивнул, глядя на неё со странным беспокойством.

Медальон, тихо щёлкнув, открылся, и Айлин замерла – внутри медно блеснула аккуратно уложенная прядь волос.

– Когда я узнал, что вы покинули Дорвенну в сопровождении юного лорда Вальдерона, – тихо сказал Дункан, – я попросил мэтра Гельсингфорца изготовить поисковый амулет, настроенный на вас, и выехал из Дорвенны, как только он был готов. Я мог только надеяться, что не опоздаю, но…

Он болезненно поморщился, и Айлин растерянно потрогала пальцем туго заплетённую прядку. Подумать только, если бы она не подарила магистру локон, он так и не узнал бы, где их искать, не вытащил её из Запределья, и Ал с Лу наверняка погибли бы! Во всяком случае, Ал – точно!

Она невольно вспомнила сон-предупреждение, явившийся ей в доме мастера Витольса. Как же она тогда рассердилась на Дарру! А вот сейчас её переполняло радостное смущение и горячая благодарность, и не только за спасение, но и за то, что Дункан сразу всё рассказал! Наверняка ведь мог бы отшутиться, перевести разговор или даже сказать про чары поиска, но не показывать медальон. Правда, он обещал никогда не лгать, но ведь всё это не было бы ложью!

Она осторожно закрыла медальон, снова погладила узорчатую крышку и протянула его разумнику.

– Возьмите, – шепнула она. – Это же был подарок! И… спасибо, Дункан. За всё!

Тонкое покрывало, которым она всё это время была укутана, сползло с плеча, и Айлин его торопливо поправила. Магистр, конечно, её жених, но показаться перед ним в одной тонкой рубашке? Это уж слишком! Но Дункан и сам старательно отвёл глаза, хотя губы, снова дрогнувшие в улыбке, она всё-таки заметила. Непослушное одеяло продолжало соскальзывать, и Айлин, сражаясь с ним, поставила пустую чашку на край стола.

– Знаете, – сказала она тихо, – когда я думала, что умру… Я вспоминала вас! И даже попросила своего спутника передать вам мои записи и кое-что на память. Браслет-накопитель, например… Правда, ваш нож я обещала ему. Вы ведь не обидитесь? Но теперь ни за что не отдам. Он спас мне жизнь…

– Нож или ваш спутник? – слегка изогнув бровь, поинтересовался магистр, и сердце Айлин сладко замерло.

Как же ей нравилась эта чуть уловимая тень насмешки в его голосе! Совсем не обидная, напротив!

– Оба, – призналась она, доверчиво улыбнувшись в ответ. – Вашим ножом я упокоила… одну тварь, – спохватилась она в последний момент, что решила не рассказывать о самом страшном. – А синьор Фарелли не раз спасал нас с Аластором. Правда, мы его – тоже. Как и Аластор нас.

– Полагаю, это путешествие должно было связать вас не меньше, чем проведённый ритуал, – задумчиво отозвался Дункан, вглядываясь в её лицо. – Я очень рад, что мой подарок вам помог. Между прочим, о ритуале. Я имею в виду второй. Можно узнать, где вы его взяли?

– У вашего друга, – удивлённо посмотрела на него Айлин. – Я надеюсь… поняла его правильно, когда он сказал, что ваш друг. Дон Раэн, арлезиец!

– Раэн?

В голосе Дункана послышалось такое изумление, что Айлин на миг даже испугалась – вдруг она была обманута, и их случайный гость совсем не добрый знакомый магистра.

– Дон Раэн, да, – повторила она. – Он говорил, что едет к вам в гости. И что вы давно знаете друг друга…

– Весьма давно… – согласился магистр. – Я просто не предполагал, что… Впрочем, неважно. Это действительно человек, достойный доверия. Говорите, он ехал ко мне? Жаль, что мы разминулись. Меня ведь не было в столице.

– Очень жаль, – виновато подтвердила Айлин. – Мы случайно встретили его по дороге к Разлому. Он провёл с нами вечер и был очень любезен. Подарил синьору Фарелли лютню, а мне показал этот аркан. Такой странный! Аркан, а не дон Раэн.

– Мой дорогой друг дон Раэн тоже отличается некоторыми странностями, – не согласился с ней Дункан. – Но я уверен, им двигали лучшие намерения. Непонятно только, что теперь делать с последствиями его намерений и ваших действий. Вы знаете, что использованный вами аркан связал вас и ваших спутников? Не исключено, что очень надолго. А возможно, что и навсегда.

– Я тогда не думала об этом, – призналась Айлин. – Вы же сами видели…

– Видел, – подтвердил Дункан. – И готов поклясться хоть Благими, хоть Странником, что ваше решение спасло жизнь юному… лорду Вальдерону.

Айлин прекрасно поняла заминку, когда он назвал Аластора по титулу, но прикусила язычок. Она и так очень много болтает! Наверняка Дункан знает, кто такой Ал, но если не зовёт его принцем, значит, и ей тоже не стоит. А Дункан взял её правую руку и мягко, но решительно освободил от одеяла.

– Поднимите рукав, – попросил он. – Повыше локтя. Или спустите рубашку с плеча…

Его голос снова скользнул по Айлин вкрадчивой мурлыкающей лаской, но она, не поддаваясь, закатала рукав тонкой полотняной сорочки. Спустить?! Ну уж нет! Конечно, бальные наряды открывают тело даже сильнее, но то бальные!

Широкий рукав поддался легко, и Айлин замерла, у неё даже дыхание прервалось на пару мгновений.

– Что это? – выдохнула она, вглядываясь в чёрную ажурную вязь, лентой обхватившую её руку выше локтя, но ниже плеча.

Словно рисунок, но странный, глубоко окрасивший кожу и едва заметно выступающий над ней. Чёрная лоза с крошечными листьями и всего несколькими бутонами, зато усеянная длинными острыми шипами. Не роза, не терновник… Что-то совершенно незнакомое!

– Что это? – повторила она дрогнувшим голосом.

– След вашего аркана, – совершенно спокойно отозвался магистр. – Его физическое проявление. Точно такой же имеется на руке у вашего итлийского спутника, только на левой. А у лорда Вальдерона отмечены обе руки. Полагаю, это связано со структурой аркана.

– Д-да… – подтвердила Айлин, не сводя взгляда с жуткого и в то же время завораживающе красивого рисунка. – Аркан… он не совсем подходил, и я его изменила. Вместо связи

хозяина и фамилиара построила треугольник с Аластором на вершине. Ну и ещё кое-что поменяла.

– Поменяли, – тем же странным спокойным голосом повторил за ней Дункан. – В древнем аркане, созданном… очень давно созданном. Мой добрый друг дон Раэн – великий специалист по древностям и… неожиданностям. Очень надеюсь, что смогу должным образом поблагодарить его при встрече…

– И я тоже, – пискнула Айлин. – Я очень хотела бы увидеть его и поблагодарить. Если бы Аластор погиб… А это теперь так и останется?!

– Понятия не имею, – вздохнул магистр, а потом, продолжая держать Айлин за запястье, второй рукой провёл по рисунку кончиками пальцев, повторяя изгиб чёрной лозы.

Медленно, очень медленно… Айлин судорожно вздохнула, едва не рванувшись, но в то же мгновение изнутри её окатила жаркая сладкая волна. Приятно напрягся низ живота, а дыхание стало прерывистым, и ей показалось, что она взлетает на огромных качелях, а потом падает на них же – страшно и восхитительно разом.

– Вам не стоит беспокоиться об этом, дорогая моя. – Голос Дункана словно наполнил всё её тело, пока пальцы следовали прихотливым чернильным виткам. – Даже если рисунок останется навсегда. Он прекрасен. И делает вас ещё более особенной…

«Он делает меня сумасшедшей, – подумала Айлин, замерев от нахлынувших чувств и ощущений. – Или не он, а этот голос. Прикосновения. Слова и то, что они означают. Помоги мне Всеблагая, если этот мужчина творит со мной такое одним только голосом и кончиками пальцев, то… Разве так бывает?! Может, и эти проклятые итлийские романы всё-таки не всегда врут?!»

Она вспомнила, как подобие этого томного сладкого чувства испытала в палатке, когда Лучано провёл пальцами по её щеке. Да что они знают за секрет, эти мужчины?! Не все, конечно, а некоторые. Как им удаётся заставить её тело отзываться, словно музыкальный инструмент, и молить о большем, словно она умирает от жажды?

Но дыхание и самого Дункана стало быстрее, а чёрные глаза блеснули особенно ярко. Айлин вспомнила Вишнёвую ночь, и взгляд магистра, когда он склонился к ней для поцелуя. Если в этом и была особая магия, то действовала она на обоих. Лицо Дункана было совсем близко…

Но когда Айлин уже приоткрыла губы, в коридоре послышался звук шагов, и она испуганно отпрянула, упав на подушку, а Дункан неуловимо быстро поменял позу.

Миг – и вошедший в палату молодой целитель в зелёной мантии и со стаканом в руках не увидел ничего неподобающего. Айлин только надеялась, что ему не придёт в голову проверить её пульс – сердце колотилось как бешеное. И щёки пылают! Интересно, можно это списать на действие горячего шоколада?!

– Магистр Бреннан прислал вам лекарство и велел выпить немедленно, – сказал целитель совершенно обычным тоном. – И просил вас, милорд, зайти, как только освободитесь.

Дункан кивнул и встал. Айлин показалось, что он тоже с трудом надел маску обычной невозмутимости. Её рука, снова спрятанная под одеяло, всё ещё чувствовала прикосновения, словно они продолжались…

– Я зайду ещё, как только смогу, – сказал разумник ровным голосом. – Отдыхайте и ни о чём не беспокойтесь. Кстати, ваших родных известили о случившемся, но молодой лорд Ревенгар служит в гвардии, и его полк находится далеко от столицы. А леди Гвенивер гостит у одной из сестёр и письмо магистра Эддерли пока не получила. Думаю, она навестит вас в ближайшем времени, но пока что мы с магистром Бреннаном против любых посещений. Вам нужен покой.

– Очень нужен! – подтвердила Айлин, сообразив, что запрет на посещения – это отличная причина отложить визит Артура и леди Ревенгар. И тут же попросила: – А можно мне увидеть

тётушку Элоизу? То есть госпожу Арментрот! – добавила она для целителя, так и ожидающего с лекарством.

Лицо Дункана почему-то дрогнуло, словно он хотел что-то сказать, но сдержался. И всё-таки через пару мгновений магистр отозвался:

– Разумеется. Она скоро вас навестит.

И, поклонившись, вышел. Айлин послушно выпила кисловатое снадобье и снова легла на подушки, прикрыв глаза. Запах кофе и шоколада так и стоял в палате, а ещё, если прислушаться, неуловимо пахло самим Дунканом. Тот самый аромат, что она когда-то почувствовала во время урока фехтования пять лет назад. Какой маленькой она была! Хвоя, душистый табак, ладан и сандал… Никто из её знакомых больше не использовал такие мужские духи, сложные, но восхитительные. Кажется, она очень развратная особа, но… скорее бы прошли эти недели до свадьбы!

* * *

Солнечный луч погладил Грегора по лицу, и он нехотя открыл глаза, прощаясь с прекрасным, хотя и не задержавшимся в памяти ни одной яркой деталью сном. Только чудилось что-то тёплое, мягкое, золотисто-рыжее, будто пропитанное этим самым весенним солнцем. Укоризненный взгляд ярко-зелёных глаз, россыпь веснушек на сливочно-белой коже и покой. Нежное тихое спокойствие, взявшее его в плен, которому Грегор даже не думал сопротивляться.

«Пожалуй, сон был даже слишком прекрасным!» – признал Грегор, бросив единственный взгляд в окно и прислушавшись. Солнце стояло высоко в небе, а с тренировочной площадки, на которую выходило окно комнаты, доносились азартные выкрики адептов. Сколько же он проспал? Занятия, выходит, уже вовсю идут!

Словно отвечая его растерянному изумлению, слабо засветился зелёный луч Звезды Архимага, которую он вчера оставил на прикроватном столике, и усталый голос Бреннана – он что, вообще не ложился?! – виновато окликнул:

– Милорд Архимаг? Вы уже проснулись?

– Да, магистр! – уверил его Грегор и тут же ужаснулся: что должно было произойти, чтобы его потревожил целитель?! – Что-то случилось? С кем из пациентов?!

– С ними всё в порядке, – заверил Бреннан. – Дело в другом. Лорд-канцлер Аранвен счёл нужным навестить Академию и просил вас, если вы уже проснулись, отправиться с ним во дворец. Он ожидает во дворе.

– Благодарю. Передайте, что я спущусь через несколько минут, – выдавил Грегор, чувствуя, как хорошее настроение, вызванное приятным сном, испарилось так быстро, словно испугалось самого имени Аранвена.

Прямо сегодня, уже через четверть часа, придётся объясняться с канцлером, а Грегор по-прежнему не представляет, что ему сказать.

И какого драного Барготова демона Ангус вообще делает в Академии?! То есть понятно, что он наверняка приехал узнать о здоровье бастарда, но зачем же лично?

Ладно, не стоит тянуть, эта встреча точно не станет приятнее от длительного ожидания!

Грегор нашёл взглядом свою одежду и поморщился. Да, прислуга Академии тщательно вычистила камзол и сапоги, но вчерашнюю рубашку определённо нельзя было считать свежей. Какое тонкое напоминание, что всё имеет свою цену, даже если речь идёт о такой мелочи, как сон прямо в Академии, а жертвовать приходится всего лишь свежестью сорочки!

Ангус встретил Грегора возле своего экипажа, белоснежной кареты с серебряным лебедем и вензелем Аранвенов на дверце. Слегка поклонился и непринуждённо, словно они встретились на каком-нибудь приёме, предложил:

– Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию, милорд Архимаг? Нас ждёт Малый Совет во дворце, но прежде я хотел бы поговорить с вами наедине. Разумеется, после Совета вас доставят обратно в Академию или куда угодно по вашему выбору.

– Буду чрезвычайно благодарен, – выдавил Грегор.

Он терпеть не мог экипажи, но нога, вроде бы притихшая к утру, мстительно очнулась, как только он дошёл до крыла целителей, и явно намекала, что сесть в седло нерадивый хозяин сможет ещё очень и очень нескоро.

Да и Совет этот… Впрочем, спасибо Аранвену хотя бы за такую возможность поговорить наедине. Если удастся убедить канцлера, что Грегор вовсе не собирался погубить принца крови…

«Не удастся, – подумал он, устраиваясь на неожиданно широком и странно мягком сиденье напротив Ангуса. – Мы оба знаем, что именно это я и намеревался сделать – и не моя заслуга в том, что мальчишка жив. Тогда о чём пойдёт разговор?!»

– Могу ли я узнать, что привело вас в Академию? – спросил он негромко, не в силах изводиться ожиданием.

Любимый метод Аранвенов! В умении перемолчать любого собеседника им нет равных. Вот и Дарра такой же!

– Разумеется, – вежливо склонил голову канцлер. – Я счёл необходимым посетить свидетеля. Единственного, пребывающего в здравом уме и ясном сознании свидетеля того, что случилось в Озёрном Крае. Я должен был понять, что там произошло, прежде чем выносить это событие на обсуждение Совета.

– Роверстан! – с тихой злобой выдохнул Грегор. «Не трогать до завтра!» В самом деле, «завтра» уже наступило, и никто не решился бы отказать канцлеру в посещении. Что ж, если кто и смог заставить эту разумническую гадюку говорить, так это и в самом деле Аранвен. Пожалуй, Грегор дорого бы дал, чтобы понаблюдать за этой… грызнёй двух змей! – И как? Поняли?

– Боюсь, наоборот, – вздохнул Аранвен, откидываясь на сиденье напротив Грегора. – О, магистр Роверстан вполне подробно ответил на все мои вопросы. Если бы это добавило хоть какой-то ясности! Если я правильно помню ваши объяснения, Разлом должен был закрыться кровавым ключом, и моя дорогая Немайн полностью подтвердила это…

«Немайн Аранвен?! И в самом деле, она ведь некромантка, и пять лет назад Ангус советовался с ней по вопросу порталов, он сам это сказал… И теперь – снова?! Он так доверяет знаниям собственной жены или не доверяет мне? Ну, так спросил бы Эддерли или Райнгартена! Да кого угодно!»

– …Но юная леди Ревенгар, по-видимому, использовала принципиально иной способ. По словам Дункана, она шагнула в Разлом сама… Прошу вас учесть, милорд, – голос Ангуса вдруг опасно зазвенел, как будто треснул огромный хрустальный сосуд, – что сейчас я нарушаю данное мной обещание молчать о том, что рассказал мне магистр Роверстан. Надеюсь, вы не заставите меня об этом пожалеть! Так вот, по его словам, леди Ревенгар использовала кровь юного лорда в качестве ключа и сама шагнула в Разлом, а затем каким-то образом вернулась оттуда живой и невредимой. Магистр Роверстан категорически против обнародования этих… деликатных подробностей. Магистр Бреннан, с которым я поговорил позже, утверждает, что нет никаких оснований полагать, будто юного лорда Аластора пытались принести в жертву. Среди множества рваных ран на его теле присутствует лишь одна резаная – на руке. Притом не слишком глубокая. Колотых нет ни одной. Всё это подтверждает, что леди Ревенгар действительно использовала иной способ закрытия Разлома.

– Так и есть, – бесцветно подтвердил Грегор, когда молчание в экипаже, мягко тронувшемся с места, стало совершенно невыносимым. – Она… разделила роли. Использовала кровь бастарда как… опознавательный знак и ключ, но роль жертвы взяла на себя.

Говорить это было невыносимо трудно и мерзко. И ещё хуже оттого, что Аранвен молча посмотрел на Грегора, наверняка мгновенно уловив всё, о чём Грегор промолчал. Айлин Ревенгар попросту пожертвовала собой, а не бастардом. Сделала то, что должен был сделать он, опытный сильный некромант. Лорд, присягавший королю, пусть и ныне мёртвому. Единственный друг Малкольма, приговоривший к смерти его последнего сына.

Грегор выдержал спокойный холодный взгляд тёмно-серых глаз канцлера с внутренним содроганием, ожидая слов Аранвена, как приговора.

– Вот как? – уронил лорд-канцлер. – Весьма самоотверженно со стороны столь юной девицы. Полагаю, её покойный отец гордился бы дочерью. Нам непременно следует отметить заслуги леди Ревенгар должным образом. Очень достойное поведение.

Он замолчал, сомкнув узкие бледные губы, и Грегор смог выдохнуть, хотя в глазах всё равно темнело от злости и стыда на самого себя. Аранвен говорил только об Айлин! Ни слова о самом Грегоре! Но они ведь оба понимают, что обвинения неминуемо прозвучат, если только…

– Я правильно понимаю, что юная леди воспользовалась методом, который разработали именно вы? И что никто другой о нём больше не знает?

Грегор молча склонил голову.

– То есть о вашем решении воспользоваться кровью Аластора Вальдерона… иным способом, знаем только мы с вами? – уточнил Аранвен.

Грегор снова кивнул, промолчав, что Айлин тоже, разумеется, это поняла. Ангус – профан, он может и не сообразить… Впрочем, глупо на это надеяться. Ясно, что девчонка именно потому бросилась спасать бастарда, что всё поняла. Пять лет! Ей было всего двенадцать, как она могла вообще помнить это случайное знакомство?! Как решилась отдать собственную жизнь за… этого?!

– Что ж, всего трое – это почти надёжно… – безжалостно уронил Аранвен, как всегда прочитав мысли собеседника. – То есть, разумеется, даже двое. Не так ли, милорд Архимаг? Ведь юная леди всё ещё адептка, не получившая перстень, и могла что-то перепутать. Понять неправильно. Поддаться чувствам. Самым благородным, разумеется. Любви и верности королевскому роду, желанию спасти Дорвенант. Ничего недостойного.

– Разумеется, – выдавил Грегор, ненавидя Ангуса и весь мир в этот момент, но больше всего – себя.

– Тогда, полагаю, нет никакой необходимости вообще привлекать внимание Совета к этой… детали. Очень жаль, что ваша неосторожность позволила адептке ознакомиться с описанием ритуала. Вашего личного ритуала, призванного закрыть Разлом безопасно для последнего наследника крови Дорвеннов.

– Хватит, Ангус! – не выдержал Грегор. – Я не отказываюсь ответить за то, что собирался сделать!

– В самом деле? – Светлые брови Аранвена едва заметно изогнулись. – Что ж, тогда будьте любезны придерживаться именно этой версии. Ответственность не всегда означает готовность героически взойти на плаху. Сейчас вы нужны Дорвенанту ничуть не меньше, чем ранее. Кстати, прекрасная сегодня погода, не так ли? Словно сама природа ликует вместе с нами.

Он отвернулся и старательно всмотрелся в окно, разглядывая улицу с редкими прохожими. Грегор стиснул зубы, изнывая от бешенства и стыда, терпя их, как приступ отката. Проклятье, его выпороли как провинившегося мальчишку! И неважно, что словами, а не розгами – так ещё мучительнее!

В полном молчании они подъехали к дворцу. Канцлер первым покинул карету, за ним лакей придержал дверцу экипажа для Грегора.

– Я собрал Малый Совет в том же составе, – уронил Аранвен, когда они шли дворцовым коридором к кабинету лорда-канцлера. – Отсутствует только командор Райнгартен, но его кузен будет говорить за обоих.

– А что с Эженом? – рассеянно удивился Грегор. – Пропустить такое? На него это не похоже.

– Его присутствие срочно потребовалось в провинции. – Канцлер поморщился, и в его голосе зазвучала досада: – Полковник Райнгартен, помните? Тот, что взял под командование егерский полк.

– Разумеется, помню. Он вызвал дядюшку на помощь?

– Нет, позволил себе в самый разгар действий против демонов погибнуть на дуэли. Вообразите только! Причём с одним из собственных офицеров.

– Что?! – искренне поразился Грегор. – Дуэли в военное время запрещены! И… как же субординация? У кого хватило наглости обнажить рапиру против собственного командира? Да ещё фактически во время войны!

– Грегор, это же егерский полк! Неужели мне нужно напоминать вам, какого сорта люди там служат? Офицеры из дворян, разумеется, но всё равно…

Грегор молча с ним согласился. Чтобы управиться со смертниками, выбравшими егерский полк вместо виселицы или каторги, нужно быть человеком особого склада. Такие и полковника, пожалуй, способны вызвать на дуэль. Особенно такого, как Райнгартен. Но всё равно, что-то здесь нечисто. Хм, убийство, прикрытое дуэлью?

Лакей распахнул перед ними дверь кабинета, и Аранвен учтиво пропустил Грегора вперёд как хозяин, а потом вошёл следом. Грегор пересёк едва заметную магическую преграду – чары от подслушивания – и поклонился собравшимся. Дождался, пока лорд-канцлер займёт место во главе стола и только тогда сел в последнее свободное кресло. Эддерли, Кастельмаро, Этьен Райнгартен и теперь они двое – Малый Совет снова собрался, чтобы решить судьбу Дорвенанта.

– Благодарю, что откликнулись на моё приглашение, милорды, – произнёс Ангус, складывая руки на столе перед собой и сплетая длинные бледные пальцы, унизанные перстнями. – То, что я скажу, возможно, кому-то из вас уже известно, однако не всем. – Он покосился в сторону Эдвина Кастельмаро, единственного, кто не имел никакого отношения к Академии, и лорд-боевик, привстав, поклонился. – Итак, слава Семи Благим, страна в безопасности от нашествия демонов. Первоначальный Разлом, ставший причиной стольких бед, был закрыт магическим ритуалом с использованием крови Дорвеннов. Да-да, милорды, я счастлив сообщить вам, что нашёлся живой представитель этого священного для нас рода.

Он обвёл всех взглядом, к счастью, не задержавшись на Грегоре, так что последние слова прозвучали данью учтивости, а не злой издёвкой. Впрочем, когда имеешь дело с Аранвеном, различить эти два понятия иногда невозможно.

– Мне не слишком приятно об этом говорить, – ровно продолжил Ангус, – однако его величество Малкольм, да примет Претёмная его душу милостиво, до вступления в брак имел связь с одной из дворцовых фрейлин. Девица понесла, и, чтобы избежать понятных претензий невесты, её выдали замуж. Я лично занимался устройством этого брака и могу заверить, что бастард его покойного величества попал в исключительно достойную семью.

– Прекрасная Джанет… – пробормотал Эддерли. – Но постойте, получается, что юноша – ровесник его высочества Криспина?

– Именно так, – склонил голову Аранвен. – Разница в несколько месяцев. Разумеется, в пользу бастарда. Фактически, именно он старший сын покойного короля. Внебрачный, но от девицы дворянского происхождения, ни капли неблагородной крови. Его величество все эти годы следил за судьбой своего отпрыска, но не поддерживал никаких отношений ни с ним, ни с его матерью – это было условием, которое поставила её величество Беатрис. Юноша вырос, не

зная о своём происхождении, считая себя сыном и наследником лорда Себастьяна Вальдерона. Ваши родственники, милорд Райнгартен, если не ошибаюсь? И вашего кузена?

– Именно так, милорд Аранвен, – подтвердил Этьен, и его глаза блеснули, как у кота, заполучившего полный доступ в кладовую. – Волей Всеблагой Матери я женат на девице из этой достойнейшей семьи, а мой кузен – на её сестре. Конечно, мы ничего не знали! Но тем больше причин гордиться подобным родством…

«Родством с кем? – про себя устало съязвил Грегор. – С мальчишкой-бастардом? С его матерью, всех заслуг которой – раздвинутые перед королём ноги? Или с его приёмным отцом, прикрывшим этот позор своим именем? Вот уж много чести для лорда из Трёх Дюжин породниться с таким семейством. Хотя, конечно, иметь шурином последнего из Дорвеннов – этот шанс Райнгартены ни за что не упустят. Надо же, как удачно для них всё сложилось. И в корыстолюбии не обвинить – в самом деле ничего не знали, женившись на обычных дворяночках, – и к трону они теперь подобрались почти наравне с Аранвенами».

– Лорд Вальдерон… – пробормотал Эддерли. – Мы были друг другу представлены на свадьбе нашего дорогого Этьена. Он весьма похож внешне на его величество Малкольма. Ангус, не подумайте, что я… Но вы уверены в подлинности происхождения этого юноши?

Аранвен молча открыл шкатулку чёрного дерева, стоящую на столе, и вытащил небольшой листок пергамента, исписанный и заверенный несколькими оттисками печатей. Положил его на стол перед собой и пояснил:

– Это заключение королевской геральдической коллегии. Когда юного лорда доставили в лазарет Академии, мне передали образец его крови, которую незамедлительно проверили на родовом камне крови Дорвеннов.

«Дарра! – вспомнил Грегор. – Так вот почему он был без перчаток! Что может быть проще, чем мазнуть чистой белой тканью по раненому бастарду, взяв образец? А уж перчатки у любого из Аранвенов не просто чистейшие – эталон безупречности. Вот почему он так спешил к отцу… Нёс ему материал для анализа!»

К собственному удивлению Грегор понял, что даже не злится на такое недоверие. Да, конечно, Дарра Аранвен – один из его, Грегора, личных учеников. Но Аранвен – всегда Аранвен. Они не умеют быть верными никому, кроме собственной семьи и государства. Мальчик вырос, и игра в Воронов Бастельеро перестала его развлекать. Ничего странного…

– Можете ознакомиться с заключением, милорды, – проговорил Аранвен, передавая пергамент сидящему слева от него Кастельмаро. – От себя добавлю, что лично присутствовал при этом анализе и должен заметить – я никогда, ни при одном подобном ритуале не видел такой чёткой яркой вспышки. Маги геральдической коллегии клянутся, что на их памяти подобное тоже редкость. Исключительно сильная кровь! Очень близкая к исходному образцу! Но если кто-то усомнится и в их заключении, и в моих словах… – Он позволил себе усмешку, быстро скользнувшую по тонким губам. – Тогда ритуал можно повторить в любое время и при любых свидетелях, хоть при всём Большом Совете.

«Разве можно усомниться в словах самого лорда-канцлера? – жёлчно подумал Грегор. – Ни в коем случае! А что до этого он столько лет скрывал тайну дочерей Беатрис – ну так это для блага государства, конечно же! Как и тайну бастарда Малкольма… Один-один, как в игре. Какая же это мерзость – политика!»

– Впрочем, – закончил Аранвен с ещё более безмятежным видом, – есть и другое свидетельство, едва ли не более достоверное в глазах людей. Кровь лорда Аластора смогла закрыть Разлом, открытый кровью его несчастного брата по отцу, бедного Кристиана. Не будь он Дорвенном, это было бы невозможно, как меня убедили сразу несколько достойных доверия источников.

– Одну минутку, милорд канцлер, – встрепенулся вдруг Кастельмаро, сидевший до этого молча, с отрешённо-задумчивым видом. – Верно ли я понял ваши слова? Принц-бастард знал, что его кровь послужит ключом к Разлому?

– Никто не может утверждать это наверняка, – уронил Аранвен, взглянув на Кастельмаро с усталым неодобрением. – Кроме самого принца, который пока не пришёл в себя. Но…

– Да прекратите вы, Аранвен! – неожиданно яростно выкрикнул Кастельмаро, вскакивая с места и опираясь ладонями о стол. – Не юлите хотя бы с нами, если уж сами решили, что можете нам доверять! Зачем бы ещё он поехал в Озёрный Край в сопровождении целого отряда, да ещё прихватив с собой боевую магессу! То есть некромантку… – на минуту смешался он и тут же спохватился: – Ту самую некромантку, которая провела обряд! Разумеется, он знал! – Его яростный взгляд остановился на Грегоре. – Принц собирался исполнить свой долг, а вы, милорд Бастельеро, послали меня, чтобы я остановил его, и не ваша заслуга, что мне это не удалось! Если бы я только знал то, что вы скрыли, видит Пресветлый – я счёл бы за честь присоединиться к ним, а вместо этого лишил принца и его спутницу… лишил защиты дочь моего друга! Будьте вы прокляты, Бастельеро, вы хоть понимаете, что они могли просто не доехать до этого Барготом помеченного Разлома?!

– Сядьте, Эдвин! – не повышая голоса, попросил Аранвен. – И прошу вас быть осторожней в высказываниях. Склоки в Малом Совете – последнее, что нам нужно! Лорд Бастельеро просил вас вернуть юного лорда в столицу, намереваясь дать ему как можно более точные инструкции и наилучшее сопровождение.

– В таком случае, почему он не приказал мне просто передать эти инструкции и присоединиться к его отряду? – жёлчно поинтересовался Кастельмаро, став вдруг поразительно похожим на покойного Великого Магистра. – Не станете же вы утверждать, что лорд-протектор собирался бросить столицу и отправиться к Разлому лично?! Тогда он сделал бы это сразу, обошёлся бы без моей помощи! Скажите, что я неправ, Бастельеро, – так тихо, словно потратил все силы на крик, потребовал он вдруг. – Скажите, что я болван. Что неверно понял ваш приказ. Что вы не хотели причинить зла сыну вашего друга. Скажите, что боялись за него, как я – за дочь своего. Скажите хоть что-нибудь, будьте вы прокляты! Я поверю вашему слову, подштанниками Пресветлого клянусь! Ну же!

Грегор промолчал, стиснув зубы.

– Молчите, – горько сказал боевик. – Что ж. Мне всё ясно. И за это тоже… благодарю.

– Довольно! – В голосе канцлера хрустнул лёд, и боевик мрачно умолк. – Эдвин, ваши слова опасно близки к оскорблению!

– И неосторожны, – укоризненно добавил Райнгартен. – Клянусь Всеблагой Матерью, я искренне надеюсь, что любимый брат моей дорогой Мэнди вскоре выздоровеет и примет свои новые… обязанности. Но всё же юноша пока не пришёл в себя, а это весьма тревожный признак, милорды. Если, вопреки нашим надеждам, юный принц не сможет взойти на трон…

– Тогда Совет коронует лорда Бастельеро, – тяжело уронил Ангус. – Трижды спасителя Дорвенанта. Не забывайте, что ритуал, закрывший Разлом, разработал именно он. И лично обучал адептку, которая сумела его провести. Поэтому, Эдвин, ещё раз прошу вас быть сдержаннее.

– Надеюсь, что королём станет лорд Вальдерон! – отчеканил Кастельмаро. – Которому я принесу присягу с радостью и гордостью.

– Мы все ему присягнём, – услышал Грегор собственный голос и поразился, как тускло он звучит. – И если законный король потребует отчёта в любых моих действиях, не сомневайтесь, я этот отчёт предоставлю.

– Полагаю, так и случится! – упрямо огрызнулся Кастельмаро и хотел ещё что-то сказать, но его прервало единственное слово, тяжело упавшее из уст Аранвена:

– Хватит!

Под взглядом лорда-канцлера боевик фыркнул в усы, но всё-таки уселся обратно в кресло, мрачно поглядывая на Грегора.

«Вот теперь я его потерял окончательно, – отстранённо подумал Грегор. – Не друга, конечно, но умного отважного подчинённого и верного соратника. Того, кому мог бы довериться, а вместо этого предпочёл использовать как слепое орудие. Что ж, сам виноват. Уже в который раз…»

– Всё, что было сделано лордом Бастельеро, имело целью спасение Дорвенанта, – тихо сказал Аранвен. – И привело именно к этому результату, прошу заметить. Так что не будем обсуждать то, что могло случиться, но, к счастью, не случилось. Принц жив, и можно надеяться, что могучее здоровье Дорвеннов проявит себя, позволив ему выздороветь в самом близком времени. Из этого и будем исходить. Таким образом, у нас есть прямой потомок Дорве, доказавший свою преданность стране самым героическим образом. Конечно, заслуги юной леди Ревенгар тоже следует учесть, но это предмет уже совсем другого разговора.

– Кстати, милорд канцлер! – подался вдруг вперёд Эддерли. – И снова не поймите меня неправильно! Я прекрасно сознаю, насколько мужественным и необходимым был поступок лорда Аластора. Но как быть с тем, что в результате ритуала юноша оказался связан с леди Айлин? И, если не ошибаюсь, не только с ней, но ещё и со вторым своим спутником, который нам пока что неизвестен даже по имени. Магистр Ладецки, впрочем, утверждает, что это типичный наёмник, вроде бы итлиец. Так вот, что мы будем делать с этим обстоятельством? Оно может оказаться очень важным!

– Связаны? – переспросил Кастельмаро.

– Именно, – кивнул Эддерли. – Насколько я понял, после ритуала по закрытию на наших спасителей накинулись демоны, блуждавшие поблизости от Разлома. Юный принц был ранен тяжелее всех, и леди Ревенгар провела ещё один ритуал. Как бы вам объяснить, Эдвин… Что-то вроде перекачки резерва, только с жизненной энергией. – Боевик понимающе кивнул, и пожилой некромант продолжил с жизнерадостностью, которой Грегор сейчас совершенно не разделял: – Но обстоятельства и уровень знаний адептки Ревенгар были таковы, что она… каким-то образом связала всех троих, включая себя, на уровне жизненной сути в единое целое. Не спрашивайте – как, мы сами пока не можем понять.

«Безумная девочка, – устало подумал Грегор, видя, как изумлённо расширяются глаза Кастельмаро, с каким непроницаемым лицом сидит Райнгартен и как морщится Аранвен, который явно не собирался обсуждать это сейчас. – Связать себя и этого… Ещё и наёмник… Ну да, был там какой-то на холме… Что теперь со всем этим делать?! И ведь можно даже не сомневаться, Эддерли, старый плут, давным-давно вытянул из другого старого плута Бреннана всё, что только можно. А я, Архимаг, знаю то, что мне решают сообщить!»

– Природа их связи действительно пока не ясна, – холодно сказал Аранвен. – Полагаю, с этим мы разберёмся позже. Прямо сейчас нужно дождаться выздоровления принца, сообщить ему все обстоятельства и готовиться к коронации. Впрочем, если вы, милорды, решительно против, у нас всё ещё остаётся в запасе кандидатура лорда Бастельеро.

– Милорд канцлер! – Кастельмаро даже привстал в кресле, возмущённо уставившись на Аранвена.

Райнгартен открыл рот и… закрыл. Ну, ещё бы, этот, конечно, всемерно жаждет видеть на троне своего родственника, но и с Архимагом пока что портить отношения не станет. Грегору стало противно и от происходящего, и от себя самого. Хватит уже молчать!

– В данных обстоятельствах, милорд Аранвен, – бросил он в наступившую тишину, – моей кандидатуры у вас нет и быть не может. Если имеется прямой наследник по крови, способный принять корону и исполнять обязанности короля, нам всем следует присягнуть ему. С любыми связями и последствиями, как вы мудро заметили, разберёмся потом.

– Лорд Бастельеро совершенно прав! – воспрянул Райнгартен, глядя на Грегора чуть ли не с умилением. – Кровь Дорвеннов – святыня Дорвенанта! Всё остальное… пустяки, я уверен.

– А я вот не так уверен насчёт пустяков, – задумчиво промолвил Эддерли. – Но… судя по всему, юноша действительно может оказаться хорошим королём. Во всяком случае, он знает, что такое ответственность.

– Может? – поразился Кастельмаро. – Милорды, он спас Дорвенант! Это ли не прекрасное начало и лучшая рекомендация?! Пока мы здесь вычерпывали из тонущего корабля воду дырявой ложкой, он поехал и закрыл этот Барготов Разлом! За одно это ему стоит присягнуть! Какие могут быть сомнения?

«О Малкольме они уже все забыли, – с горечью подумал Грегор. – А он ведь тоже был когда-то юным, рьяным, подающим надежды… И к чему всё пришло? Хотя Кольм, я уверен, не отказался бы сунуться в Барготову дыру, если б это понадобилось стране. Дорвенны бывают разными. Жестокими, самолюбивыми, развратными, невыносимыми, но трусов среди них не водится. Что ж, надеюсь, мы не пожалеем об этом решении. И сохрани нас всех Претёмная…»

– Да будет так, – подытожил Аранвен и поднялся из кресла, давая понять, что Совет окончен. – Милорд Бастельеро, Академия в вашем ведении. Я надеюсь, для лорда Вальдерона – пока ещё лорда Вальдерона! – сделают всё необходимое.

– Не сомневайтесь, милорд, – ответил поклоном Грегор и тоже встал. – А когда вы намерены утвердить это решение в Большом Совете?

– Большой Совет? – Аранвен приподнял брови в точности, как это всегда делал его сын. – А зачем им что-то утверждать? На каком, простите, основании? Лорды, пусть даже из Трёх Дюжин, должны не выбирать короля, а смиренно принимать его законную власть. Как только юный лорд Вальдерон очнётся, мы начнём готовиться к коронации, и Большой Совет обо всём узнает. До встречи, господа. Рад был всех видеть.

Эддерли вышел из кабинета первым, следом за ним откланялся Кастельмаро. Грегор тоже подошёл к порогу, кивнув на прощание Аранвену, но тут его бесцеремонно поймали за рукав.

– Ну уж нет, милорд Архимаг! – заявил Райнгартен. – Теперь, когда основной вопрос решён, извольте уделить мне время! Это не терпит отлагательства. Милорд Аранвен, прошу и вашего внимания!

Глава 2
Личная жизнь Архимага

– Милорд Райнгартен? – сдержанно удивился Аранвен. – Что ж, мы слушаем вас со всем вниманием.

– Наконец-то! – выдохнул стихийник с каким-то немыслимым облегчением, выпустил рукав Грегора и заговорил с несвойственной ему поспешностью. – Когда мы… я хочу сказать, когда милорд Архимаг и сопровождающие… уносили от Разлома лорда Аластора и его спутников, я заметил одну странность, объяснения которой не нахожу до сих пор.

Аранвен выжидающе кивнул, а Грегор встрепенулся, пытаясь припомнить, когда он слышал что-то подобное. Ах да, вчера Этьен пытался сказать что-то о Разломе, но нужно признать, выбрал для этого самое неподходящее время! Что ж, теперь Грегор выслушает его со всем возможным вниманием, как и обещал Ангус…

– Дело в том, – продолжил Этьен по-прежнему торопливо, – что на месте Разлома нет характерных возмущений. Прошу прощения, Ангус, вам, профану, это должно быть не слишком понятно, но поверьте, они обязаны быть! Более того, подобные возмущения не могли улечься раньше, чем через пару лет, а их… их просто нет! – повысил голос Райнгартен, и Грегор ясно различил в этом вскрике нотки истерики. – Некроэманаций – сколько угодно! Стихийные тоже присутствуют, хотя куда в меньшей степени, чем должно…

– Прошу прощения, Этьен, – прервал его Грегор. – Но я решительно не понимаю, чем вы озабочены. Каких ещё возмущений вам не хватает? Разлом закрылся – и слава Благим!

Райнгартен посмотрел на него возмущённо, глубоко вздохнул и тихо, но веско отчеканил:

– Разлом вёл в Запределье, милорд Архимаг. Не просто в Бездну, как остальные разрывы ткани мироздания, а через неё насквозь! Когда мы были там в прошлый раз, эманации Запределья были таковы, что… Неважно, – осёкся он, вздрогнув. – Вы не стихийник и в самом деле не могли этого заметить, но довольно, что заметил я. Прямо сейчас в месте Разлома нет ни следа силы Запределья, и я ручаюсь, что подобное невозможно естественным образом.

– Но Разлом закрыт? – уточнил Аранвен, и Райнгартен вскинулся, яростно сверкая глазами.

– Разлом закрыт! Но поймите же, возможны последствия, и никто, слышите, Ангус, никто не может предсказать – какие именно!

– Мы понимаем вас, милорд Райнгартен, – заверил канцлер, и Грегор молча кивнул.

Конечно, он не стихийник! Но напрасно Этьен думает, что маг другой гильдии не поймёт его опасений. Если ты чистишь беспокойное кладбище, на котором совершенно точно засели стригои, а пахнет на нём упырями, ночницами, но только не стригоями, это означает лишь одно – большую и, к предсказателю не ходи, опасную гадость. А неизвестность любую опасность может только удвоить.

– Что вы предлагаете, Этьен? – спросил он.

– Нам необходимо как можно скорее отправиться в Озёрный Край, – быстро отозвался стихийник. – И детально изучить место бывшего Разлома. Ликвидировать некротические и стихийные возмущения, а когда магический фон выровняется, изучить показатели магического поля хотя бы за несколько дней. Вдруг я всё же беспокоюсь напрасно, и эманации Запределья были всего лишь заглушены силой ритуала? – добавил Райнгартен так безнадёжно, что стало понятно – в подобную удачу он не верит ни на мгновенье. – Впрочем, вам наверняка потребуется время на сборы, да и мне тоже, не говоря уж о том, что я должен навестить мою дорогую Мэнди. Вы ведь знаете, что ей сейчас ни в коем случае нельзя волноваться, а меня не будет дома самое меньшее несколько дней! Притом нам потребуется не меньше полудюжины

моих коллег и самое малое – столько же некромантов. Ну, и полдюжины боевиков для охраны. Полагаю, Ладецки нам не откажет…

– Погодите, – прервал его Грегор, в полной мере вдруг осознав, о чём говорит Райнгартен. – К Разлому? Сейчас? Абсолютно невозможно! Этьен, я понимаю ваше беспокойство, но… Разлом только что закрылся, прямо сейчас ничего страшного с ним не происходит. И, в конце концов, можно поставить там наблюдательный пост! Но прямо сейчас я не могу всё бросить и отправиться на этот клятый холм! У меня есть и другие дела, не менее…

– Другие дела?! – взвился Райнгартен, и Грегор с изумлением понял, что всегда спокойного и вальяжного стихийника, похожего на откормленного кота, натурально трясёт. – Нет у вас более важных дел, милорд, и быть не может! Всё остальное подождёт! Вы только представьте, что случится, если эта проклятая дыра опять распахнётся. Я не знаю – как! Но распахнётся! Только уже без привязки на жертвенную кровь! И чем тогда мы станем её закрывать? Вы сами шагнёте в неё по примеру покойного Кристофа или кого-то отправите?! А я вас предупреждаю, там возможно что угодно! Она ведёт себя неправильно, вы это понимаете? Не бывает бури, которая способна улечься за несколько минут. Не бы-ва-ет! А если она притихла, значит, вот-вот разразится с ещё большей силой! И не говорите мне про дела, милорд Архимаг! Я бросаю беременную жену и готов сам – лично! – торчать на этом Барготовом холме, лишь бы хоть что-то понять и исключить возможность… любую возможность повторения, слышите?! А если у вас дела, так снимите Звезду Архимага и занимайтесь чем… чем угодно, ясно? Найдётся, кому поставить дела Ордена и Дорвенанта выше своих собственных!

– Этьен, успокойтесь, – удивительно мягко попросил Ангус и налил бледному и трясущемуся Райнгартену воды в стакан из кувшина, стоящего тут же на столе. – Я уверен, мы поняли вас верно. И я, и Великий Магистр. Не так ли, лорд Бастельеро?

– Вполне, – бросил Грегор, разрываясь между желанием извиниться перед Райнгартеном и сделать ему выговор за безобразную истерику. Да ещё в присутствии профана! Неважно, что это сам Аранвен, есть же этикет Ордена и субординация! А Этьен его отчитал, как провинившегося адепта!

Райнгартен схватил стакан, осушил его одним махом и признательно посмотрел на канцлера. Потом упрямо вскинул подбородок и глянул на Грегора, сухо сообщив:

– Прошу прощения, милорд Архимаг. Но имейте в виду, я совершенно серьёзен. Если вы пренебрежёте моим докладом, я созову Совет Ордена и подниму вопрос о доверии Великому Магистру. Будет отвратительный скандал, разумеется, и это совершенно не то, чего я хочу! Видит Всеблагая, я всемерно вас уважаю, поэтому не заставляйте меня это делать!

– И чего вы этим добьётесь, Этьен? – тихо и очень мрачно спросил Грегор. – Если я сниму Звезду, неужели вы думаете, что вам позволят её надеть? Магистры уже однажды ясно выразили свою волю в этом вопросе. Может, обсудим всё иначе? Претёмной ради, я же не отказываюсь! И всегда готов был выслушать вас…

– Выслушать? – язвительно фыркнул Райнгартен. – Не спорю. Но сейчас вы должны не только выслушать меня, но и послушаться, уж простите! Это вам не пустяк вроде обеспечения для сирот или даже назначения главы алхимикам. Это жизненно важное дело! Которое касается всех нас!

«Именно потому ты и взял в союзники Аранвена, – понял Грегор с бессильным злым восторгом. – Конечно, можно сколько угодно говорить, что канцлер и королевская власть не вмешиваются в дела Ордена, но мы все знаем, что это не так. И теперь ты готовишь почву. Показываешь Ангусу, как радеешь за Дорвенант. Лучше бы ты пять лет назад поддержал меня на том совете по поводу порталов. Тогда бы и пугался непредвиденных последствий! Может, сейчас ткань мироздания не вела бы себя таким странным образом. А то ведь мы оба понимаем, что в Озёрном крае творится Баргот знает что в самом прямом смысле, но для профанов это выглядит совсем иначе!»

– Разве я спорю? – спросил он. – Этьен, вы меня неправильно поняли! Я вовсе не считаю, что ваши слова недостойны внимания! Но сколько времени это может занять? Может быть, пока действительно выставить там пост? В конце концов, неужели вам самому тоже необходимо там присутствовать? С измерениями справится кто-то другой. И не говорите мне, что вся Оранжевая гильдия состоит исключительно из вас!

– Никому другому я подобное не доверю! – отрезал Райнгартен уже спокойнее, но тем холодным непримиримым тоном, который Грегор у него не слышал почти никогда. – Не хочу, чтобы в случае чего это легло на мою совесть. Но сколько… Хм… Что-то около недели, я полагаю. Меньше просто не имеет смысла! Надеюсь, моим профессиональным способностям вы доверяете?

– В полной мере, – подтвердил Грегор, понимая, что выхода ему просто не оставили.

Айлин! Ещё целую неделю не иметь возможности видеться с ней. Даже не поговорить толком… Сейчас бедная девочка ещё не оправилась от всего, что с ней случилось, а когда она придёт в себя, Грегора не будет рядом. Неделя?! Да это же вечность!

«Ты дурак, – с издевательской горечью сказал он себе. – Ты ждал столько лет, пока в твоей жизни появится именно она. Бесценная, ненаглядная, единственная! А теперь боишься разлуки на неделю, пока она будет выздоравливать?!»

«Я упустил её из виду на одну ночь, – возразил он сам себе, – и чем это закончилось?! Она сбежала, прихватила с собой бастарда и отправилась к Разлому. И едва не погибла…»

– В самом деле, дорогой Грегор, – тем же бесконечно терпеливым тоном произнёс Ангус. – Почему бы вам не прислушаться к нашему не менее дорогому Этьену и не успокоить Дорвенант, исследовав бывший Разлом как положено. Неделя? Иногда это очень много, но сейчас я решительно не вижу неотложных дел, требующих вашего непременного присутствия. С остатками демонов справятся егеря, столица чиста от мародёров – между прочим, вашими усилиями и благодаря милорду Эжену. Да-да, Этьен, мы глубоко ценим заслуги вашего брата! Дела Ордена? Ну, есть же у вас толковые заместители? Нельзя всё взваливать только на собственные плечи! Даже Фрагана ведёт себя исключительно любезно и намерена заключить прочный мирный договор. Отправляйтесь и не переживайте ни о чём! Я обещаю посылать вам уведомления каждый день. Порталы работают, в случае необходимости вы сможете вернуться в Дорвенну в течение часа!

– Боюсь, что нет, – извиняющимся тоном поправил его Райнгартен. – Мы ведь отправимся именно для того, чтобы провести точные измерения. Любое открытие портала ближе, чем в дне пути верхом, создаст неминуемые искажения, и всё окажется напрасным. Даже если вы, милорд, пришлёте обещанное уведомление, придётся начинать замеры сначала. Поэтому вылазки в Дорвенну возможны только в исключительной ситуации, в деле жизни и смерти.

Ангус кивнул, что понял, и вопросительно посмотрел на Грегора. Ответить на это можно было только одним.

– Милорд Аранвен, – поклонился Грегор, глубоко вдохнув и выдохнув, чтобы хоть как-то привести в порядок разбегающиеся мысли. – Прошу прощения, что в ближайшую неделю буду вынужден переложить на ваши плечи ещё и мои собственные заботы лорда-протектора. Впрочем, никто другой не справится с этим лучше.

Что ж, теперь и правда всё решилось. Он не может отказать Райнгартену, потому что это будет полной глупостью. Если глава стихийников говорит, что положение настолько серьёзно, то… он знает, о чём говорит, верно? И уж тем более он не может отказать канцлеру, который столь любезен, что облёк прямой приказ в форму учтивого совета. Но это всё-таки приказ, и это понятно каждому из них.

– Отправимся завтра, – уронил он, стараясь не смотреть на Этьена. – Вам действительно стоит успокоить жену, да и подготовиться нужно как следует. Если, конечно, вы не против.

– Слушаюсь, милорд. – Райнгартен, волшебным образом вспомнивший о субординации, поклонился, и только его глаза блеснули то ли удовлетворённо, то ли, напротив, разочарованно – этого Грегор так и не смог понять. – Лорд Аранвен, вы позволите откланяться?

– Да-да, конечно, – кивнул Ангус, напоказ погружаясь в чтение какой-то бумаги, выуженной им из стопки на столе. – Желаю удачи, милорды, и прошу вас, в свою очередь, извещать меня обо всём по мере надобности.

Выйдя из кабинета вслед за Грегором, Райнгартен молча прошагал рядом с ним по коридору несколько шагов и лишь тогда напряжённо бросил:

– Мои глубочайшие извинения. Я бы никогда не стал… Но вы сами не выслушали меня трижды!

– Я об этом жалею, – сухо сообщил Грегор. – И понимаю ваше раздражение. Но впредь рекомендую подумать, прежде чем ставить мне ультиматумы. В свою очередь прошу прощения, что был невнимателен к вашим словам раньше. Полагаю, на этом закончим?

Райнгартен так же молча поклонился, а потом пробормотал:

– Целая неделя. Всеблагой клянусь, если бы вы знали, как мне самому не хочется уезжать! Мэнди прекрасно переносит беременность, но так дорожит каждой минутой, которую мы проводим вместе. И сейчас отказывать ей в этом просто бесчестно. Неделя, м-да… Меньше, чем браслетом, я точно не отделаюсь!

– Э… чем? – поразился Грегор, который искренне не уловил связь. – Браслетом?

– Ну разумеется! – посмотрел на него Райнгартен укоризненно. – Бастельеро, неужели вы в свои годы не знаете, что лучшее лекарство для расстроенных женских нервов – это драгоценности? Впрочем… э-э-э… ну да, простите! – смешался он и, явно желая загладить неловкость, торопливо продолжил: – Знаете, моя дорогая Мэнди обожает цитрины! А работать с ними по-настоящему хорошо умеет всего один ювелир. Истинный магистр своего дела!

– Артефактор? – рассеянно уточнил Грегор больше, чтобы поддержать разговор.

– Представьте себе – нет. Обычный профан, фраганец. Но великий умелец! Ах да, вы же не были у меня на свадьбе… – добавил он обиженно. – Я заказывал для Мэнди полный гарнитур с цитринами, ей они исключительно идут, вы же понимаете… А Эжену пришлось разориться на такой же, но только с голубыми топазами. Потому что нет ни одной девушки на свете, которая в такой день простит свою сестру, если у той будут украшения лучше! Впрочем, поверьте, оно того стоило. Сделал за две недели, и исполнение превосходное.

– Вот как? – Грегор несколько мгновений поколебался, а потом небрежно спросил: – И как зовут этого несравненного мастера? Вы ездили к нему во Фрагану?

– Разумеется! – подтвердил Этьен. – Конечно, в Дорвенне у него есть ювелирный магазин, но покупать для такого случая что-то готовое – как можно? Я заказывал у него лично. Месьор ди Амбруаз живёт в Люрьезе. Улица Голубых Лилий, если не ошибаюсь… А… вам зачем?

Брошенный на него удивлённый взгляд Райнгартена был откровенно обидным. Более того – оскорбительным! Да, Грегор одинок! И что, он теперь не может заказать украшения для… какой-то женщины?

Впрочем, Этьен и сам понял свою бестактность, потому что с преувеличенной любезностью распрощался, как только они вышли из дворца, и торопливо направился к своему экипажу.

– Милорд Бастельеро? – Подошедший лейтенант дворцовой охраны отдал ему честь. – Ваш экипаж подан.

Ах да, Ангус же обещал… Безупречно любезен и внимателен даже в мелочах и никогда ничего не забывает.

– Благодарю, – кивнул Грегор, чувствуя, что экипаж ему более чем необходим.

Верхом, конечно, быстрее, но проклятая нога… Ну что ж, вот на Барготовом холме заодно и обеспечит себе покой, о котором твердят целители. Ходить там просто некуда! Но

сначала нужно закончить все дела здесь, а времени осталось не так уж много. Благодарение Семи Благим, что порталы снова работают!

– К ближайшей портальной площадке, – велел он кучеру. – И гони быстрее.

* * *

– Доброе утро, юноша! – весело произнёс незнакомый мужской голос, и Аластор окончательно проснулся.

Очнулся он всего несколько мгновений назад и даже не успел ни о чём подумать, кроме как о том, что лежит в чистой мягкой постели раздетым, а во всём теле чувствуется приятная тяжесть. Голова, напротив, была лёгкой и пустой, и ему пришлось постараться, чтобы вспомнить… вспомнить…

Аластор рывком сел, открыв глаза и попытавшись осмотреться. Небольшая комната со светло-зелёными стенами, открытое окно, шум деревьев… Где он? Как сюда попал? И где…

Память безжалостно показала, как Айлин шагает в портал, как проклятый Разлом поглощает её, и Аластор задохнулся от боли, резанувшей его изнутри так, что дыхание перехватило. Он согнулся, спрятав лицо в руки…

– Ну-ну, юноша! – с упрёком сказал всё тот же человек, подходя к кровати. – Разве можно так резко? Мы не для того уводили вас подальше от Претёмных Садов, чтобы вы всё испортили нетерпением. А ну-ка, извольте лечь! И выпить вот это. Что значит, не будете? – удивился он, когда Аластор помотал головой. – Такому хм… взрослому юноше не к лицу бояться лекарств.

– Прекратите… – выдавил Аластор, в этот момент ненавидя и себя, и этого дородного старика в зелёной мантии. – Она… Вы нашли… тело?

Назвать Айлин этим отвратительным словом было почти невозможно, но он убрал руки от лица, невольно стиснув их в кулаки, и отчаянно посмотрел на целителя. Айлин… И Лучано! Всё, что помнил Аластор, это как на них двоих накатилась волна клыков, когтей и чешуйчатых шкур. Разве мог итлиец уцелеть там, где упал сам Аластор? Значит… и он тоже?!

Боль стала почти нестерпимой, и седой целитель озабоченно покачал головой, вглядываясь ему в глаза, потом молниеносным движением ткнул пальцем куда-то в живот – и спазм отпустил, позволив Аластору дышать. А вот боль осталась.

– Что это вы себе надумали, мальчик мой? – сердито отчитал его лекарь. – Ваши спутники живы, хоть и не совсем невредимы. Хуже всех досталось вам, считайте, что заново родились по воле Милосердной Сестры! Так что прекратите над собой издеваться и быстренько… вот так, умница!

Он быстро влил в онемевшего и ничего не понимающего Аластора полстакана горького зелья и толкнул его обратно в кучу подушек.

Живы? Он сказал «спутники»? Но если бы речь шла об одном Лучано, то… Может ли надежда вспыхивать так же ярко, как до этого – отчаяние и боль? Аластор упрямо приподнялся и выдохнул:

– Милорд целитель, умоляю! Вы сказали – «живы»! Так вы нашли их? Обоих?! И… леди Айлин тоже?!

Голос позорно сорвался на всхлип, но Аластору было плевать. Он нащупал руку целителя, которой тот опёрся на кровать, и сжал её.

– Милосердная Сестра, ну разумеется! Да лежите вы спокойно! И бедная девочка, и второй юноша – оба живы, лежат по соседству с вами! – заверил его целитель, показавшийся Аластору самым прекрасным существом на свете. – Вот наказание с этими вояками… Родились бы вы с искрой, точно стали бы боевиком! – добавил он с лёгким раздражением и ловко укутал Аластора одеялом, так что пошевелиться оказалось совершенно невозможно. – Всё, спать! Категорически запрещаю вставать в ближайшие несколько часов!

Но Аластор и не сопротивлялся, снова провалившись в тёплую темноту забытья. «Айлин жива, – повторял он себе, боясь поверить, но и не в силах отказаться от этой мысли. – Он же не мог меня обмануть, правда?! Зачем, если я и так всё узнаю. Айлин жива… Не знаю, как это может быть, но… она же сильная магесса! Наверное, она смогла как-то выбраться… И Лу жив! Благие Семеро, пусть это будет правдой! Обещаю, больше никогда вас ни о чём не попрошу, только пусть не окажется, что они погибли из-за меня! Как Искра и Белла… Пожалуйста…»

Второй раз он проснулся, когда солнце уже село, и закатные лучи заливали комнату тёплым золотым светом, прозрачным и сладким, как ярмарочные леденцы. Не открывая глаз, прислушался, и тревога, всё-таки терзавшая его, чуть разжала когтистые лапы, впившиеся в сердце. Лучано! Итлиец что-то объяснял виноватым и одновременно льстивым тоном, словно нашкодивший Паскуда внезапно обрёл человеческую речь.

– Не извольте беспокоиться, грандсиньор, – мурлыкал он с истовой почтительностью. – Это были очень хорошие зелья, что одно, что второе. Их, конечно, не стоило смешивать, но…

– Не стоило? – прервал его уже знакомый сварливый голос целителя. – Послушайте, юноша! Я не знаю, кто учил вас зельеведению, но на его месте я бы вас выпорол! Вы едва не умерли от разрыва сердца! И остались бы калекой, не будь кое-кто из моих учеников почти непростительно талантлив. Не стоило смешивать! Вы хоть понимаете, чего именно наглотались? Какой жуткой, смертельно опасной и отвратительной дряни?!

– Отлично понимаю, грандсиньор, – тихо ответил итлиец, неуловимо меняя интонацию так, что у Аластора по спине пополз холодок. – И тогда на холме понимал это не хуже. Но если бы я не наглотался этой дряни, то не продержался бы столько… сколько было нужно.

Он замолчал, и Аластор понял, что к его долгу перед сумасшедшим итлийским котярой прибавился ещё один пункт из тех, которые выплачивают всю жизнь. Впрочем, им ли уже считаться между собой долгами? Никаких счётных книг не хватит… А следом поднялась удушливая мерзкая волна обиды. Лучано знал! Знал, что задумала Айлин, и молчал! Позволил ей пожертвовать собой, спасая Аластора. Ну ещё бы, ведь у него был приказ королевы! Как он мог выполнить этот приказ такой ценой?!

– Ох, мальчишки… – вздохнул пожилой целитель в точности как отец Аластора, выговаривая ему за какую-то опасную шалость. – Что же вы творите… Ну, хорошо, что обошлось. Но кровь, сударь мой, вам придётся хорошенько почистить!

– Не имею ничего против, грандсиньор! – снова воспрянул Лучано. – Кстати, не могли бы вы распорядиться, чтобы мне вернули мою сумку? Там есть кое-какие медикаменты, которые…

– Медикаменты?! – рявкнул лекарь. – Снова какая-то дрянь, неизвестно кем сваренная?!

– Ну почему же неизвестно? – обиженно отозвался итлиец. – Я сам их готовил! Все, от первого до последнего. За качество ручаюсь. «Фениксовы слёзы», тинктура Лабиозо и «Синий жемчуг»! Отличные детоксы!

– Хм… Что, и «Фениксовы слёзы» – сам? – Целитель на несколько мгновений задумался, а потом со вздохом признал: – Ну, тогда ладно. Если у вас, юноша, хватило мастерства и терпения такое изготовить, надо думать, вы умеете этим пользоваться. Но вашему спутнику не вздумайте ничего дать! Все его лекарства готовятся под моим руководством.

– Слушаюсь, грандсиньор! – выдохнул Лу и снова замурлыкал: – Кстати, премного наслышан о вашей несравненной мудрости от синьорины Айлин. И вижу, что она нисколько не преувеличена!

– Нахал и льстец! – припечатал лекарь. А потом встал и подошёл к Аластору, упрямо глядевшему в стену с окном. – Ну-с, а что у нас тут? Как вы себя чувствуете, молодой человек?

– Великолепно, – процедил Аластор. – Я вам крайне обязан за помощь, милорд…

– Бреннан, – подсказал ему старик. – Магистр Бреннан, к вашим услугам.

Магистр? То есть сам глава Зелёной гильдии?! Аластор толком не рассмотрел его в первый раз, но память подсказывала, что целитель выглядит именно так, как и положено такому значительному лицу. Почтенный, внушающий доверие, строгий и видящий в нём и Лучано всего лишь «мальчишек». А ещё он и его подчинённые спасли жизнь Аластору и Лу с Айлин… И…

Десятки, если не сотни вопросов теснились у Аластора на языке, но глухая обида мешала повернуться к Лу и задать их ему. Так что он с трудом проговорил, не глядя ни на кого:

– Милорд Бреннан, сколько я уже здесь? И как давно…

– О, всего лишь сутки, мой юный лорд, – отозвался целитель.

– Сутки? – Аластор неверяще приподнялся на кровати, потому что сил снова вскинуться у него не было. – Но как?! Мы же были в Озёрном Крае!

– Порталом, разумеется, – обыденно объяснил целитель. – Как только первоначальный Разлом закрылся, порталы снова заработали и стали безопасны. Милорд Архимаг немедленно собрал отряд и лично отправился к бывшему Разлому. Там мы вас и нашли, всех четверых.

– Четверых? – растерянно переспросил Аластор. – Но…

– С вашего позволения, пусть ваш спутник расскажет всё подробно! А мне необходимо отлучиться.

Бреннан поклонился, и Аластор увидел, что целитель выглядит усталым, а его мантия – несвежей и помятой.

– Да, милорд, – сказал он с виноватой благодарностью. – И ещё раз примите мою глубочайшую признательность. Я вам очень обязан. А… леди Айлин… её можно увидеть?

Увидеть – и высказать этой… этой предательнице всё! Злость кипела внутри, мешаясь с облегчением, радостью и непредставимой обидой. Пожалуй, всего раз в жизни Аластор испытывал такую же яростную обиду – когда лорд Бастельеро выкинул его из комнаты Айлин, словно щенка – за шкирку. Но тогда это хотя бы было заслужено! А за что она с ним так?!

– И речи быть не может, – решительно отозвался на ходу магистр Бреннан, большим зелёным пятном продвигаясь к двери.

Аластор проморгался и упрямо запретил себе снова засыпать. Целитель оглянулся на него и добавил уже мягче:

– Бедной девочке необходим отдых не меньше, чем вам. У вас ещё будет время её поблагодарить.

И вышел.

Поблагодарить? Поблагодарить?! За этот… позор? За страх, и отчаяние, пока он думал, что Айлин мертва? За вину, которую он нёс бы всю жизнь? За что ему её благодарить?! За то, что она всё решила за него? Словно за несмышлёного ребёнка, не имеющего права распоряжаться своей жизнью?! Она же… Она лишила его честного имени дворянина! Превратила в труса, который спрятался за девушку и отправил её вместо себя на смерть!

Аластор захлебнулся очередной фразой, которую, оказывается, шипел вслух, потому что на крик не было сил. Горло изнутри будто кошки драли, и он закашлялся, а потом с трудом отдышался. Предатели! Оба! Эти… Друзья, называется! И Айлин, и этот… на соседней кровати!

– Скажи, Альс, друг мой, – протянул итлиец, разглядывая зелёную шерсть одеяла так сосредоточенно, будто ничего интереснее в мире не существовало, а его, Аластора, негодование вовсе не стоило внимания. – Что ты сделал бы, если бы знал, что один из вас должен погибнуть?

– Прыгнул бы сам в этот восьмиклятый Разлом, чтоб его Баргот отодрал! – рявкнул Аластор. – Что бы я ни думал про всех этих хитрозадых… м-магов… Здесь живут мои родители! И сёстры, хоть они и дуры! И прячутся за спину друзей только трусы, которые никаких друзей не заслуживают!

– Тогда почему ты удивляешься, что она сделала именно это? – жёстко спросил Лу, наконец подняв взгляд и уставившись на него посветлевшими почти до прозрачности глазами. – Разве её семья живёт не в Дорвенанте? Разве ты не её друг?

– Я – мужчина, – огрызнулся Аластор, беспомощно понимая, что не знает, как ещё ответить на возражения Лу. Неужели Лучано не понимает столь очевидных вещей?!

– А она – некромантка и боевая магесса, – пожал плечами итлиец. – И, как я понял, их мастера учат девиц в точности так же, как юношей. И ещё скажи мне, Альс… Если я всё ещё могу называть тебя так… Почему ты оставляешь право на честь для себя, но отказываешь в нём ей? Разве ты не знаешь Айлин? Её характер, сердце и душу? Разве она не сожгла за собой все мосты, когда отправилась с тобой, м? Или для ваших благородных синьорин такая прогулка – обычное дело? Так чего же ты от неё ждал?

Каждое слово итлийца беспощадно било в цель, и Аластор не знал, что возразить. Но и правоту Лучано признать тоже не мог. Айлин – девушка, хоть и магесса. Она не должна была даже рисковать собой, не говоря о том, чтобы жертвовать! Это был его долг! А она… Конечно, если бы она призналась, он бы ни за что ей не позволил!

– А ты всё знал… – глухо проговорил он, отводя взгляд от бледного осунувшегося Лучано. – Тебе она рассказала…

– Она беспокоилась, что с тобой будет потом, – помолчав, ответил итлиец бесцветным голосом. – Боялась, что ты её не простишь. И просила, чтобы я не дал тебе наделать глупостей. Просто… ей некого было больше попросить. Она тебя очень любит, Альс. Я не знал, что можно так любить… Чтобы идти на смерть и думать, как бы другому не было от этого слишком больно. Так что… Давай ты набьёшь морду мне, если очень кулаки чешутся, а? Только её ни в чём не вини.

Он безрадостно улыбнулся, и всю злость Аластора смыло волной горячей нежности, вины и желания немедленно сделать хоть что-нибудь! Что угодно, лишь бы исправить всё, уже случившееся с Айлин, и то, что ещё будет. Какой же он тупица! Немыслимый! Бревно безмозглое, хуже колоды для рубки дров! Айлин не было нужды беспокоиться за свою репутацию, потому что она не собиралась возвращаться в Дорвенну живой. И… Он внезапно понял страшное: и отец, и месьор д'Альбрэ тоже знали об этом! Все эти взгляды, недомолвки, прощания… Они знали! И приняли жертву Айлин ради него! Как… как ему теперь не просто заслужить её прощение, но и доказать, что это было не зря?! Что его жизнь того стоила!

– Может, и набью, – упрямо буркнул он, борясь со смущением. – Когда выздоровеешь!

Раздался стук в дверь, и юноша в зелёной мантии адепта вошёл в палату. Поклонился и положил на столик рядом с Лучано его грязную измятую сумку. В изумительной чистоте палаты она выглядела так странно и чужеродно!

– Благодарю, синьор маг, – поспешно сказал итлиец. – Скажите, а в этой сумке не было… никакого зверька?

– Нет, сударь, – удивлённо отозвался адепт. – У нас с этим строго, в лазарете не позволено держать животных. Мы бы точно заметили.

– Вот как… Благодарю ещё раз…

Лучано смолк и словно потух изнутри, проводив вышедшего целителя равнодушным взглядом. Аластор вздохнул и молча выругал себя. Он боялся вспомнить Искру, хоть это и было трусостью! Та страшная картина вспыхивала в его памяти постоянно, стоило подумать о любимой верной кобыле, и Аластор с ужасом думал, что теперь будет вспоминать только смерть Искры – всегда! А Лучано так привязался к этой мелкой вредной скотинке… Сам говорил, что у него никогда не было собственного зверья. И вот – надо же. Подарить ему другого енота? Глупость… Ему-то самому никакая лошадь, хоть самая быстрая и верная, Искру не заменит.

– Лу… – начал он неловко. – Слушай, может, он просто убежал? Там, на холме. Забился куда-нибудь… Ну дохлого же его в сумке нет, правда? Значит, живой…

– Спасибо, Альс, – улыбнулся итлиец одними губами. – Ничего. Забудь.

Аластор поворочался в постели и хотел ещё что-то сказать, но тут в дверь снова раздался стук. Она открылась, и в больничную палату вошёл самый необычный человек, которого он когда-либо видел. Невысокий, совершенно седой и немыслимо лохматый, он уставился на Аластора одним глазом, чёрным и неподвижным. Второй, ярко-голубой, в это время вращался в глазнице сам по себе, оглядывая немудрёную обстановку, пока не остановился на Лучано. Как у незнакомца получилось смотреть на них обоих разными глазами, Аластор понятия не имел. Наверное, и здесь без магии не обошлось. А потом странный пришелец запустил руку за воротник ярко-жёлтой мантии и вытащил откуда-то из-под неё… Перлюрена!

Енот болтался в его руке и выглядел полностью здоровым, даже лоснящимся. И даже шлейку, что смастерил для него Аластор, не потерял.

– Перлюрен! – вскрикнул Лу, сев на кровати. – О, синьор, тысяча благодарностей! Где вы его нашли?!

– Тысяча? – переспросил странный маг, обращая на него теперь чёрный глаз, а голубым глядя куда-то в окно. – Слишком долго, хватит одной. Перлюрен… хм… да, определённо, ему подходит. Его обнаружили в поварне. Он опрокинул бутыль с маслом, искупался в нём, потом залез в муку, потом – в патоку, и был пойман, когда добрался до хранилища орехов. Очень, очень способное животное! Чрезвычайно много успел! Полагаю, его спас ошейник. Повара увидели шлейку и закономерно решили, что зверь кому-то принадлежит. Но почему именно моему факультету? Хм… Не настолько мы безумны, чтобы держать енота! Хотя идея интересная, да…Так это ваш зверь?

Енот, завидевший Лучано, радостно верещал и рвался к нему, словно путешественник, после долгих лет странствий увидевший издалека родную землю. Или как приговорённый к смерти – за помилованием, что вернее.

Итлиец кивнул и сконфуженно пообещал:

– Как только встану на ноги, постараюсь возместить достойным синьорам поварам убытки и хлопоты.

– А, пустяки! – Странный маг махнул рукой, обтянутой жёлтым рукавом, и Перлюрен плюхнулся к итлийцу на постель.

Завизжав от восторга, енот кинулся к нему обниматься. Потом вцепился в ворот рубахи итлийца и замер, внезапно замолчав и только тихонько поскуливая.

– Он очень просил, чтобы его отнесли к папе, – безмятежно сообщил иллюзорник, насколько Аластор понял по цвету мантии. – Мои поздравления, сударь. Вы умеете выбирать… отпрысков. Не растеряйте это качество, ещё пригодится.

Так и не представившись, он вышел, оставив ошеломлённого Лучано, наглаживающего енота, и Аластора, которому впервые за долгое время захотелось рассмеяться.

– К папе? – приподнял он бровь. – Лу, неужели ты бесчестно поступил с какой-то енотихой? Как ты мог?! Хотя да, сходство заметное. Смотреть вы умеете совершенно одинаково! Ну и что ты будешь делать с этим… бандитто? – передразнил он выговор итлийца. – Идиотто… хм, енотто?! Оставишь себе?

– Понятия не имею, – улыбнулся Лучано обескураженно и очень искренне. – Но не отправлять же его теперь в лес. Всё-таки… боевой товарищ. Синьор Перлюрен дель Енотто…

И он опять погладил шёрстку приникшего к нему счастливого зверька.

* * *

Месьор ди Амбруаз, к особняку которого Грегора доставил уже фраганский экипаж, был немолод, невысок и напоминал героя сказки про оживший и укатившийся из печи круглый хлеб, только не пшеничный, как это положено доброй дорвенантской булке, а ржаной и при

этом слегка подгоревший. Его тёмные волосы с проседью были заплетены в короткую косицу, чёрные глаза блестели из-под седых бровей хитринкой и откровенным любопытством, а тонкие длинные усы залихватски закручивались крупными кольцами. Грегора он принял в большом светлом кабинете, обставленном скорее удобно, чем роскошно, миленькая горничная тут же подала шамьет, сливки и несколько видов печенья. Грегор из учтивости пригубил горячий пряный напиток и тут же поставил его на стол, показывая, что предпочёл бы перейти к делу.

– Что угодно вашей милости? – любезно, однако без малейшего подобострастия поинтересовался фраганец, и Грегор почему-то вспомнил пройдоху Гельсингфорца.

– Гарнитур, – коротко бросил он. – Лучший, какой вы можете изготовить, и в самый короткий срок.

– Разумеется, – невозмутимо согласился фраганец. – Гарнитур для мадам? Для демуазель?

– Для девицы, – процедил Грегор, начиная раздражаться – какая разница, в конце концов? – Изумрудный. Полагаю, что-то вроде того, что вам заказывал лорд Райнгартен для своей супруги…

– Мгновение, месьор! – прервал его мастер, глядя так изумлённо, словно с ним заговорил стол. – Вы пришли к лучшему ювелиру моей прекрасной родины и желаете научить меня делать мою работу? Я не создаю копий! Нет! Никогда никаких копий! Покажите мне ту демуазель, что будет носить украшения, и я сотворю для вас шедевр. Таковы мои правила. Или ищите другого мастера, да-да-да, месьор!

– Любопытно, что мне помешает и в самом деле обратиться к другому мастеру? – сдержанно поинтересовался Грегор, неожиданно для себя забавляясь воинственной задиристостью фраганца. – У которого нет столь неожиданных и… нахальных правил?

– О, ничего, совсем ничего! – закивал фраганец, совершенно не обидевшись, даже с удовольствием. – Любой из моих драгоценных… о, каких драгоценных! коллег… сделает всё ровно так, как вы прикажете, ни одному мастеру на этой улице не откажешь в умении. Все заметят прекрасные украшения демуазель!

«Любопытно, – мысленно отметил Грегор. – Похвалить коллег так, чтобы осталось острое чувство подвоха? Для такого определённо нужен талант! Был бы месьор магом – белую искру у него определили бы безо всяких испытаний!»

– А что же увидят, если работу выполните вы? – уточнил он и столкнулся с прямым и серьёзным взглядом ювелира.

– Демуазель, – веско ответил фраганец. – Никто иной вам этого не скажет. Но поверьте, если глаз видит безупречную огранку, чистоту камня или изысканность оправы – это не шедевр, хотя работа может быть дивной. Истинный шедевр, когда драгоценность привлекает внимание не к себе, а к демуазель, и в их слиянии рождается новое совершенство.

Он отпил шамьета, и Грегор тоже взял чашку, стараясь скрыть возникшую неловкость. С этого ракурса он никогда работу ювелиров не рассматривал. Понятно, что украшения должны быть женщине к лицу, он сам именно так подбирал подарок Беатрис. Но… в этом подходе определённо что-то есть. Жаль, что выполнить требования фраганца нельзя.

– Я, кажется, понимаю… – проговорил он, снова ставя чашку. – Но боюсь, что познакомить вас и эту… демуазель невозможно. Во-первых, гарнитур должен быть сюрпризом. Во-вторых, сейчас демуазель нездорова, и к ней почти никого не пускают. А заказ в высшей степени срочный. Боюсь, я не могу даже показать вам портрет. Но у неё зелёные глаза и рыжие волосы…

«И веснушки», – вспомнилось вдруг, и у Грегора сладко защемило сердце. Все известные ему девицы неизменно скрывали этот маленький дефект, полагая его вульгарным, но Айлин даже в этом шла наперекор общему мнению. И эта золотая россыпь на лице и плечах ничуть её не портила! Даже напротив…

Он смущённо откашлялся, делая вид, что поперхнулся шамьетом, и наткнулся на понимающий взгляд ди Амбруаза.

– Рыжие волосы имеют десятки тонов, – нравоучительно произнёс фраганец. – И неверный выбор камней непременно станет губительным. Не говоря уже о глазах! Что ещё вы можете сказать об этой демуазель? Какова она? Каков её… темперамент?

– Она самая прекрасная девушка на свете, – с ужаснувшей его самого искренностью ответил Грегор и понял, что больше не может сказать об Айлин ничего. Любые слова применительно к ней – это всё равно, что описать солнце, сказав, что оно жёлтое и горячее. Проклятье!

– Разумеется! – подхватил ювелир. – В моей богатой практике ни разу не было случая, чтобы я делал украшения для какой-то иной демуазель! Не самой прекрасной на свете! Но всё-таки… хм…

Он посмотрел на Грегора, пошевелил густыми бровями, что-то напряжённо обдумывая, и наконец решился:

– Я сделаю вам очень редкое предложение, месьор Бастельеро! – произнёс он торжественно. – Я готов отправиться вместе с вами в Дорвенант! Покажите мне эту демуазель хотя бы втайне от неё, дайте услышать голос… О! Всего лишь несколько фраз, чтобы уловить особые оттенки души! И я сделаю вам гарнитур! Демуазель, покорившая сердце Ворона Дорвенанта… О, это должна быть интереснейшая работа!

«Ворон Дорвенанта? – растерялся Грегор. – Это он… обо мне? Так вот как фраганцы меня зовут? Хотя… ничего обидного. Даже логично, это же мой герб! Но как показать ему Айлин так, чтобы это не привлекло особого внимания? Впрочем, Архимаг я или кто?»

– Благодарю за предложение, месьор ди Амбруаз, – поспешно согласился он. – Когда вы сможете меня сопровождать?

– О, да хоть сейчас! – расплылся в улыбке ювелир, отставляя пустую чашку и вскакивая с кресла. – К чему тянуть время? Экипаж будет готов через несколько минут! Мы как раз успеем до вечера, не так ли?

– Да, конечно, – снова согласился Грегор, посмотрев на солнце, начавшее клониться к закату, но ещё высокое…

Академия произвела на месьора ди Амбруаза преприятнейшее впечатление. Месьор на коротких толстых ножках, обтянутых бархатными кюлотами и белоснежными чулками, катился по академическим коридорам и вслух восхищался каждой картиной, мозаикой или латами, к которым Грегор так привык, что уже давно их не замечал.

– Как экспрессивно! – то и дело слышалось от фраганца. – Как натурально! Какая прелестная наивность! А это что? Ах, сцена битвы… Баталио! Какая прелесть…

Грегор, который в сценах битвы никогда не видел ничего прелестного, молча терпел. И, как назло, навстречу всё время попадались не только адепты, но и знакомые преподаватели. Даже Роверстан, которому полагалось вроде бы лежать в лазарете, вывернул из-за очередного угла, учтиво поклонился Грегору, а потом любезнейшим образом раскланялся с ювелиром, который при виде разумника просто просиял.

– Вы знакомы? – слегка удивился Грегор, когда разумник свернул в другой коридор.

– О да, – беззаботно сообщил ди Амбруаз. – Этот превосходный месьор мой давний и постоянный заказчик. Он каждый год приобретает к праздникам прелестные безделушки для своей матушки, сестёр и ещё какой-то мадам, то ли родственницы, то ли близкой подруги…

– Подруги? – скептически уточнил Грегор.

– Вы не верите в дружбу между мужчиной и женщиной? – проницательно уточнил месьор. – О, чего только не бывает в нашем мире! Уверяю вас, я способен отличить подарок для возлюбленной от подарка для дамы… иной категории. Хотя его последний заказ… тот, что был перед Вишнёвой ночью, о да… А у вас в Дорвенанте эмаль ещё не вошла в моду, жаль,

жаль! Изумительный материал, за ним огромное будущее в искусстве, хотя и настоящее прекрасно при должном умении. Но вы, северяне, предпочитаете исключительно камни в оправе.

Ди Амбруаз вздохнул так горестно, словно то, что в Дорвенанте не любят эмаль, расстраивало его до глубины души. Грегор даже улыбнулся такой искренней приверженности своему делу. Хм, любопытно, на какие доходы Роверстан позволяет себе делать родственницам такие подарки, ещё и постоянно? Уж точно не на жалованье магистра. Это вполне приличный доход, но… У него даже собственного дома в столице нет, насколько было известно Грегору. Впрочем, содержимое чужих карманов касается только владельца этих карманов, пока у Белой гильдии нет никаких претензий к своему магистру.

У входа в целительское крыло маялся на дежурстве адепт-старшекурсник, лицо которого показалось Грегору смутно знакомым. Ах да, полгода назад именно на него Саймон Эддерли наложил очередное лично составленное проклятие, показавшееся мальчишке невероятно остроумным! А запомнил Грегор целителя потому, что он, единственный из всех, устроил Саймону ответную пакость – одарил его зубной болью в таком месте, которое обнажают разве что в уборной, да ещё у целителей по особенным показаниям. Зубы, разумеется, сначала пришлось там вырастить…

– Милорд Архимаг! – вскинулся целитель, заметив Грегора, и поспешно поклонился, с любопытством взглянув на фраганца. – Вы к Ревенгар? Магистр Бреннан сказал – можно! Только ненадолго!

Они прошли по целительскому крылу и подошли к собственно лазарету. Грегор смутился, поняв, что не спросил, в какой палате устроили Айлин, но стоило пройти несколько дверей, как звонкий голос, доносящийся из полуприкрытых дверей, заставил его сердце забиться чаще.

– А он стоит рядом с палаткой в одном сапоге, представляешь?! И ругается на проклятых енотов! А у второго сапога отвороты просто в кружево погрызены и по всему голенищу дырки! Ты бы это видела!

– Могу себе представить, – фыркнула другая девица, голос которой показался Грегору знакомым. – Но ты мне уши не заливай, лопай давай! И нечего носом крутить! Вкусные пирожки, мне маменька из дома привезла! Не как в столовой – вечно там начинку не докладывают…

– Вкусные! – согласилась Айлин. – Спасибо, Иоланда! Только я правда больше не могу, это уже пятый!

– И шестой съешь, – пропыхтела девица. – И седьмой… Ты себя в зеркале видела? Молчи, знаю, что нет! И правильно! Это ж надо так себя довести – выглядишь хуже, чем коза у бедняка! Кожа да кости, а руки и вовсе ни на что не похожи! Ничего, ты у меня ещё расцветёшь…

– И распущусь. Как роза Гвендолин! – подхватила Айлин, и в палате повисла изумлённая тишина, прервавшаяся звонким двухголосым смехом, от которого на душе у Грегора стало вдруг удивительно светло.

Фраганец, что замер рядом с ним, тоже заулыбался и подкрутил усы.

– Роза… Ой, не могу… Роза Гвендолин! – смеялась девица, которую Грегор наконец-то вспомнил.

Та самая иллюзорница, флиртовавшая с Саграссом! Соседка Айлин по комнате. Что ж, значит, целители уже разрешили посещения? И что там за роза? Какая-то шутка, понятная исключительно девицам? Но ди Амбруаз так лукаво блестит глазами, словно… Впрочем, неважно. Главное, что Айлин смеётся. Он не слышал у неё такого заливистого, счастливого и свободного смеха… никогда?

Эта простая мысль резанула по сердцу острой болью. Да, он всегда был для неё лишь преподавателем, но разве могло быть иначе? Теперь всё изменится, и недельная разлука совершенно ничем не помешает.

– Я оставлю дверь открытой, – негромко сказал он фраганцу. – Если вы не против подождать меня несколько минут…

– О, конечно, – отозвался тот заговорщицким тоном. – Не торопитесь, месьор, я готов ждать, сколько требуется.

«Фраганцы, – усмехнулся Грегор про себя. – Все они таковы, когда дело касается любовных устремлений. Развратнее них только итлийцы».

Он постучал по дверному косяку, и смех в палате смолк, а потом послышался голос Айлин:

– Войдите! Ой… милорд… – добавила она, когда Грегор шагнул в палату. – Вы…

И умолкла, бросив умоляющий взгляд на иллюзорницу. Та поспешно поднялась с постели, на которой сидела, но вместо того, чтобы выйти, принялась демонстративно хлопотать: поправила подушку Айлин, натянула повыше край одеяла, прошла к окну и торопливо его открыла, впуская в палату свежий воздух. Грегор отмечал всё это краем глаза, чувствуя одновременно глухую досаду от того, что не может остаться с Айлин наедине, и странное облегчение. Разумеется, при встрече мужчины с девицей просто обязана присутствовать компаньонка, а иллюзорница, следует признать, ведёт себя с должным тактом и полным пониманием момента.

– Магистр Бреннан заверил меня, что вы вскоре будете совершенно здоровы, – вымолвил наконец Грегор, не в силах придумать ничего другого. – Как вы… как вы себя чувствуете, Ай… – он бросил быстрый взгляд на замершую у подоконника иллюзорницу. – Адептка Ревенгар?

– Благодарю вас, милорд, я чувствую себя превосходно, – откликнулась Айлин и подтянула край одеяла ещё выше, дёрнув при этом плечом столь резко и нервно, что широкий ворот тонкой рубашки скользнул вниз.

Ахнув, она поспешно прикрыла обнажившееся плечо и руку, но Грегор задохнулся, успев увидеть безобразные чёрные линии, изуродовавшие тонкую белую кожу.

– Что это? – выдохнул он.

– След аркана, который я использовала, – отчеканила Айлин и, помедлив несколько мгновений, добавила: – Милорд Бреннан полагает, что он может остаться навсегда.

«Навсегда? – ужаснулся Грегор. – Бедная моя девочка!»

– Я уверен, целители смогут вам помочь! – заверил он бледную Айлин. – Лично поговорю с магистром Бреннаном! Если способа лечения для… этого пока не существует, он будет придуман!

– Не извольте беспокоиться, милорд, – ответила Айлин с лёгкой, но всё-таки отчётливой прохладой. – Я не вижу причины относиться к этому иначе, чем к боевым шрамам. А их, насколько мне известно, стыдиться не принято.

– Стыдиться? – не понял Грегор и выругал себя последними словами за бестактность. Она решила, что он считает эти следы уродливыми? Ну да, так и есть… Но уродливы они, а не сама Айлин. – Вы меня неверно поняли. Я лишь хочу, чтобы у вас осталось как можно меньше неприятных воспоминаний об этой поре вашей жизни. То, что вы сделали… этим можно и нужно гордиться! Но это не значит, что вы должны принимать все последствия. Для юной прекрасной девушки…

Он замолчал, боясь и сказать слишком много, и не сказать самого нужного. Как же сложно балансировать на тончайшей грани между искренностью и этикетом. Может быть, попросить иллюзорницу принести воды или что-то передать целителям? Девица, похоже, сообразительная, поймёт всё правильно. А слухи… да плевать! Он не делает ничего предосудительного! Это его адептка, у которой он уже много лет куратор! И вообще Архимаг…

Но Айлин смотрела так скованно и настороженно, что Грегор мучительно почувствовал ещё большее бессилие, чем в начале разговора. Неужели она боится?! Чего, наказания?! И как разбить вставшую между ними стену?!

– Я говорил с лордом-канцлером о вашем поступке, – уронил он, досадуя, что девица у окна явно превратилась в сплошные уши. – Ваше мужество помогло спасти Дорвенант, и никто не поставит вам в вину некоторую… неосторожность, которую вы при этом проявили. Но мне жаль, что всё получилось именно так.

– Мне тоже, милорд, – ответила Айлин этим новым голосом, всё ещё по-девичьи звонким, но стылым, как весенняя вода. И тут же добавила гораздо теплее и мягче: – Моя заслуга не так уж велика, поверьте! Это Аластор и Лу… То есть лорд Вальдерон и синьор Фарелли! Они настоящие герои. А я сделала то, что должна была.

И снова Грегора резануло по сердцу сознание собственной вины. Никогда, никогда он не простит себе, что идти в этот страшный путь пришлось ей, такой нежной, хрупкой, юной…

– Вам надели артефакторные браслеты? – спросил он, когда молчание в комнате затянулось сверх приличного. – Сочувствую. Но это необходимо, вы же понимаете?

– Понимаю, – отозвалась Айлин, вздохнув. – Но мне сказали, что нет нужды прерывать обучение. Пока не восстановятся каналы, я могу посещать лекции и заниматься теорией. Вы же… позволите мне остаться на вашем особом курсе?

Её голос дрогнул, и Грегор возблагодарил Всеблагую за присутствие иллюзорницы. Только поэтому он не упал на колени перед постелью Айлин, покрывая руки девушки поцелуями и уверяя, что сделает всё, что угодно. Только бы она никогда не смотрела на него с таким затаённым страхом перед отказом.

Айлин – умная и целеустремлённая девушка, она желает получить перстень магессы, и это более чем достойно! И хотя обучаться в Академии для замужней женщины немыслимо, он что-нибудь придумает! Будет давать ей уроки дома, и это наверняка их сблизит… С остальными преподавателями тоже можно договориться о частном обучении. Никто не откажет Архимагу в подобной услуге. Но сейчас главное, чтобы она полностью выздоровела и восстановила силы. Бреннан – умница! Даже будь каналы Айлин в полном порядке, ей бы не помешало некоторое время носить ограничители. Меньше будет соблазна влипнуть в новую историю, хотя бы пока он не вернётся.

– Разумеется, вы сможете учиться дальше, – пообещал он с лёгким сердцем. – Ограничители – лишь временная мера для вашей пользы. Айлин, – позволил он себе отступление от этикета, вложив в это единственное слово всю накопившуюся мучительную тревогу, – вы не представляете, как я… как мы все переживали!

– Простите, милорд…

Она отвела взгляд, и Грегор, пользуясь тем, что иллюзорница по-прежнему стояла спиной, быстро склонился над рукой Айлин, лежащей поверх одеяла. Взял тёплую девичью ладонь в свою и поцеловал тонкие пальцы, а потом сразу выпрямился.

Айлин смотрела на него, распахнув глаза так, что они показались огромными на осунувшемся лице. Приоткрыла рот, желая что-то сказать, но лишь беспомощно покосилась на спину подруги, увлечённо протирающей и так чистый подоконник.

– Отдыхайте, – попросил Грегор. – Ни о чём не беспокойтесь, теперь всё будет хорошо.

И встал, торопясь выйти, пока не наделал каких-нибудь глупостей. Сердце колотилось так бешено, словно он отбивался от стаи упырей. Впрочем, с упырями он бы точно знал, что делать, это как раз не требовало беспокойства. За его спиной, пока Грегор шёл к двери, прозвучал жизнерадостный голос иллюзорницы:

– Ну вот видишь, тебе даже отработку не назначили! И вообще ты теперь героиня! Как только тебя выпустят из лазарета, устроим в комнате пирушку!

Грегор заставил себя растянуть губы в улыбке. Молодость… Чудесное спасение после подвига – всего лишь повод отпраздновать это! А кстати, ещё предстоит выяснить, как у девочки это получилось. Он точно знал, что формула верна и требует непременной смерти либо мага, либо приносимой жертвы. Но Айлин жива… Благодарение Претёмной за это чудо! Он бы и Баргота за него поблагодарил, если бы следовало…

Он вышел в коридор и вздрогнул от неожиданности. Совершенно забыл о фраганце! Но ювелир, кажется, не был в претензии. Он что-то увлечённо чёркал карандашиком в крохотном блокноте, а увидев Грегора, поднял на него невозмутимый взгляд. Грегор постарался отогнать мысль о том, сколько лишнего мог услышать излишне увлечённый своим ремеслом мастер и осведомился:

– Вы довольны?

– Чрезвычайно, – любезно поклонился тот и веско уронил: – Я возьму ваш заказ. И это будет шедевр. Если, разумеется, вас устроит цена.

«А что меня может не устроить? – с лёгким высокомерным недоумением подумал Грегор. – Если уж Райнгартены позволили себе такие расходы, род Бастельеро им точно не уступит. К тому же, насколько я знаю, дела в поместьях идут превосходно, а серебряная шахта на границе с Дильмахом становится всё прибыльнее…»

– Слушаю вас, – уронил он, и фраганец назвал цену.

– Сколько? – переспросил Грегор, искренне думая, что ослышался.

Ди Амбруаз повторил, сопровождая слова совершенно безмятежным взглядом. «Издевается! – подумал Грегор. – Нет, разумеется, подобный гарнитур – вещь огромной стоимости, но… не настолько же! Что, Фрагана решила взять реванш хотя бы в этом? Любопытно, сколько он запросил с Райнгартенов? То-то Этьен использовал именно слово «разориться».

Он вспомнил зелёные глаза Айлин на бледном личике и веснушки, проступившие от этой бледности ещё сильнее. А потом его кольнула холодная мысль, что неизвестно, каким образом закончится его недолгое бурное протекторство. Учитывая, кто взойдёт на трон и сколько счетов у будущего монарха накопилось лично к Грегору. Может статься, что его ждёт смертный приговор…

«Имею ли я право в таком случае вообще делать предложение этой бедной девочке? – отчаянно подумал он. – Остаться вдовой, так и не став женой по-настоящему – такой ли участи я ей желаю?! Но… не будем умирать раньше времени. И в любом случае, пусть у неё останется мой подарок. Вещь такой цены, которую ей вряд ли подарит кто-то другой. Что-то, хоть немного способное передать, как я её люблю!»

– Мой поверенный привезёт вам деньги завтра, – сказал он совершенно спокойно. – И я чрезвычайно благодарен, что вы согласились взять этот заказ. В ближайшее время я отбываю из Дорвенны по делам Ордена, но мы ведь всё решили, не так ли?

– Одно удовольствие иметь дело со столь щедрым месьором, – снова поклонился фраганец. – Не будете ли вы столь любезны помочь мне добраться домой?

– Разумеется, – кивнул Грегор. – Надеюсь, не покажусь неучтивым, если найду вам провожатого? У меня очень много дел.

Он посмотрел в окно на сад, где уже сгущались сумерки. День прошёл, а так мало сделано! Положим, нужные вещи за ночь соберут слуги, а Райнгартен наверняка уже позаботился об устройстве лагеря. Этого холёного кота пошли хоть к Барготу, стихийник и туда отправится со всеми возможными удобствами.

Они вышли в сад, и Грегор повёл гостя к каретному двору.

– Месьор Клод! – раздался вдруг радостный возглас, и от ближайшего экипажа к ним поспешил Гельсингфорц, расплываясь в подозрительно восхищённой улыбке. – И вы не заглянули ко мне?! Я обижен до глубины души!

– Ах, Курт! – отозвался ювелир не менее восторженно. – Мои самые искренние извинения! Очень краткий визит, и я предположить не мог, что встречу вас именно здесь. Но… вы ведь уже решили ваши мелкие сложности с порталами, не так ли? Значит, как обычно, в следующий день Всеумелого? У вас или у меня? Как я скучал, если бы вы знали!

«Все знают всех, – обречённо подумал Грегор, слушая, как эти двое договариваются о встрече в шестой день недели, то есть послезавтра. – Хотя здесь и удивляться нечему. Эти два жадных дракона просто не могли не подружиться! Даже не знаю, на кого бы я поставил, дойди у них до схватки…»

Гельсингфорц тем временем заверил ди Амбруаза, что сам доставит его до портальной площадки, ведь им нужно поговорить о стольких вещах, и они, раскланявшись с Грегором, сели в экипаж и укатили.

«Я не поговорил с канцлером о Саграссе, – вспомнил вдруг Грегор, глядя на кроваво-алый закат над Академией. – Конечно, у нас и так было слишком много тем для беседы, причём пренеприятных, но я же собирался узнать о его судьбе. Аранвен уже наверняка что-то решил с Советом… Что ж, без меня его не казнят, по закону я должен заверить смертный приговор. Значит, ещё неделя у бедняги точно будет, а там посмотрим…»

Он снова посмотрел на закат, в лучах которого крыши и шпили Академии казались тревожно алыми, словно залитыми кровью, поморщился. Кровь – это совсем не то, о чём он хотел бы сейчас думать. Слишком её было много за последние недели. А ведь с Вишнёвой ночи минуло меньше двух месяцев!

«Нужно отправить кого-то домой за вещами, – подумал он рассеянно. – Оставить распоряжения секретарям, спросить Бреннана о той гадости на руке Айлин… И что вообще эта безумная девочка сотворила, применив неизвестный аркан? Заодно возьму мазь для ноги… А ещё… ещё нужно отправить кого-то в цветочную лавку, самую лучшую в Дорвенне. И распорядиться, чтобы Айлин каждое утро доставляли букет. Проклятье, я не знаю, какие цветы она предпочитает! Стыдно, Бастельеро! Ну, пусть приносят розы – их любят все девушки. И эти… лилии. Кажется, они сейчас в большой моде. И вообще, если каждый раз присылать букет из новых цветов, с какими-то получится угадать! Да, утром и вечером по букету – определённо! И никаких карточек, но она ведь будет знать, что это от меня…»

Губы снова вспомнили нежность тёплой девичьей кожи, и Грегор судорожно вздохнул, опять нехорошим словом помянув и Райнгартена, и Барготов портал, и вообще всех, считающих, что у Архимага и протектора не может быть личных дел. «Всего неделя, – пообещал он себе. – И мы обязательно будем счастливы».

* * *

От первого удара Лучано увернулся. И от второго – тоже. Тело, подстёгнутое жуткой смесью, двигалось точно, плавно и стремительно. Но третьим Альс всё равно умудрился задеть его по плечу, едва не свалив, и тут же продолжил молотить воздух огромными кулачищами, каждый раз промахиваясь совсем немного. В голубых глазах плескалось боевое безумие – и никаких проблесков рассудка. «Берсерк, – вспомнил Лучано. – Вот как это зовут северяне…»

– Она сама этого хотела! – крикнул он, пытаясь достучаться до разума друга. – Альс, она хотела этого!

На мгновение Лучано показалось, что Аластор услышал. Он замер, повёл взглядом так, словно что-то искал, – и внезапно его глаза снова вспыхнули.

«Что он такого увидел?!» – удивился Лучано и едва не застонал, почувствовав, как резко ослабли колени. «Умри после меня» перестало действовать. Проклятье, как же не вовремя! А вот в Альса, напротив, словно влились новые силы. Немыслимо быстрым, змеино-гибким

движением он наклонился, схватил что-то с земли, шагнул вперёд, и Лучано с ужасом увидел, как в руке дорвенантца блестит нож. Нож, с которым не расставалась магесса!

Руки налились немыслимой тяжестью, не давая не то что выхватить рапиру, но даже шевельнуть пальцем. Лучано ясно понимал, что обезумевший Альс вот-вот его прикончит, но не мог ни двинуться, ни моргнуть, только зачарованно смотреть в прозрачно-голубые глаза своей смерти.

Альс взмахнул рукой, и горло обожгло холодом. Боли не было. Пока не было, но Лучано ни на миг не сомневался: через несколько мгновений придёт и она. Силы оставили его, ноги подломились, но, уже падая на колени, он увидел, как далеко внизу за спиной Аластора вымётываются из леса проворные чёрные тени, услышал, как почти по-человечески рыдают рвущиеся с привязи лошади, как воет, захлёбываясь, Пушок, а Аластор страшно смеётся и не замечает ничего вокруг…

…Он вырвался из тяжёлого вязкого сна и не сразу поверил, что проснулся. Рядом, в точности, как в кошмаре, выл и хрипел Пушок. Пушок? Откуда он здесь?! Лучано попытался вскочить, запутался в туго спеленавшем его одеяле, упал на пол, попытался удержаться за крохотный столик у кровати, но вместо этого повалил и его… Шип, называется! Да за такое из гильдии нужно гнать с позором!

Дверь распахнулась, палату залил яркий свет, безжалостно ударил по глазам, и Лучано поспешно прикрыл их рукой, всё же успев заметить два силуэта, один в зелёном, другой в белом, метнувшихся ко второй кровати… Кровати Аластора! Вот откуда доносился звук, который Лучано принял за хрип волкодава!

– Ах, проклятье! – крикнул первый голос. – С ним же всё было в порядке! Придержите мальчика, я взгляну!

– Разумеется, магистр, прошу вас… – отозвался второй, низкий, глубокий и смутно знакомый.

Приподнявшись, Лучано распахнул тут же заслезившиеся глаза, проморгался и лишь тогда всё увидел. Альс бился и метался на постели, рычал и хрипел, на его губах выступила пена, а глаза… глаза оставались плотно закрытыми!

Над его головой склонился тот самый целитель, что осматривал их днём, а с правой стороны кровати Аластора пытался удержать… Баргот?!

Это был он! Тот самый всадник на огромном жеребце, примчавшийся на проклятый холм! Тот, что непостижимым образом вытащил Айлин из Запределья, а потом спас Аластора! Высоченный, черноволосый и смуглый, с яркими тёмными глазами, породистым арлезийским носом и холёной бородкой. Одно лицо с Барготом на стене храма!

Только сейчас он был не в чёрном дорожном костюме, а в светлом шёлковом халате, накинутом прямо на голое тело, и мягких домашних туфлях без задников. Наверное, спал где-то поблизости?

Сознание Лучано словно раздвоилось. Рассудком он понимал, что грандсиньор… как же его… Дункан? Что грандсиньор Дункан никак не может быть Барготом. Не отнимал же он магессу сам у себя?! Но память неумолимо обрушивала на Лучано видение, где воедино слились чёрно-алая закатная фреска и явление спасителя на холм к Разлому. Кто ещё, кроме Баргота, способен на подобное?!

«Я схожу с ума, – подумал Лучано. – Может, этот сон – предупреждение? Но о чём? И ради всех Благих, что с Альсом?! Отравили?!!»

– Ничего не понимаю… – выдохнул целитель. – Я сам брал у него анализы два часа назад! Кровь была чистой, никаких причин для припадка. Неужели падучая?!

– Нет! – отозвался Дункан. – Это не падучая, Звездой ручаюсь.

Он стиснул Аластора обеими руками так, что на мощной спине вздулись мышцы, ясно видные через тонкий шёлк. Но припадок, что бы его ни вызвало, утроил силы Альса. Наверное,

проще было бы смирить обезумевшего арлезийского жеребца, вроде той зверюги, что передавила демонов у Разлома.

– Я не смогу держать долго! – хрипло выдохнул грандсиньор Дункан. – Бреннан, успокойте же его!

Лучано, отшвырнув, наконец, проклятое одеяло, метнулся к кровати друга, вцепился в его левое плечо, мокрое от пота и дрожащее от чудовищного напряжения словно бы каждой жилкой по отдельности. Навалился, прижимая к кровати всем весом, но понимая, что и этого надолго не хватит…

– Я делаю, что могу! – огрызнулся пожилой маг, и Лучано ясно услышал в его голосе растерянность и даже страх.

Воздух в комнате вдруг задрожал, повеяло запахом мяты, и с пальцев целителя потекла тонкая зеленоватая дымка, впитываясь в голову Альса. Несколько мгновений казалось, что это помогает, Аластор замер, но тут же снова выгнулся с такой силой, что Лучано еле удержался на постели.

И вдруг он почувствовал, что плечо Альса под его пальцами расслабляется, а судороги… Да, судороги стали, кажется, слабее?

Снова хлопнула дверь, по полу прошлёпали босые ноги, и рядом с его пальцами легли другие – тонкие девичьи, которые Лучано узнал бы из тысячи! Вот теперь, он готов был поклясться, бившие Альса судороги действительно начали затихать.

– Ревенгар? – изумился целитель. – Что вы здесь делаете?!

Лучано позволил себе поднять голову и даже немного отстраниться, потому что Альса уже не нужно было держать. Мощное тело дорвенантца заметно расслабилось, опустилось на кровать и будто растеклось по ней. Глаза он так и не открыл, но задышал ровнее, хотя всё ещё слишком быстро.

А Лучано жадно всмотрелся в Айлин. Рыжие косы синьорины, свободно заплетённые на ночь, растрепались, бледное лицо осунулось, но глаза… глаза остались прежние! Яркие, полные тревоги и слегка испуганного удивления. Невозможно красивые…

На его восхищённый взгляд синьорина ответила своим – сердитым! – и свободной рукой запахнула слишком открытый ворот полотняной ночной рубашки, длинной и просторной, но всё равно восхитительно обрисовавшей грудь. Опомнившись, Лучано заставил себя опустить взгляд на Аластора, который разметался по постели.

М-да… Так себе отвлёкся, конечно. Грандсиньор Дункан до сих пор удерживал обнажённого по пояс Альса с другой стороны, Айлин замерла напротив него, и Лучано беспомощно подумал, что теперь никогда не сможет избавиться ещё от одного видения. Смуглый и черноволосый арлезиец Баргот, медно-рыжая, совсем ещё юная Всеблагая из Дорвенанта и словно вылитый из серебра Пресветлый Воин-северянин. Трое самых красивых людей, которых он видел в своей жизни, так близки, что ещё немного – и рухнут друг к другу в объятия!

«Великий Безликий! – взмолился он. – Ну почему ты не дал мне таланта?! Будь я равен маэстро дель Арбицци, я продал бы душу кому угодно, лишь бы изваять всех троих – вот так! Воплощённые Мощь и Красота, склонившиеся над юной Силой… Боги, о чём я думаю?! В такой момент! Наверное, это отрава до сих пор гуляет по крови…»

– Ревенгар! – повторил Бреннан, и магесса посмотрела на него, стремительно заливаясь краской.

– Я… не знаю, – выдавила она. – Я проснулась… Мне снилось что-то нехорошее… – Голос дрогнул, и она, отпустив руку Аластора, обняла себя за плечи. – Что-то ужасное. А потом я поняла, что нужна ему… им… Я не понимаю! Что происходит?!

– Ну-ну, дитя моё… – неловко произнёс Бреннан, а грандсиньор Дункан, встав, подошёл к постели Лучано, взял с неё тонкое покрывало и набросил синьорине на плечи.

Она торопливо закуталась и посмотрела на него с такой благодарностью, что Лучано почти простил им обоим кощунственный поступок – скрыть подобную красоту под складками одеяла! Эти дорвенантцы! Нет бы помедлить ещё хоть минутку, а теперь даже тонкие изящные лодыжки и точёные ступни не видно.

– Что происходит?!

Голос Айлин зазвенел приближающейся истерикой, и Лучано себя одёрнул. Не время думать о приятных фривольностях! Что-то здесь и в самом деле творится неладное.

– Ничего страшного, – мягко отозвался грандсиньор. – Мы стали свидетелями очень странного явления, но оно не такое тревожное, каким кажется. Теперь всё хорошо, и мы с магистром Бреннаном наверняка сумеем разобраться и с причиной, и с последствиями…

Его голос лился, как струя каштанового мёда. Тёмный, сладкий, но с отчётливой горчинкой и потому не приторный. Лучано поймал себя на том, что даже ему хочется расслабиться и безусловно поверить этому прекрасному, достойному всякого доверия человеку. Моргнув, он не без сожаления сбросил приятную негу и с ещё большим уважением посмотрел на грандсиньора. Тот, без всякого сомнения, старался ради Айлин. Магесса глубоко вздохнула, и её напряжённые плечи спокойно опустились.

– Вы… вы же правда сможете? – совсем по-детски переспросила она и снова смутилась: – Прошу прощения, я не должна была являться сюда в таком виде! Но Аластор… С ним же всё будет хорошо? Ох, Лу, прости, я с тобой не поздоровалась!

– Доброго вечера, синьорина, – с должной почтительной любезностью отозвался Лучано, и где-то внутри болезненно царапнуло по сердцу, когда она, будто опомнившись, кивнула ему.

Так прекрасно воспитанные дамы кивают очень доверенному, но всё-таки слуге. Что ж, а он чего ожидал? Что Айлин кинется ему на шею? При свидетелях? Или хотя бы посмотрит, как раньше, весело и открыто?

«Но даже останься мы одни, – безжалостно напомнил он себе, – на такое лучше не рассчитывать. Всё закончилось. Она зовёт тебя Лу по старой памяти, но скоро вспомнит, что это тоже неприлично. Здесь она грандсиньорина и магесса, а ты… знай своё место, Шип».

Они с Айлин ещё раз обменялись взглядами и разом посмотрели на Аластора. Тот лежал с плотно закрытыми глазами и дышал мерно, глубоко, словно спал. Пожалуй, на падучую это и вправду не было похоже, а местные целители-маги знают своё дело. Однако Лучано грызла нарастающая тревога. Вальдерон был воплощением здоровья и телесной крепости! Но не слишком ли дорого обошлось ему спасение Дорвенанта?

Отстранив Бреннана, грандсиньор Дункан опустился на колени у изголовья постели, положил огромные ладони на виски Аластора, влажные от пота, и закрыл глаза. На его правой руке блеснул золотой перстень с крупным камнем, в котором Лучано распознал белый опал редкой чистоты и сияния. Серьга, выполненная ему в пару, качнулась в ухе, когда Дункан склонил голову, и Лучано вдруг понял.

Белый камень! Маг разума! Ну конечно, какой же он идиотто!

Осколки мозаики сошлись в безупречно прекрасном ярком витраже. Всё, что Айлин рассказывала о своём таинственном женихе, его подарки и то, как магесса о нём вспоминала… Мужчина, который подарил ей нож из небесного железа и духи с ароматом каштана! Лучано ещё тогда понял, что это должен быть очень редкий… экземпляр!

Кто же ещё мог бросить вызов самому Барготу, кроме магистра гильдии разумников? И кто мог явиться за синьориной к Разлому, кроме… её будущего мужа?

Лучано совершенно новым взглядом оглядел великолепную фигуру, едва скрытую светлым шёлком. Если с Аластора можно было ваять юного Пресветлого Воина, то грандсиньор Дункан был воплощением роскошной мужской зрелости. Мощная шея, валуны плеч и широкая грудь… Резкие черты лица, напомнившие огромную хищную птицу из тех, что гнездятся в горах Арлезы. Глаза… Чёрная кайма бородки, обрамляющая чувственный рот. Руки, что

сейчас лежат на висках Аластора, крупные, сильные, но такой же правильной аристократической формы, как у самого дорвенантца. И голос. Всеблагая, какой голос! Да за несколько слов, сказанных таким голосом, можно позволить всё, что угодно!

«И я ещё удивлялся, что она мне отказала?! – с неожиданным отчаянием подумал Лучано. – Ради такого мужчины я бы сам себе отказал! Тьфу, что я несу? Отказал бы такому, как я… А если… Не будь идиотто! Ты же не думаешь, что мужчина, ради невесты промчавшийся через весь Дорвенант и отбивший её у Падшего, польстится на… на тебя?! И вообще, это жених Айлин! Фортунато, проснись! Это тебе не предрассветные грёзы, в которых возможно всё. Всеблагая и Претемнейшая, как же вы любите пошутить… Только я успел очнуться, удивиться и порадоваться, что не сдох на том холме, как судьба показывает мне такое… такого… и без малейших шансов! Обидно же!»

– Это аркан заставил юного лорда видеть кошмар? – напряжённо уточнил целитель, но разумник молча качнул головой, так и сжимая виски Аластора.

«Такими руками можно, пожалуй, раздавить голову, – подумал Лучано с восхищённым ужасом. – Если, конечно, приложить должную силу. Какое счастье, что этот достойный грандсиньор нам не враг!»

В самом деле, хватка мага даже на вид была удивительно бережной!

– Юноша пережил сильнейшее потрясение, – заговорил грандсиньор Дункан отсутствующим голосом. – Именно поэтому ему привиделся кошмар. Аркан же призвал на помощь его спутников, и, почувствовав их рядом, юный лорд успокоился. Память о пережитом со временем сгладится, а пока я настоятельно рекомендую оставить наших героев вместе.

– Молодые люди лежат в одной палате, – напомнил целитель. – Это не слишком помогло.

– Значит, придётся поместить сюда же леди, – спокойно закончил грандсиньор Дункан и открыл наконец глаза. – Как только юный лорд справится с потрясением, необходимость в таких мерах отпадёт. Я, со своей стороны, сделаю всё, чтобы помочь.

– Леди? – беспомощно переспросил пожилой маг. – В одну палату с юношами? Дункан, мальчик мой, вам не кажется, что это уже… слишком?

– Они путешествовали втроём несколько недель, – напомнил грандсиньор Дункан. – Ещё несколько дней ничего не изменят в сложившемся положении. Во имя Странника, магистр Бреннан, я тоже не в восторге, но сейчас мы должны позаботиться о здоровье всех троих. Заверяю вас как разумник, если подобное будет повторяться каждую ночь, выздоровление лорда Аластора затянется на неопределённый срок.

– Милосердная Сестра… – вздохнул Бреннан и сочувственно поглядел на Айлин. – Вы слышали, дитя моё? В этом случае даже я не имею права приказывать вам. Ваши заслуги столь велики, что никто не может потребовать от вас…

– Окончательно уничтожить мою репутацию? – подсказала Айлин удивительно спокойным голосом. – Магистр Бреннан, вы полагаете, от неё ещё что-то осталось?

Она бросила в сторону разумника быстрый взгляд, и Лучано прикусил язык, сообразив, что не все здесь, возможно, знают о том, что связывает этих двоих. Айлин же продолжала:

– Согласитесь, магистр, очень глупо было бы рисковать здоровьем Аластора, то есть лорда Вальдерона, ради условностей этикета. Если кто-то не поймёт, почему я на это согласилась…

– То я сам с радостью это объясню любому! – воинственно закончил целитель, и разумник молча кивнул.

– Тогда я пойду и соберу свои вещи, – с удивительным достоинством и простотой сказала Айлин. – Вы ведь попросите кого-нибудь перенести сюда ещё одну кровать? Незачем ждать до утра, вдруг это повторится? Аластору нужно выспаться, чтобы восстановить силы.

– Благослови вас Милосердная Сестра! – от души пожелал Бреннан. – Кровать сейчас будет! И ширма! Конечно, мы поставим ширму, чтобы… Идите, дитя моё!

Айлин подхватила покрывало, в которое куталась, чтобы оно не мешало ей идти, и на миг Лучано показалось, что на девичьих плечах не тонкая шерсть больничного одеяла, а королевская мантия. Так не двигаются те, кто боится чужого осуждения и смешков – неважно, за спиной или в лицо. Юная магесса вышла из палаты, безупречно спокойная, почти величественная, и все трое мужчин, включая Лучано, посмотрели ей вслед очень долгим взглядом.

– Пойду распоряжусь! – спохватился целитель, когда шаги Айлин затихли в коридоре. – Ну и ночь… Дункан, мальчик мой, простите ради Сестры! Вы не побудете здесь ещё несколько минут? А я пришлю дежурного…

– Разумеется, магистр, – отозвался разумник. – Я подожду, сколько понадобится.

Он дождался, когда пожилой маг выкатится в коридор с удивительным для его возраста и сложения проворством, а потом внимательно посмотрел в глаза Лучано, присевшему на край постели Аластора и уронил:

– Благодарю за помощь, сударь…

– Фарелли! – торопливо отозвался Лучано, с ужасом понимая, что сердце куда-то ухнуло при одном звуке этого голоса, обращённого на этот раз именно к нему. – Лучано Фортунато Фарелли, к вашим услугам.

– Итлиец… – задумчиво сказал грандсиньор, и Лучано молча склонил голову, а потом зачем-то подтвердил:

– Из Вероккьи. И… позвольте выразить вам свою вечную и неизменную благодарность, грандсиньор Дункан.

– Роверстан, – с лёгкой улыбкой, едва мелькнувшей в уголках губ, поправил его разумник. – Магистр Роверстан, тоже к вашим услугам. Дунканом меня называют только очень старые друзья.

– Мои извинения, синьор, – поклонился Лучано. – Не хотел показаться неучтивым!

«Дункан Роверстан? – изумился он про себя. – Дорвенантец? С таким лицом? И с привычкой ругаться по-арлезийски? Да у него южная кровь бросается в глаза сильнее, чем у меня! Скорее я сойду за дорвенантского дворянина, чем этот синьор! Впрочем… полукровка, может? Или приёмный?»

Разумник между тем благодушно махнул рукой, показывая, что принял извинения и вовсе не в обиде. Он внимательно поглядел на Аластора, который уже безмятежно и ровно дышал, и очень любезно осведомился у Лучано:

– Полагаю, мы ещё услышим, какие обстоятельства привели вас в отряд… лорда Аластора? И на тот холм…

– О, ничего особенного, грандсиньор! – отозвался Лучано, лихорадочно соображая.

Снова назваться просто наёмником? Глупо! Дело вышло такое громкое, что все его участники поневоле прославятся и окажутся под прицелом сотен внимательных взглядов… Маску скромного приказчика уже не сохранить, но… можно попробовать утаить работу на гильдию. Даже нужно, учитывая, кто его нанял! С другой стороны, а что ему скрывать? Второе задание – да, но первым можно только гордиться! И если его правильно подать, никто не станет копать глубже. А её величество… Что ж, она ему не приказывала хранить тайну ценой собственной жизни.

– Понимаете… – осторожно начал он, испытывая очень неприятное ощущение, что собеседник видит его насквозь. – Есть одна особа, очень заинтересованная в благополучии синьора Вальдерона…

– Синьора? – переспросил разумник. – Именно его? Не синьорины?

– Боюсь, что благополучие синьорины её совершенно не беспокоит, – извиняющимся тоном подтвердил Лучано. – Но она пожелала, чтобы юный благородный синьор вернулся в Дорвенант живым и как можно более невредимым. А для этого наняла меня и велела присоединиться к их отряду.

– То есть у вас был приказ от этой особы охранять лорда Вальдерона? – уточнил магистр Роверстан.

– Охранять и всемерно способствовать, – склонил голову Лучано не столько в знак согласия, сколько желая избежать пронзительного взгляда чёрных непроницаемых глаз.

Чутьё кричало, что сейчас он ходит по канату, натянутому над пропастью. Если великолепный и восхитительный грандсиньор узнает, что Лучано должен был убить его невесту, то… Убьёт. Ни тени сомнения!

– Должно быть, вы очень хорошо выполняли свой долг, – задумчиво сказал магистр. – Если согласились на неизвестный вам магический ритуал, чтобы спасти юного лорда.

– Ритуал? Ах да…

Лучано о нём помнил, разумеется. Синьорина что-то такое говорила. Что-то важное. Очень важное, кажется.

– Вы не помните? – сочувственно спросил магистр, и его глаза странно блеснули. – В таком состоянии, как тогда, это неудивительно. Тогда позвольте вам сказать, что вы согласились соединить себя магическими узами с лордом Вальдероном и леди Ревенгар.

«Только если получится, мы оба будем связаны с Алом. Я не знаю точно – как! Это потом снимут… Наверное… – всплыл в памяти горячечный шёпот Айлин. – Там ключ на добровольности. Мне нужно… твоё имя».

Что же он ей ответил?!

– Клянусь Претемнейшей, – повторил Лучано вслух то, что подсказала цепкая память Шипа, даже в том помрачении запечатлевшая каждое слово. – Позволяю синьорине Айлин всё, что ей угодно…

– Именно так, – кивнул Роверстан. – Это было очень великодушно с вашей стороны. И весьма неосторожно.

Лучано посмотрел на него, впервые медленно осознавая, что сделал. Айлин каким-то образом их связала?! Всех троих? Тогда это помогло Альсу выжить, а сегодня… Альс, умирая от страха в кошмаре, позвал их обоих?! И Лучано, и Айлин кинулись к нему, словно их дёрнули за невидимый поводок!

– Но как же это… – с трудом шевельнул он губами. – Да, я согласился, но… Это снимается?!

Роверстан пожал плечами. А потом посмотрел на Лучано и с явным сочувствием добавил:

– Орден сделает всё возможное.

«А иначе ваш будущий король будет связан с каким-то подозрительным итлийцем-простолюдином, – хотел съязвить Лучано, однако язык не повернулся. – При этом Шипом, проклятым на смерть. И ещё неизвестно, как это отразится на Аласторе в случае чего! Её величество будет в бешенстве. Гильдия будет в бешенстве, когда всё узнает. Мастер Ларци… ох, что он со мной сделает! Отказаться от предложения аккару, чтобы дать клятву девчонке-магессе и принцу-бастардо?! Ещё и непонятно к чему обязывающую клятву!»

– Посмотрите на свою левую руку, – мягко сказал разумник, молча наблюдавший за ним. – Выше локтя.

Лучано закатал просторный рукав рубашки, в которую его переодели, и… замер.

Чёрная шипастая лоза трижды обвивала его плечо, чуть проступая над кожей. Несколько изящных узких листьев, никаких цветов или бутонов, но роскошные длинные шипы. Смертельная изысканная красота. И приговор для того, кому нельзя иметь никаких особых примет.

– Это… – начал он и осёкся, не зная, что сказать.

– След аркана, – тихо подсказал Дункан. – У леди Ревенгар такой же на правой руке. У лорда Аластора их два, на правой и левой. Полагаю, это потому, что вы оба ему присягнули магически. Орден исследует это явление самым тщательным образом, можете не сомневаться. Но боюсь, что в Итлию вы в ближайшем будущем не вернётесь.

– Думаю, нанявшая меня особа это учтёт, – растянул Лучано губы в бесстрастной и насквозь фальшивой улыбке.

Лоза… Лоза для Шипа! Какая забавная и вместе с тем мерзкая шутка судьбы! И что ему теперь делать?! Отличная добавка к проклятию, спящему под сердцем! Хоть правда сбегай в гостеприимно распахнутые объятия аккару! Там всё будет честно, а главное, по его собственному выбору!

– Жалеете? – понимающе уточнил магистр, и Лучано вдруг опомнился.

По собственному выбору? Но… разве Айлин его заставляла?! Он сам согласился на всё, желая спасти Аластора! И вовсе не ради приказа Беатрис! Просто потому, что Альс должен жить. Иногда забавный, иногда раздражающий своей прямотой и упрямством, но честный и великодушный… Истинный принц, воплощение благородства, словно сейчас из красивой детской сказки. И так хочется, чтобы он просто жил где-то… Просто знать, что этот мир не совсем утонул в грязи, раз уж в нём есть такие, как Альс и синьорина Айлин!

Жалеть?! Он бы сделал это снова. И расплатится по всем счетам, которые судьбе будет угодно ему предъявить.

– Нет, – совершенно спокойно уронил Лучано и аккуратно опустил рукав обратно. – Вы же помните, я согласился на это сам.

В коридоре послышался шум, дверь распахнулась, и двое здоровяков в простой коричневой одежде втащили кровать. Ещё пара внесла следом ширму из плотной ткани, натянутой на деревянную раму. Кровати Лучано и Аластора сдвинули почти вплотную, отгородили их ширмой, а третью кровать поставили у окна. Аластор во время всего этого шума так и не проснулся.

– Вот как? – Магистр Роверстан пристально посмотрел ему в глаза. – Что ж, примите моё уважение. Редкое присутствие духа. Я имею в виду, вы ведь тогда в самом деле были… несколько не в себе. Наверное, не очень хорошо помните всё случившееся?

И снова Лучано ударило ощущение шагов над пропастью. Холодная злая тревога, заставляющая пригнуться, чтобы смертельный удар пролетел рядом. Он вспомнил располосованную ладонь грандсиньора и полную пригоршню крови, полетевшую… куда-то. И яростные слова на арлезийском, то ли проклятия, то ли заклинания, летящие по ветру. И несколько раз помянутый Баргот.

«Он разумник, – почему-то очень спокойно подумал Лучано, глядя в непроницаемые чёрные глаза. – Если его обвинят в поклонении Барготу, это будет очень логично и обоснованно. Как-то же он уговорил Запределье вернуть синьорину. Все знают, что разумники не так уж давно отреклись от Падшего и вернулись в лоно благой веры. Грандсиньор магистр, похоже, и сам ходит над пропастью. Сколько же он поставил на карту ради невесты! Да попросту всё. Если докажут… ему не жить. В Итлии барготопоклонников жгут, а здесь что делают? Четвертуют вроде бы…»

– Не понимаю, о чём вы говорите, грандсиньор, – улыбнулся он любезно и очень уверенно. – Я прекрасно помню, как вы и синьорина Айлин спасали его вы… то есть лорда Вальдерона! – тщательно оговорился он, и арлезийские глаза Роверстана понимающе блеснули. – И как я давал согласие синьорине – тоже помню. А вот всё, что было до этого… Увы, оно как в тумане. Разве синьор Бреннан, дай Сестра ему здоровья, вам не говорил? Мне под зельями такое виделось! Помню, смотрю вроде бы на демонов, а вижу голубых котов. И один из них, самый крупный, алхимический змеевик в лапах тащит! С розовым маслом! – добавил он убеждённо, вспомнив скотину Мышьяка. – Хорошо, что самого Баргота не увидел, хвала Благим!

– Сочувствую… – медленно сказал Роверстан, и его чёрные глаза, до этого казавшиеся Лучано кусочками ледяной Бездны, неуловимо потеплели. – Голубые коты, значит?

– Именно так, – истово подтвердил Лучано. – Матёрые, на задних лапах! Вы только не говорите никому, ладно? Мне моя репутация ещё дорога!

– Ну что вы, сударь, – усмехнулся магистр, весело блеснув окончательно оттаявшим взглядом. – Я прекрасно понимаю! Желаю скорейшего выздоровления, ещё увидимся.

Он поклонился и вышел, а Лучано почувствовал, что рубаха на спине насквозь промокла от пота и прилипла к коже. Словно допрос у грандмастера выдержал! Но теперь, если синьор действительно разумник и пустит правильные слухи, никто не поверит словам человека, которому такое мерещится. Понятно же, под зельями был!

Забравшись в свою постель, он несколько минут лежал и ждал, не прозвучат ли снова лёгкие шаги Айлин. Очень хотелось поинтересоваться у синьорины, что она учинила над ними всеми. Но мгновения тянулись, и Лучано нечаянно задышал в том же ритме, что и лежащий рядом Альс, а потом… незаметно уснул.

Глава 3
Высокие ставки

Что-то изменилось. Аластор понял это, едва успев проснуться, хотя никаких видимых причин для беспокойства вроде бы не было. Тело уже не ныло так, будто он свалился с лошади, и чашка с шамьетом не показалась непосильной тяжестью, как вчера. Руки, во всяком случае, не дрожали.

Аластор усмехнулся про себя: хорош герой, на ноги встать страшно. Вон, Лучано уже вовсю болтает с хорошенькой целительницей, которая принесла им завтрак, и ходит по палате… Кстати, а почему их кровати стоят так близко?! И… Он наконец понял, что именно изменилось. Ширма!

– Лу! – позвал он, когда разрумянившаяся от комплиментов девица выпорхнула из комнаты. – Зачем это?

И указал взглядом на тёмное полотно, перегородившее комнату так, что кровати пришлось почти сдвинуть.

Итлиец, кормивший Перлюрена остатками своего завтрака, посмотрел на Аластора очень странным взглядом и бесстрастно поинтересовался:

– А ты не помнишь?

– Я должен что-то помнить? – Аластор приподнялся, чтобы опереться о подушку, и скривился от боли. – Когда её поставили? Вечером же ничего не было. – Он осёкся, внимательно посмотрел на Лучано и вкрадчиво уточнил: – Ну и что теперь мне лучше не знать?

– Альс! – Итлиец обиженно вскинулся, выпустив енота из рук. – Я бы и так всё рассказал!

– Тогда рассказывай, – согласился Аластор и опять отпил пару глотков шамьета.

Снова поморщился, на этот раз не от боли, а вдруг оценив разницу между этим напитком и тем, что варил в походе Лу. Вроде бы и мёда в шамьете хватает, и не горчит, но… Всё равно, что сравнивать месьора д'Альбрэ с обычным фехтовальщиком. Однажды поняв разницу, уже ни за что не перепутаешь.

Лучано вздохнул, опять подхватил Перлюрена и каким-то подозрительно равнодушным тоном сообщил:

– У тебя ночью был кошмар. Очень сильный. Странно, что ты его не помнишь, но, может, это и к лучшему. Тебя били судороги, как в падучей, даже грандсиньор Бреннан ничего не мог сделать. И грандсиньор Дункан – тоже. А потом… – Он прерывисто вздохнул и тем же нарочито ровным тоном закончил: – Потом пришла синьорина Айлин, мы с ней оказались рядом, и всё прекратилось. Ты просто уснул и проспал до самого утра.

– Так… – Аластор снова посмотрел на ширму и обострившимся в последнее время чутьём на неприятности понял главное. – Я спал? А где были вы?

– Здесь, – бледно улыбнулся Лучано. – За этой перегородкой теперь стоит кровать синьорины. Господа маги считают, что это должно помочь, пока не получится убрать последствия второго ритуала.

– Второго… ритуала?

Аластор испытал почти непреодолимое желание встать, взять этого кошака итлийского за шиворот и хорошенько встряхнуть, чтобы из него вылетело сразу всё. Какой второй ритуал?! Какие последствия?! И почему Айлин теперь придётся жить в этой же комнате?! Это непристойно в высшей степени! Если в походе к Разлому им приходилось делить палатку по необходимости, то здесь, в Академии, подобное нарушение этикета оправдать нельзя. Но неужели маги Ордена это не понимают?!

– Лу… – сказал он тихо и вроде бы спокойно, но итлиец, у которого чутьё было даже лучше, чем у самого Аластора, заметно напрягся. – Если ты сейчас же не расскажешь мне всё по порядку с самого начала, я… тебе хвост оторву!

В последний момент он всё-таки проговорился, забыв, что имеет дело не с Паскудой, но Лучано не обиделся, только посмотрел укоризненно, и Аластору стало почти стыдно. На пару мгновений, не больше! А потом он допил шамьет – как можно было так испортить вкусный напиток? – и сел поудобнее, опираясь на высокие подушки, а Лучано, снова вздохнув, спустил енота с коленей и принялся рассказывать.

Всё по порядку, как Аластор и потребовал. О том, как на холме появился один из орденских магов, причём не Бастельеро, как смутно ожидал Аластор, а какой-то иной, совершенно ему не знакомый. Дункан Роверстан, магистр Белой гильдии. Как этот разумник подхватил выпавшую из Разлома Айлин и принялся спасать Аластора. Как Айлин, видя, что надежды нет, провела ритуал. Тот самый, второй, в который по уши влез уже и Лучано. Подарочек дона Раэна, чтоб его… Не мог объяснить заранее, что это за гадость, раз уж подарил?!

Услышав про магическую метку, Аластор молча закатал сначала один рукав, затем второй. Глянул – и его передёрнуло. Чёрная вязь оплетала руки и выглядела не нарисованной, а словно впаянной в кожу, едва заметно выступая над ней. Какие-то веточки, острые листики, шипы… Ничего особенного, даже было бы красиво, наверное, но от метки веяло чем-то невероятно чужим и странным. Аластора передёрнуло, и он опустил рукава.

– У тебя тоже? – спросил отрывисто, и Лу кивнул.

– На одной, – уточнил он спокойно. – Слева. А у синьорины Айлин – справа. Насколько я понял грандсиньоров магов, эти метки нас и связывают.

«Словно клеймо на породистом жеребце, – с неприязнью подумал Аластор. – Простой честный шрам был бы куда лучше. Впрочем, не мне жаловаться. Если эта метка спасла мне жизнь… Интересно, а откуда на холме взялся этот маг? Как его… Роверстан? Да, точно, Дункан Роверстан…»

Спрашивать об этом он не стал – откуда Лучано знать? А тот продолжал рассказывать в подробностях и, кажется, ничего не утаивая. Как вскоре после второго ритуала открылся портал, и на холм явились маги из Академии во главе с самим лордом-протектором. Ах, он теперь, оказывается, ещё и Архимаг?

«Осталось только на трон взойти, – ядовито подумал Аластор. – Все остальные возможности возвыситься лорд Бастельеро уже использовал. Впрочем, если у него получится и это, я уж точно в претензии не буду».

– Значит, убрать метку, – он кивнул на свою правую руку, – пока нельзя?

Лу молча помотал головой.

– А вам… придётся быть рядом со мной?

Лучано так же молча кивнул, словно у него кончились слова – явление для говорливого итлийца настолько необычное, что Аластор даже отвлёкся от собственных тяжёлых дум.

– Слушай, – начал он неловко, – я понимаю, что ты на такое не рассчитывал. И если я смогу как-то исправить… Я всё для этого сделаю!

«Они же действительно оказались ко мне привязаны, – осенило его. – И Лу, и Айлин! Но… как теперь быть? У них собственная жизнь. Айлин должна продолжить учёбу, а Лу снова уедет в Итлию… или куда-нибудь ещё, куда его позовёт ремесло наёмника. Я не могу требовать, чтобы они остались рядом со мной, просто не имею на это права! И ни за что не стану даже просить. Но маги, наверное, сделают с этой связью что-нибудь. И всё закончится!»

Он представил, что приходит новый день – а они, все трое, расстались. Больше нет необходимости делить одну палатку и добытую Пушком дичь. Айлин не станет сушить волосы у костра, а Лу – расчёсывать их, жмурясь от удовольствия и думая, что никто этого не видит. Не будет шамьета, сваренного в котелке, но куда вкуснее, чем у поваров Академии. Не будет

пахнущей дымом одежды и мохнатого тела Синьора Собаки, как зовёт его Лу, греющего им всем ноги в палатке. И лютни на привалах, и фырканья Искры…

Вообще не будет ничего, связавшего их навсегда теснее, чем родных братьев и сестру! Ни опасностей, ни боли и смертей, ни той особой искренности, что возможна лишь с людьми, которым доверяешь свою жизнь. Они… просто снова пойдут каждый своей дорогой! А главное, с чего он, Аластор, взял, что кому-то из них нужна эта связь?

– Не бери в голову, Альс, – опять улыбнулся Лучано, и фальшь в этой улыбке мог бы заметить только тот, кто видел совсем другие улыбки итлийца. – Я останусь, пока буду тебе нужен. Думаю, её величество поймёт все обстоятельства. А синьорина…

– Кстати, где она? – встрепенулся Аластор. – Я должен её увидеть…

Мысли теснились, не желая облекаться в слова должным образом. Конечно, он не станет упрекать Айлин! Лу был прав, она не могла поступить иначе. Но он должен сказать ей… Сказать всё!

– Ушла, – отозвался Лу. – Сказала, что идёт в купальню, а потом к себе в комнату, забрать кое-какие вещи. Альс, ты же не думаешь, что девица обойдётся гребешком и парой лент, если вернулась домой? Да я бы сам сейчас из купальни неделю не вылез! Но надо подождать, пока всё заживёт…

Он продолжал болтать, и Аластора почти отпустила странная тревога, накатившая, стоило подумать о проведённом ритуале. Здесь полно могущественных магов, придумают что-нибудь! Главное, что всё закончилось. Ведь закончилось, правда?! И он, и Айлин с Лучано живы, почти здоровы, не покалечены. Айлин даже магию не потеряла! Всё остальное можно исправить или вытерпеть…

В дверь постучали, Лучано смолк, а в следующее мгновение она открылась, и в палату шагнул высокий худой человек в белом, которого узнал бы любой дворянин Дорвенанта. Серебро когда-то золотистых, а ныне седых волос, тёмно-серые проницательные глаза на бледном лице, почти лишённом морщин. И взгляд, безусловно, доброжелательный, но всё равно Аластору захотелось выпрямиться под ним, словно удерживая давящую тяжесть.

– Лорд Вальдерон, – спокойно сказал канцлер Аранвен, не спрашивая, а утверждая. И внимательно посмотрел на Аластора. – Сударь Фарелли…

Взгляд, похожий на арбалетный прицел, переместился на Лучано. Понятливый итлиец вскочил с постели, поклонился и заявил:

– Моё почтение, грандсиньоры! Кажется, моему еноту необходимо погулять. С вашего позволения!

Он подхватил Перлюрена и, дождавшись едва уловимого, но, несомненно, одобрительного кивка гостя, выскочил в коридор. А лорд-канцлер присел на стул напротив кровати Аластора, положил на колени кожаный футляр для бумаг и так же негромко уронил:

– Я чрезвычайно рад видеть вас живым и в добром здравии, ваше высочество.

«Началось», – подумал Аластор так равнодушно, будто слова первого человека в государстве после короля относились к кому-то другому.

– Прошу прощения, милорд, – сказал он с должной учтивостью, – но вы ошибаетесь. Я наследник рода Вальдерон и никем иным быть не могу. Полагаю, вам это известно лучше, чем любому другому. Если не ошибаюсь, это ведь вы устраивали брак моих родителей, – вовремя вспомнил он слова отца.

В тёмно-серых глазах канцлера появился интерес, и он посмотрел на Аластора ещё внимательнее. Несколько мгновений длилось молчание, потом Аранвен снова заговорил:

– Вы совершенно правы, мой юный лорд. Однако это положение дел перестало быть верным два дня назад. Вот здесь, – он показал на футляр, – документы геральдической королевской коллегии об исследовании вашей крови. Я приношу самые почтительные извинения, что ритуал провели без вашего ведома и позволения, но обстоятельства не позволяли с этим

тянуть. Однако счастлив сообщить, что ваша принадлежность к роду Дорвеннов не может вызвать ни малейшего сомнения. Теперь вы самым законным образом подтверждённый и признанный принц крови, последний и единственный наследник трона по мужской линии.

– Признанный кем? – бросил Аластор, чувствуя, как внутри разгорается гнев. – Разве может признать бастарда кто-то другой, кроме его… отца?

– Это возможно в особых обстоятельствах, – бесстрастно ответил Аранвен. – Например, если родитель умер или погиб. В таком случае ответственность за установление истины берёт на себя геральдическая коллегия. Ваш случай далеко не единственный.

– А эта коллегия всегда ждёт больше двадцати лет?! – выдохнул Аластор. – А потом копается в грязном белье, чтобы разрушить семью? Опозорить женщину, которая и так пострадала, измазать грязью репутацию мужчины, который спас её и ребёнка? Милорд Аранвен, я глубоко благодарен вам за то, что обрёл в лице лорда Вальдерона настоящего отца. Но я отказываюсь признавать себя сыном человека, который так поступил с моей матерью. Не говоря уж о том, что он меня так и не признал. Да что там признать! За всю мою жизнь он уделил мне пару слов на представлении ко двору! И я должен иметь к нему какое-то отношение?!

Он чуть понизил голос, понимая, что говорит слишком громко. Но Аранвен, казалось, ничуть не оскорбился. Сложив изящные бледные руки на футляре с документами, он рассматривал собеседника с интересом, словно редкую книгу или диковинную зверюшку. Дождался, когда Аластор отдышится после приступа резкой боли, а потом сообщил так же ровно и спокойно:

– Я понимаю ваше возмущение, лорд Вальдерон.

Аластор хотел высказать всё остальное, что накипело на душе, но запнулся, услышав этот бесстрастный, чуть утомлённый голос, а главное – обращение! Канцлер с ним не спорил! Неужели… он признал доводы? Однако следующей фразой Аранвен подтвердил опасения, что лёгкой победы в этом споре Аластору не видать.

– Но прошу заметить, – уронил он, – что ритуал исследования крови подтверждает не отцовство, а принадлежность к определённому роду. Скажите, разве все остальные Дорвенны перед вами чем-то провинились?

– Причём тут они? – возмутился Аластор. – Вы же хотите, чтобы я признал себя сыном совершенно определённого Дорвенна! Именно того, который отказался от меня и матушки!

– Я? – приподнял серебристые брови канцлер. – Благие с вами, милорд. Неужели из моих слов можно сделать такой вывод? Я полностью разделяю ваше возмущение поступком его величества. Это было весьма непорядочно с его стороны. Правда, я могу поручиться честью, что король всю жизнь сожалел об этом, но слова мало что стоят без поступков. Поверьте, я вполне понимаю вашу привязанность к лорду Себастьяну и всецело её одобряю. Никто не требует от вас отказываться от рода Вальдеронов. В конце концов, вы единственный и признанный наследник.

– Ничего не понимаю, – вырвалось у Аластора. – Нельзя же быть одновременно Вальдероном и Дорвенном!

– Нельзя, – невозмутимо согласился канцлер. – Зато можно признать себя Дорвенном по крови и сохранить титул лорда Вальдерона в качестве одного из малых титулов, а затем передать его кому-то из своих детей. Что касается урона репутации ваших родителей, то… всё зависит от того, как представить это двору. Родить бастарда короля – поступок не слишком почтенный, но подарить Дорвенанту спасителя и восстановить едва не угасший великий род Дорвеннов – это милость Благих, не иначе. Не нам спорить с их решениями.

В палате стало так тихо, что Аластор прекрасно слышал листву, шелестящую за окном. А ещё быстрый и тут же прервавшийся стрёкот енота… Оставалось надеяться, что на последний звук обратил внимание только он.

– Вы всё продумали, да, ваша светлость? – сказал он так же тихо, как до этого Аранвен. – Скажите, а чем вас не устраивает возвести на трон одну из принцесс? Они совсем юны, но ведь можно назначить регента. Я не слишком хорошо разбираюсь в политике, но есть вы, есть лорд Бастельеро… Зачем вам именно я? Кровь Дорвеннов продолжится в детях их высочеств Алиеноры и Береники.

– Не по мужской линии, – возразил канцлер. – А учитывая, что принцессы пошли в мать, не сохранив родовые черты Дорвеннов, можно с уверенностью утверждать, что они унаследовали кровь Дорве в куда меньшей степени, чем вы.

Он вздохнул и проникновенно взглянул Аластору в глаза, а потом задумчиво поинтересовался:

– Могу ли я узнать, почему вы так упорно отвергаете то, что положено вам по праву? Обида на его величество? Это веский довод, но король, как бы он с вами ни обошёлся, умер, а Дорвенант жив и нуждается в вас. Это наследие ваших предков, милорд, ваша страна, и она молит вас о помощи. Юные принцессы, даже при наличии регента, это совсем не то, что нужно для уверенности в будущем. Никто не собирается лишать их подобающего положения, но трон и корона Дорве должны принадлежать тому, кто способен их удержать и защитить. Вы молоды, сильны, прекрасно воспитаны и овеяны героической славой спасителя – Дорвенант примет вас с радостью! Будучи королём, вы сможете повести его к процветанию. Право, я не понимаю вашего отказа от заслуженной награды…

– К процветанию? – фыркнул Аластор. – Милорд канцлер, я действительно выгляжу провинциальным неучем, способным поверить в эти красивые обещания? Вы пытаетесь всучить мне нищую страну, разорённую демонами даже меньше, чем её собственными лордами. Я проехал от столицы до южной окраины, и знаете, что я видел? Голодные деревни и города! Рынки с ценами, взлетевшими до небес. Необработанные земли. Жителей, которые косятся на каждого чужака, подозревая в нём грабителя. Менял, обманывающих путников и уверенных в своей безнаказанности. И селян, знающих, что скорее умрут от голода, чем получат помощь у своего сеньора! Процветание! Да будь Дорвенант лошадью, я бы посоветовал избавить её от мучений, сдав на скотобойню! Простите, милорд канцлер, но я с четырнадцати лет помогаю отцу вести хозяйство. На землях Вальдеронов порядок и то самое процветание, о котором вы говорите, но лишь потому, что мы с отцом старались ради этого много лет. Я знаю, что такое управлять большим поместьем! Это ежедневные заботы, которые никогда не заканчиваются! А вы хотите, чтобы я взял на себя ответственность за весь Дорвенант?! Чтобы отказался от собственной жизни, которая мне нравится, и полностью лишился свободы?! Ваша награда выглядит хуже каторги, с той, говорят, хоть сбежать можно! А от короны, которую сам согласился надеть, уже не сбежишь.

Он замолчал, с трудом переведя дух и вдруг устыдившись собственных слов. Теперь Аранвен будет думать, что имеет дело с трусом и лентяем, уходящим от исполнения долга. Ну и пусть думает! Потому что три недели путешествия к Разлому и даже готовность пожертвовать собой несравнимы с пожизненным исполнением обязанностей короля. Шагнуть в лапы хоть демонам, хоть самому Барготу – подвиг. А то, что предлагает Аранвен, – участь рабочей лошади, пусть даже этой лошади полагается самый лучший корм и богатая сбруя.

– Я чрезвычайно рад, что не ошибся в вас, лорд Аластор, – уронил канцлер, поднимаясь со стула. – И прошу только об одном – подумайте над собственными словами прежде, чем дадите мне окончательный ответ.

– Он окончательный! – упрямо заявил Аластор, но величественный лорд покачал головой, так что благородная серебряная седина блеснула на солнце.

– Позвольте мне пока его не принять, – мягко попросил он и, отступив на шаг, отвесил изысканный глубокий поклон, положенный для прощания с лицами королевской крови.

Аластор молча склонил голову, благо больному или раненому, лежащему в постели, это дозволялось. Оставив футляр с документами на столике у кровати, Аранвен прошествовал до самой двери, но возле неё обернулся и посмотрел на Аластора с прежним непроницаемым лицом. Только во взгляде его что-то изменилось.

– Я старый человек, лорд Аластор, – сказал он совершенно спокойно. – Врата Претёмных Садов кажутся мне всё ближе. Но в этой стране будет жить мой сын, мои родичи и множество других не безразличных мне людей. И я всей душой желаю, чтобы Дорвенант благоденствовал. Сейчас тот редкий миг, в который судьбу нашей страны можно повернуть к лучшему или к окончательной гибели. Будь у меня ещё одна жизнь, я бы с радостью потратил её на благо Дорвенанта, как уже потратил эту. О, я прекрасно знаю, какова цена, которую платят за власть. Ни один разумный человек не назовёт её малой. Но я всё же прошу… нет, я умоляю вас взять корону, чего бы это вам ни стоило. Кораблю, лишённому руля, не помогут поднятые паруса, они лишь скорее погубят его. Дорвенанту нужен король. А король, знающий, что власть – это не только удовольствия, нужен во много крат больше. Я навещу вас через несколько дней, с вашего позволения, но если примете решение раньше, прошу известить меня в любое время.

И он вышел, прикрыв за собой дверь и оставив Аластора растерянным и пристыженным.

Через несколько минут дверь открылась, и в палату проскользнул Лучано с Перлюреном на руках. Енот держал в лапах ветку с какими-то ягодами и упоённо лопал их, перемазав мордочку тёмным соком. Спустив его на пол, итлиец растянулся на своей кровати, лениво отщипнул кусочек оставшейся от завтрака булочки…

– Всё слышал? – прямо спросил Аластор, вспомнив стрекотанье под окном.

– Да, – спокойно ответил Лучано. Помолчал и добавил: – Но у меня нет приказа сообщать её величеству обо всём, что я вижу и слышу. Если только она не задаст прямой вопрос. Но… откуда ей знать, в каких именно кустах любит гулять Перлюрен?

– Вряд ли для неё это тайна, – буркнул Аластор. – То есть про меня, а не про Перлюрена. И… что думаешь?

– Ты спрашиваешь моего мнения? – изумился Лу, приподнявшись на локте и повернувшись к Аластору. – Становиться тебе королём или нет?!

– Это я и сам знаю, – с досадой отозвался Аластор, чувствуя себя дураком, потому что так и не нашёл в разговоре с канцлером нужных слов. Как можно объяснить, что отчаянно боишься не справиться? Это ведь тоже трусость, хоть и другого сорта, чем та, что он показал. – Корона мне не нужна! Я сын своего отца и никогда не хотел быть кем-то другим. Настоящего отца, понимаешь?

Он искоса глянул на Лучано, который достал платок и принялся старательно оттирать измазанную мордочку и лапы Перлюрена, словно в мире ничего нет важнее. Это Аластор мог понять, он и сам шёл чистить лошадей, когда нужно было хорошо подумать. Хм, выходит, Лу сейчас о чём-то усиленно размышляет? Потому что в последнее время енот отлично умывался и сам.

– Знаешь, Альс… – начал задумчиво Лучано, не поднимая взгляда от попискивающего зверька. – Я ничего не понимаю в ваших дорвенантских делах, но… Королева Беатрис – она ведь Риккарди, верно? Риккарди – это деньги, много денег. И если у ваших грандсиньоров есть капля разума, они не выпустят из рук такой золотой источник. Но если разума у них больше капли, то и остаться на троне регентшей при своих дочерях они Беатрис не позволят. Потому что Риккарди тогда очень быстро приберут к рукам весь Дорвенант. Страна у вас хоть и бедная, но выжать из неё можно много, если правильно взяться за дело, а Риккарди это умеют. Им плевать, сколько в девочках-принцессах итлийской крови, а сколько – дорвенантской, главное, чтобы могли подписывать векселя и правильно вышли замуж. И, думается мне, грандсиньор канцлер это понимает лучше нас. Поэтому остаёшься ты. Молодой, красивый, да ещё и герой. И он запихнёт тебя на трон, чего бы ему это ни стоило. А вернее, чего бы это ни стоило тебе.

– Не понимаю, – угрюмо сказал Аластор. – А если я не соглашусь? Нельзя короновать кого-то против его воли.

Лучано посмотрел на него с обидной жалостью, как на несмышлёного ребёнка, и мягко пояснил:

– Это ты сейчас так думаешь. На самом деле ещё как можно. М-м-м… Ну представь, ты откажешься – и что дальше?

– Уеду домой, – убеждённо отозвался Аластор. – В поместье. И носа больше в столицу не покажу! Пусть возводят на трон, кого хотят. В самих Аранвенах достаточно крови Дорве!

– Уедешь, – кивнул Лучано. – Я даже не сомневаюсь. Но если бы грандсиньор канцлер хотел сесть на трон или усадить туда своего сына, он бы так и сделал. Беда в том, что ты, Альс, всегда будешь упрёком любому, кто на этот трон взойдёт. Опасным упрёком. И захоти кто угодно свергнуть короля – любого короля! – лучше предлога, чем твои права, не найти. Ты же последний и единственный по мужской линии претендент, остальным тебя никогда не догнать! И любой король всегда будет бояться, что ты передумаешь. Или что тебя попросту используют, как знамя, под которое соберутся все недовольные. Понимаешь? Ну и как тебя в живых-то оставить при этом?

– Что? – растерялся Аластор, так просто и обыденно Лучано это сказал. – Ты думаешь, меня убьют? Но я же откажусь от трона! Поклянусь Благими!

– Благие высоко и далеко, – пожал плечами итлиец. – А корона – вот она. Альс, я верю, что ты не нарушишь клятву по своей воле. Но у тебя ведь есть родные, верно? Родители, сёстры… А теперь скажи, сможешь ли ты сдержать клятву, если твои батюшка с матушкой однажды пропадут из вашего поместья? А потом ты получишь письмо, что они гостят у твоего верного подданного, который мечтает восстановить справедливость и увидеть тебя на троне. И что ты будешь делать, Альс? Опять откажешься, зная, что получишь их головы?

– Лу… – поражённо выдохнул Аластор. – Ты что говоришь? Так… просто не бывает! Зачем?! Зачем кому-то возводить меня на трон такой ценой?!

– Ну, например, чтобы на трон не сели Риккарди, – так же спокойно объяснил Лучано, рассеянно почёсывая енота за ухом. – Это у вас тут на всех итлийцев смотрят одинаково, чуть ли не как на родственников. А в Итлии у семьи Беатрис врагов больше, чем устриц на отмелях. И они наизнанку вывернутся, чтобы Риккарди не укрепились ещё сильнее, подмяв под себя целый Дорвенант! А ещё есть ваши грандсиньоры, Те, у кого есть подходящие сыновья, через несколько лет передерутся за право женить их на принцессах, а потом поделить трон. А те, у кого дочери, продадут Барготу душу, лишь бы выдать одну из них за тебя, а потом… сам понимаешь. И поверь, твоё мнение интересовать не будет никого. Можешь вообще отречься от трона в пользу своих детей, тебе только спасибо скажут. А вот если женишься по собственному выбору и откажешься от короны, тебе всю жизнь придётся беречь наследников – они ведь тоже будут нужной крови.

– Хватит! – не выдержал Аластор и принялся растирать пальцами виски, которые заломило. – Тебя послушать, так мне стоило самому прыгнуть в Разлом и ни в коем случае оттуда не выбираться!

– Так и есть, – усмехнулся Лу. – Вот если бы ты оказал всем любезность и героически погиб, очень удобно было бы тебя любить. Поставили бы тебе памятник на главной площади, назвали твоим именем два-три десятка новорождённых – и беллиссимо! А ты имел наглость остаться в живых и теперь мешаешь всем, будто камешек в башмаке.

– И что мне делать? – мрачно спросил Аластор, вдруг испытав недостойное подозрение, что Лучано говорит это всё по приказу королевы или канцлера. – Принять корону?

– Разве я могу за тебя решать? – пожал плечами итлиец и скормил еноту остаток булочки. – Это твоя жизнь, Альс. Но сейчас, пока тебя просят со всей учтивостью, можешь ставить условия. А вот потом, если возьмут за горло, придётся соглашаться на чужие. Тебе

никто не позволит выйти из игры, слишком высокие в ней ставки. Так не лучше ли хотя бы самому выбрать правила?

– Я… подумаю, – отозвался Аластор, глубоко вздохнув, и Лучано понимающе кивнул.

«А ещё ведь есть Айлин, – непрошено кольнула предательская мысль. – Ты клялся себе, что защитишь её репутацию. Никто не посмеет открыто обвинить в непристойном поведении девушку, которая спасла короля. И что мне делать? Я не хочу ни власти, ни всего, что к ней прилагается. Но не обойдётся ли это слишком дорого тем, кого я люблю? И снова я должен сделать выбор сам».

* * *

– Эта мне тоже велика, – вздохнула Айлин, стягивая очередную мантию и кидая её в кучу уже примеренных и отвергнутых. – Да что ж такое!

– А я тебе говорила, что ты отощала, как кошка помоечная, – невозмутимо напомнила Иоланда, сидя на кровати и лениво расчёсывая волосы. – Бельё ведь тоже висит, верно?

– Ты про козу говорила, – расстроенно буркнула Айлин и попыталась одной рукой подхватить и прижать лиф, который действительно болтался на ней слишком свободно. – Коза, кошка… Ну и что теперь делать? Попросить прислугу, чтобы подогнали? А пока в чём ходить?

– Если ушить, потом расставлять придётся, – заметила Иоланда со своей обычной рассудительностью. – Ладно уж, Ревенгар, придумаем что-нибудь. Иди в купальню, а я попрошу девочек найти тебе вещи. Но послушайся доброго совета, возвращай обратно то, что у тебя было! – И она выразительно провела рукой по собственной пышной груди. – Кстати, это правда, что ты теперь будешь ночевать в одной палате с двумя мужчинами?

– Правда… – настороженно отозвалась Айлин и искоса взглянула на соседку по комнате.

Если Иоланда скажет, что это неприлично, значит, вообще вся Академия думает именно так!

– На! – Иллюзорница решительно придвинула к ней сундучок с богатейшим собранием пудр, кремов, помад и прочих достижений алхимии. – Хотя нет, всё тебе не нужно, сейчас выберем. Что ты на меня так смотришь? Ревенгар, ты же не будешь бегать сюда каждое утро, чтобы подкраситься? А ходить при мужчинах бледной молью я тебе не позволю. Нечего нашу комнату позорить! Так, вот это тебе не надо, это тоже, а вот это обязательно… Ничего, мы из тебя быстро красавицу сделаем. Вот этим намажешь волосы перед мытьём и подержишь, вот этим потом смоешь. Это для умывания. Это для ресниц и бровей, только намазывай на ночь. А вот этого – три капли на расчёску и сто раз по волосам, когда высохнут. Эй, ты меня слышишь?!

Гора отложенных для неё баночек и флакончиков стремительно росла, у Айлин предательски защипало в глазах и в носу. Конечно, они с Иоландой давно уже не ссорились по пустякам, как при первой встрече, но и такого трудно было ожидать. Вспомнилась ночь, когда она сбежала от лорда Бастельеро – тогда Иоланда тоже поддержала её.

– Я всё не запомню.

Она шмыгнула носом и посмотрела на подругу с виноватой благодарностью. Иоланда фыркнула и явно хотела высказаться насчёт её умственных способностей, но тут в дверь постучали, и раздался голос, при звуках которого Айлин кинулась натягивать первую попавшуюся мантию:

– Вы позволите?

Дункан? В женском крыле?! Средь бела дня?!

– Минутку! – откликнулась Иоланда и, обернувшись к Айлин, сделала огромные глаза, а потом прошипела:

– Ревенгар, ты совсем с ума сошла? Тебя же девицы на ленточки порвут! Мало тебе двух красавчиков в лазарете? Ты что, с преподавателем закрутила? Да ещё… с ним?!

Айлин, барахтаясь в мантии, яростно замотала головой и жалобно пискнула:

– Нет… Иоланда, ты всё не так поняла…

– Ну коне-е-е-ечно… – Иоланда быстро одёрнула на ней мантию и, схватив щётку, принялась приводить волосы Айлин в порядок. – Это я всё не так поняла? Да вся Академия видела, как он тебя на руках таскал! Два раза, между прочим. Сначала перед тем, как ты исчезла… Ну, когда демоны старого Архимага сожрали. А потом – когда вернулась. От самого портала в лазарет нёс, больше ведь некому оказалось. Да не вертись ты! Но чтобы прямо сюда прийти?

Она ловко уложила мгновенно заплетённую косу вокруг головы Айлин, заколола шпильками и открыла баночку с помадой.

Айлин снова замотала головой. Краситься? Сейчас?! Когда Дункан стоит под дверью и ждёт её?!

Она едва сообразила, что никто в Академии не знает об их тайной помолвке, значит, для всех это выглядит просто визитом преподавателя к адептке. Мало ли зачем она могла понадобиться? Может… это из-за Аластора?!

– Перестань, – прошипела она, отталкивая руку Иоланды с кисточкой. – Это просто… Ничего такого, слышишь? Это из-за Разлома! Милорд Роверстан пытается снять с моих спутников аркан, который я нечаянно наложила. Вот и всё!

Вскочив, она сунула ноги в башмачки и кинулась к дверям, чувствуя, как спину жжёт недоверчивый взгляд Иоланды. Стыдно-то как! Ведь Иоланда скоро узнает, что Айлин ей соврала. Все узнают, когда станет известно об их свадьбе! Но пока что надо молчать. Ей только и не хватало сплетен девиц, которые много лет охотились на Дункана!

Айлин едва не застонала, бросив мимолётный взгляд в большое зеркало, висящее рядом с дверью. Ужас! Хуже всякого умертвия! Лицо бледное, осунувшееся, волосы потускнели, и прядки торчат, несмотря на старания Иоланды. Мантия сидит отвратительно! А губы? Может, и правда стоило мазнуть по ним помадой? Самую капельку, легонечко! Зато не было бы видно, какие они обветренные. Иоланда права – кошка драная! Помоечная! И вот такой выйти к Дункану?! Он, конечно, видел её в лазарете, но тогда было понятно, что она ещё больна, а сейчас…

Она замерла на пороге, рассматривая носки своих башмаков и боясь посмотреть вверх.

– Доброго дня, адептка Ревенгар, – снова раздался его голос.

Решившись, Айлин подняла взгляд, и Дункан едва заметно улыбнулся ей, скорее блеснувшими глазами, чем губами. Какой же он всё-таки красивый! Странно, что из комнат по всему коридору ещё не торчат любопытные уши, но можно не сомневаться, что ждать этого недолго. Не каждый день магистр гильдии приходит к адептке, да ещё и чужого факультета!

– Доброго дня, м-милорд, – проговорила она, не сомневаясь, что Иоланда за спиной ловит каждое слово чутко, словно кошка, стерегущая мышь. – Вы хотели меня видеть?

Дура! Конечно, хотел, раз уж пришёл! Да что же у неё всё так невпопад?! Айлин едва не застонала, но Дункан чуть склонил голову и сообщил всё тем же спокойным и любезным тоном преподавателя, говорящего с ученицей:

– Лорд Эддерли просил сообщить, что ожидает вас в лазарете. Его очень интересует всё, что случилось во время вашей поездки.

– Милорд магистр Эддерли? – растерянно переспросила Айлин. – Д-да, конечно… А… лорд Бастельеро?

– Его светлость Великий Магистр отбыл по делам Ордена и вернётся не раньше, чем через несколько дней, – так же невозмутимо сказал Дункан. – В его отсутствие вашим делом будет заниматься лорд Эддерли как глава вашей гильдии. Ну и мы с магистром Бреннаном, если вы не возражаете.

Он снова спрятал улыбку в усы, но Айлин всё же успела её заметить, и сердце радостно стукнуло. Видит Претёмная, это лучшее, что могло пока случиться! Лорда Бастельеро нет в

Академии, так что разговаривать с ним пока не придётся. Она вдруг осознала, что именно услышала. Великий Магистр?! Архимаг всего Ордена?!

Когда лорд Бастельеро пришёл к ней в лазарет, на нём не было семилучевой Звезды, но раз Дункан говорит, это должно быть правдой. Лорд Бастельеро – Архимаг… Ну что ж, он действительно этого достоин. Архимаг должен быть строгим и непреклонным, так что никто не справится с этой ношей лучше. Но… хорошо, что теперь лорд Бастельеро занят более важными делами. А магистры Эддерли и Бреннан – они замечательные! Тоже строгие, но добрые и справедливые… Им можно рассказать… почти всё! Нет, про аккару она будет молчать, разумеется, но вот остальное точно можно!

– Конечно, я иду! – ответила Айлин радостно. – Иоланда? – Она обернулась в комнату и попросила: – Ты же позаботишься? Ну, о том, что обещала…

И выразительно глянула на кучу мантий.

Иллюзорница молча кивнула, жадно разглядывая магистра за её плечом, но тому к любопытным взглядам девиц было не привыкать. Благосклонно кивнув Иоланде, он отступил, пропуская Айлин в коридор, и пояснил:

– Я сам провожу вас. Есть обстоятельства, по которым этой беседе лучше состояться в моём присутствии. Кроме магистра Эддерли, с вами побеседует мэтр Овайн из Службы Безопасности Ордена. Не пугайтесь, это обычная процедура для любых случаев, связанных с жертвоприношением.

Айлин чуть не спросила, кто кого приносил в жертву, но вовремя прикусила язык и снова обозвала себя дурой.

– Но я не знаю, что рассказывать, – растерянно отозвалась она, спускаясь по лестнице на первый этаж. – Я сама не поняла, как всё получилось!

Тетрадь Кирана Лоу! Магистр Бреннан, должно быть, уже забрал её, а там описаны оба ритуала, и тот, что она украла у лорда Бастельеро, и подаренный доном Раэном. Ну и как объяснить магу из Службы Безопасности, где она их взяла?

Айлин невольно замедлила шаг, покосившись на Дункана, невозмутимо идущего рядом. Спросить его? Нет уж, за свои поступки нужно отвечать самой! Лорд Бастельеро обещал, что никакого наказания не будет, но Служба Безопасности… про них рассказывают всякое. И, между прочим, их главой был мэтр Денвер!

Они свернули за угол, и полдюжины боевиков-старшекурсников, громко обсуждающих то ли дуэль, то ли драку, разом смолкли. Торопливо отдав магистру положенный по этикету поклон, они жадно воззрились на Айлин, так что ей захотелось немедленно осмотреть себя – нет ли дыры на мантии. Такими взглядами можно и прожечь!

– У неё на счету демонов, как у нас всех, вместе взятых… – услышала Айлин восхищённый шёпот за спиной, которому сразу откликнулось несколько голосов: – Закрытый Разлом… А ещё она в Запределье была… Я вру?! Магистр Ладецки тоже врёт, по-твоему? Не профаны же Разлом закрыли! А может, она и Баргота видела?..

Айлин передёрнулась и невольно опять опустила голову. Ей бы радоваться, столько обожания и восторга слышалось в этих словах, но никак не получалось. Перед глазами вставал огненный ветер, который едва спас их всех, и тут же следом вспоминалась жуткая вонь палёных демонов. Неупокоенная деревня. Бывший преподаватель, ставший мерзкой нечистью. Усталость, голод и отчаяние. Страх не справиться… Они и правда думают, что она героиня? А ей больше всего хочется забыть то, что наверняка будет являться в кошмарах до конца дней. И никому не объяснить, что держать на руках умирающего друга гораздо страшнее встречи с Барготом…

– Академия полна слухов, – ровно уронил Дункан, подтверждая самые неприятные её мысли. – Но это даже хорошо. За слухами легче спрятать то, о чём говорить не хочется. Кстати,

при беседе будет использован артефакт, определяющий ложь, поэтому отвечайте на вопросы правдиво и ничего не бойтесь.

Они спустились в крыло целителей и уже почти дошли до кабинета магистра Бреннана, когда Дункан остановился и снова обратился к ней:

– Могу я кое о чём попросить? – Айлин торопливо кивнула, и он продолжил: – Мэтр Овайн, который будет с вами беседовать, разумник. Сами понимаете, я не имею права вмешиваться в вашу беседу и диктовать ему, какие вопросы задавать. Поэтому… – В его глазах вдруг заплясали весёлые искры, а голос упал до заговорщицкого шёпота: – Убедительно прошу вас во время разговора с мэтром Овайном ни в коем случае не думать о…

– О нашей помолвке? – подхватила Айлин, удивляясь, что жених просит её о подобном.

Будто она сама не понимает, что никому не нужно об этом знать! Пока, во всяком случае. Но ведь разумники не умеют читать мысли… или всё-таки умеют? Ей не раз казалось, что Дункан всё-таки читает, значит, могут и остальные? Не все, конечно, ведь даже проклинать умеют не все некроманты, но уж маги из Службы Безопасности – наверняка!

– Что? – изумлённо переспросил Дункан. – Нет, моя дорогая! Ни в коем случае. Полагаю, если мои собратья по гильдии узнают о нашей помолвке, они только порадуются за меня. Я хотел попросить вас не думать об… арлезийских львах и способах их ловли. Боюсь, что увидеть… подобное… окажется слишком ярким впечатлением для моего немолодого и почтенного коллеги. Обещаете?

– Конечно! – горячо заверила Айлин, чувствуя, как загорелись щёки при воспоминании о том сне. Он всё-таки видел это в её мыслях! И не забыл за целых пять лет? – Вот только, – спохватилась она почти сразу, – вдруг я снова увижу змею? Вы же знаете, я…

– Не слишком хорошо переносите магию разума, – кивнул Роверстан. – Видения змей вам не грозят, ведь ваша собственная магия блокирована. Однако я в любом случае буду рядом и позабочусь о вашей безопасности.

Айлин успела послать ему взгляд, полный благодарности, а затем Дункан распахнул перед ней дверь и, войдя следом, объявил:

– Милорды, мы к вашим услугам. Мэтр Овайн, прошу помнить, что беседа не должна быть слишком долгой. Адептка Ревенгар всё ещё нездорова.

– Магистр Бреннан сообщил мне об этом уже трижды, – отозвался высокий сухощавый старик в белой мантии, окинув Айлин неприятно пронзительным взглядом. – Право, милорд Роверстан, нет нужды напоминать в четвёртый раз.

Айлин сделала реверанс, чувствуя, как взгляды скрестились на ней, словно векторы, по которым идёт заклятие. Магистр Бреннан сидел за своим столом, а рядом с ним в кресле расположился магистр Эддерли, и оба пожилых мага смотрели на неё с доброжелательным сочувствием. Мэтр Овайн отошёл от окна, возле которого стоял, и опустился на один из двух свободных стульев, жестом предложив Айлин занять второй. За спиной послышались шаги – Дункан прошёл на освободившееся у окна место и встал там, скрестив руки на груди.

Откашлявшись, магистр Эддерли чуть наклонился вперёд и попросил:

– Итак, Айлин, дитя моё, не ответите ли вы нам на несколько вопросов?

Айлин, сложив руки на коленях, благовоспитанно отозвалась:

– Да, милорд магистр.

– Превосходно, – кивнул Эддерли ей и обратился к седому разумнику: – Мэтр Овайн, прошу.

– Это ваша вещь? – отрывисто поинтересовался тот, поднимая в руке знакомую тетрадь. – Откуда она у вас?

– Да, мэтр, – ответила Айлин, порадовавшись, что первый вопрос такой простой. – Это подарок моего учителя, мэтра Кирана Лоу.

– Лоу? – Овайн вскинул седые брови. – Я не знаю такого преподавателя.

– Кхм… – снова откашлявшись, прервал его Эддерли. – Мэтр Лоу был штатным призраком нашего факультета много лет. Пожалуй, его можно назвать преподавателем, учитывая… Айлин, вы его вызывали? На занятиях?

– Нет, милорд магистр, – покачала Айлин головой. – Мы… встречались вне занятий. Однажды мэтр Лоу предостерёг меня от очень большей ошибки и после этого стал моим наставником. Он помогал мне… – Она вспомнила их последнюю встречу и с трудом вдохнула ставший вдруг плотным воздух. – А перед тем, как уйти в Сады, он оставил мне этот дневник.

– Призрак сказал вам, как его найти? – с подозрением уточнил разумник.

– Нет, мэтр Овайн, – возразила Айлин. – Этот дневник сделан частично из его тела, поэтому остался с ним после смерти мэтра Лоу. И поэтому он смог воплотить его, чтобы отдать мне.

– Человеческая кожа… – пробормотал Овайн, глядя на тетрадь с брезгливым отвращением. – Снять с себя кожу, чтобы сделать гримуар? Кто поручится, что это было добровольно?

– За это поручился сам Лоу, – вмешался Эддерли. – Овайн, вы разумник, вам простительно не знать, что артефакт, изготовленный подобным образом, нельзя украсть или отнять даже в посмертии, чем и воспользовался Лоу. И создать его маг может исключительно сам. Это не те гримуары, с которыми вы имеете дело по службе, расследуя всякие тёмные ритуалы. Как магистр Фиолетовой гильдии свидетельствую, что Айлин Ревенгар могла получить данную тетрадь от её создателя и ни от кого иного.

– Но она отдала её итлийцу! – возмутился разумник. – Как это соотносится с вашими словами?

– Не отдала, а передала на сохранение, – парировал Эддерли. – Уверяю вас, если бы кто-то украл гримуар или отнял силой, то очень об этом пожалел бы. Такие вещи умеют о себе позаботиться. Именно поэтому я рекомендую вернуть его адептке Ревенгар. Вы же сами видели, что большая часть записей сделана много лет назад и не представляет интереса для нашего… разговора. Кстати, прекрасный учебник по нежитеведению получился бы, – вздохнул он. – Айлин, дитя, если вы позволите сделать с него копию…

– Я буду очень рада, – кивнула Айлин. – И мэтр Лоу тоже порадовался бы.

– Вернёмся к нашему делу, – сварливо сказал Овайн и, раскрыв тетрадь, ткнул в неё пальцем. – Ритуал, предназначенный для закрытия Разлома. Где вы с ним познакомились?

Айлин снова глубоко вздохнула и призналась:

– Я… увидела его в бумагах лорда Бастельеро, моего куратора.

– Вот как? – Глаза Овайна блеснули, словно у кота, увидевшего мышку. – И где, позвольте спросить, вы имели случай сунуть нос в эти бумаги?

«Только бы не выдать Дарру, – мелькнуло в мыслях Айлин. – Ой, нельзя об этом даже думать. Нет-нет… Но что же сказать? Может, что залезла в кабинет лорда Бастельеро на спор? Да какая разница, всё равно это проступок, заслуживающий изгнания из Академии с позором!»

Но прежде, чем она открыла рот, магистр Бреннан с каменным лицом поинтересовался:

– А почему бы вам, дорогой Овайн, не спросить об этом самого лорда Бастельеро? Уверен, наш дорогой Великий Магистр с удовольствием ответит, где он, – целитель сделал явное ударение на последнем слове – оставил эти бумаги, так что их смогла прочитать адептка-шестикурсница. Между прочим, одна из его личных учениц, несколько лет посещавшая особый курс вместе с сыном лорда Эддерли – последовал небрежный кивок в сторону магистра некромантии – и сыном лорда-канцлера Аранвена.

Овайн захлебнулся глотком воздуха вместе с тем, что хотел сказать. Беспомощно посмотрел на невозмутимого Эддерли, затем куда-то в окно. Кажется, в сторону Башни Архимага. А может, и в сторону дворца. Пошевелил губами, а потом выдохнул:

– Ну, если особый курс… Полагаю, это меняет дело. Наверное, вы увидели их среди учебных записей, верно?

– Да! – радостно выдохнула Айлин, вспомнив, что план ритуала действительно был засунут среди планов лекций. – Честное слово, я нечаянно его увидела! Там… были лекции…

Претёмная, благослови магистра Бреннана! Если бы не он…

– И контрольные, вероятно? – фыркнул Овайн, стремительно выбравшись на знакомую почву. – Впрочем, это уже мелочи. Итак, вы увидели ритуал и сразу поняли, как его применить? Данное заклятие не относится к общеизвестным.

– Это вариант заклятия ключа, – ответила Айлин предательски дрогнувшим голосом. – А ему меня научил милорд магистр Кристоф. Я… была с ним, когда… он…

– Тише, тише! – прервал её Бреннан и метнул на разумника сердитую молнию взгляда. – Овайн, вы с ума сошли? Напоминать бедной девочке этот ужас! Она была с Кристофом в его последнем бою! Может, вы и в этом хотите её обвинить? Айлин, так это наш дорогой магистр Кристоф?..

Айлин кивнула и пояснила отвратительно дрожащим голосом:

– Он сказал, что это из тех знаний, которые передаются только от наставника к ученику. И что он… хочет научить… меня… Я не знала, что он собирается делать, честное слово! А он показал мне плетение и… шагнул в разлом…

Голос у неё всё-таки сорвался. Айлин сама не ожидала, что будет так больно вспомнить о гибели старого боевика. Того, кто указал ей путь такой страшной ценой.

Бреннан налил из кувшина воды в стакан и подал ей, а Эддерли сердито глянул на разумника и холодно уточнил:

– Мы все свидетели, что Айлин Ревенгар, несмотря на юность, доблестно исполнила свой долг магессы в том бою. И что она осталась с магистром Кристофом по его просьбе. Дать последний урок даже собственной смертью – это… так в его духе. Разумеется, девочка изучила и запомнила заклятие ключа, а когда увидела его вариацию, то сразу поняла, что это. Ревенгар одна из лучших адепток, да и уроки Бастельеро чего-то стоят, знаете ли. Овайн, если вы собираетесь расспрашивать так подробно, вам понадобится не одна беседа, а дюжина. В лучшем случае!

Они её защищали! И магистр Бреннан, и магистр Эддерли! Прикрывали от неудобных вопросов, наверняка зная правду! То есть вряд ли они знали, что лорд Бастельеро разрабатывал это заклятие, чтобы применить его на Аласторе, но… если даже она додумалась, то уж лорд Эддерли точно должен был всё понять.

У Айлин опять защипало глаза, как при разговоре с Иоландой и при воспоминании о смерти Кристофа. Что-то она сегодня так и норовит расплакаться. Обычно такое настроение посещало её перед женскими днями, но для них вроде бы не время? Она попыталась вспомнить, когда придут очередные, запуталась и отбросила эти мысли – нашла, о чём думать! Да ещё во время допроса!

Что это допрос, а не просто беседа, уже было совершенно понятно. И ясно, почему Дункан не стал предупреждать её заранее, Айлин перепугалась бы до полусмерти, ожидая от мага страшной Службы Безопасности чего угодно. А так… Она была очень благодарна всем трём магистрам и, пожалуй, зла на Овайна. Желание расплакаться сменилось возмущением столь быстро и сильно, что Айлин посмотрела на разумника так же сердито, как до этого глядел Эддерли.

– Милорд Эддерли, прошу не мешать, – огрызнулся тем временем Овайн. – Я всего лишь выполняю свою работу! В этом деле множество неизвестных моментов, которые не позволяют с полным доверием отнестись к словам адептки Ревенгар. Например, очень хотелось бы узнать, где она познакомилась с известной вам особой! То есть лордом Вальдероном. Или это вы тоже предложите узнать у него самого?

– Отличная мысль, – ехидно вставил Бреннан. – И вполне исполнимая. Могу лично проводить вас к его высочеству. Но что бы он ни ответил, с каких пор знакомство юного дворянина

и такой же юной дворянки является предметом ваших расследований? Я полагал, вас интересует, как Ревенгар закрыла Разлом, а не её знакомства.

– Простите, но так невозможно работать! – Овайн вскочил и, развернувшись, уставился на пожилых магистров, ответивших ему безмятежными взглядами. – Милорд Роверстан, не могли бы вы объяснить, что мои действия требуют полного сосредоточения?

– О, прошу прощения, дорогой Овайн! – откликнулся от окна Дункан изысканно любезным тоном. – Но перед вашим появлением я уже говорил им об этом… да-да, раза три, не меньше. Не повторять же мне в четвёртый, как вы сами недавно изволили заметить.

Айлин только чудовищным усилием смогла удержаться от смешка.

«А вот не надо было задевать Дункана! – подумала она с мстительным триумфом. – Он не даст в обиду ни себя, ни меня…»

Эта мысль была такой сладкой, что Айлин едва не пропустила следующий вопрос, слетевший с побелевших от злости губ седого разумника.

– Благодарю за помощь… – процедил он и снова обратился к Айлин: – Вынужден всё-таки спросить – вы понимали, к какому результату приведут ваши действия? Что, если бы у вас не хватило сил закрыть Разлом? Или если вы погибли бы?

– Если? Но я и так знала, что погибну. – Айлин искренне удивилась, что Овайн не понимает такой простой вещи. – Просто я должна была уберечь его высочество. Он последний из Дорвеннов и… мой друг. А сильных некромантов достаточно, рано или поздно у кого-то получилось бы то, что не смогла сделать я. Это же ради спасения Дорвенанта! Простите, я… что-то не то сказала?

Она обвела взглядом пожилых магов, уставившихся на неё с одинаково странным выражением лица. То ли с удивлением, то ли… В другом случае она бы подумала, что это восхищение. Во всяком случае, они смотрели в точности, как те боевики в коридоре.

– Нет-нет, дитя моё, – первым опомнился магистр Эддерли. – Вы совершенно правы. – И перевёл взгляд на мэтра Овайна. – Может быть, перейдём к действительно важным вопросам? Вы говорили, что намерены провести исследование разума адептки. Полагаю, вы понимаете, что долго оно длиться не может? Так что советую тщательно рассчитывать время.

– Не дольше нескольких минут, – подтвердил Бреннан и поднялся с кресла. – Идите сюда, девочка моя, здесь будет удобнее. Нет-нет, не спорьте! Вы забыли, что я ваш целитель? Вот так, садитесь…

Растерянная Айлин, к которой разом вернулись все страхи, села в глубокое кресло и откинула голову на его мягкую высокую спинку. Исследование разума? Это значит, что ей заглянут в мысли?! Встрепенувшись, она умоляюще посмотрела в сторону Дункана и тут же устыдилась своей несдержанности. Её жених сказал, что ничего страшного не случится. Она должна хотя бы в этот раз довериться ему! Но… Дункан не знает, что ей действительно есть, что скрывать. О, как много она должна утаить, если подумать!

Просьбу Дарры, которая привела её в кабинет лорда Бастельеро! И… ту ночь, которая была перед этим. И предложение… оба предложения! Не покажет она этому противному старику, что связывает её и Дункана! Что-то не похоже, чтобы мэтр Овайн порадовался за своего магистра… А ещё у неё в разуме можно подсмотреть секреты Лучано, которые ей вовсе не принадлежат! И тот позор, когда лорд Бастельеро нашёл Аластора в её комнате и выгнал! Претёмная, благослови ещё раз магистров Бреннана и Эддерли, которые не дали мэтру Овайну расспросить её об этом. Ни за что не удалось бы доказать, что это была просто невинная детская дружба! А ещё ей непременно нужно скрыть встречу с Барготом и Претёмной! Это, наверное, самое страшное. Вдруг её сочтут барготопоклонницей?! Что же делать?!

– Успокойтесь, адептка, – мрачно приказал мэтр Овайн, глядя на неё и не торопясь подходить. – Это совершенно безвредная процедура. Вам даже больно не будет. Я всего лишь

задам пару вопросов, и вы постараетесь как можно точнее вспомнить то, о чём я спрошу. Во всех подробностях.

Айлин послушно кивнула, больше всего желая очутиться подальше отсюда. Магистры Эддерли и Бреннан смотрели на неё ободряюще, а в сторону Дункана Айлин сама боялась глянуть, помня его просьбу. Никаких арлезийских львов! Только бы никаких арлезийских львов. Ни в коем случае не думать о них…

– Прошу вас быть как можно осторожнее, коллега, – предупредил Дункан. – У адептки Ревенгар непереносимость белой магии и не совсем обычная реакция на неё.

– Она же в браслетах, – отозвался Овайн, приглядываясь к запястьям Айлин. – Какое значение имеет непереносимость?

– Ну, даже не знаю, – пожал магистр могучими плечами, обтянутыми щегольской белоснежной мантией. – Лично я встречался с этим эффектом дважды. И если в первый раз отделался разбитым об меня стаканом, то во второй адептка Ревенгар меня едва не убила. Вот, милорд Эддерли подтвердит.

– Подтверждаю, – бросил Эддерли. – Милорду Роверстану тогда чрезвычайно повезло. Но вы не беспокойтесь, мэтр, при необходимости я поставлю щит. Да и браслеты удержат… наверное…

От сомнения в его голосе Овайн побледнел ещё сильнее, а Роверстан поверх его головы подмигнул Айлин именно в тот момент, когда Эддерли с Бреннаном не видели. Она не решилась улыбнуться в ответ, но на душе стало спокойнее.

Разумник тем временем перенёс стул к её креслу и, усевшись, бесцеремонно положил неприятно холодную руку Айлин на лоб. Да она ещё и влажная! Айлин почему-то явственно вспомнила мэтра Денвера – хотя вот у него руки были сухие. Только грязные, с обломанными ногтями, а уж когда он полез этой рукой ей под рубашку… Фу! Стоит только вспомнить, как начинает мутить! Ну что ж, мэтра Денвера больше нет, она сама… ну, почти сама его упокоила. Нечего и вспоминать такую дрянь!

Айлин старательно попыталась отогнать видение, как она лежит на мэтре Денвере и всаживает некромантский нож ему в грудь, пока руки кадавра удерживают Лучано с Аластором. Ох, ну и поза… Но тогда было не до приличий!

Разумник вздрогнул и почему-то уставился на неё с ужасом.

– Вы… – Он откашлялся и спросил хриплым голосом: – Вы его встретили? М-м-мэтра Денвера?!

– Да, – виновато подтвердила Айлин и добавила с проснувшейся снова злостью: – Он сам был виноват! Он хотел принести меня в жертву! И вселиться в тело Аластора! То есть его высочества! И вообще, что плохого, что я упокоила кадавра?

– Сделали что? – спросил Эддерли, опять наклоняясь в её сторону. – Дитя моё, вы встретили мэтра Денвера?! Хм, я понимаю ваши чувства, Денвер был… пренеприятной личностью, но звать кого-то кадавром – для девицы это несколько чересчур…

– Но это же правда! – растерялась Айлин. – Когда он попытался нас убить, Лучано Фарелли убил его самого! И мэтр Денвер встал кадавром! А я его упокоила!

– Вы… его… упокоили… – Магистр Эддерли смотрел на неё так, что Айлин едва не испугалась, но упрямо кивнула. – Кадавра?! Во имя Претёмной, как вы могли упокоить кадавра, дитя моё?!

– Я отдала его Провожатым. Понимаете, однажды я помогла Провожатым забрать призрака, который охотился на людей. То есть на одного человека, но это неважно. Я его упокоила, и господа Провожатые забрали этого мерзавца. И сказали, что в долгу передо мной. – Айлин едва не убрала голову из-под руки Овайна, но вовремя опомнилась. Это она могла рассказать, тут стыдиться или бояться нечего. – А когда мэтр Денвер встал кадавром и напал на нас, я позвала Провожатых. И пришёл сам лорд Бастельеро! То есть не этот, не его светлость, а дру-

гой… старый! Его дедушка… Но очень похож, я сразу его узнала. Он мне подсказал про мост и любезно согласился забрать мэтра Денвера!

– Ну, если это был Стефан, то… неудивительно, – слабым голосом подтвердил лорд Эддерли, разглядывая Айлин, словно какую-то диковину. – Продолжайте, дитя моё. Значит, Денвер встал кадавром? Вот этому я тоже нисколько не удивляюсь! Что ж, туда ему и дорога. Полагаю, вы позаботились об останках?

– Да! – радостно подтвердила Айлин. – Мы их сожгли, и все нужные ритуалы я тоже провела. Между прочим, мэтр Денвер, пока ещё был кадавром, обещал зачесть мне экзамен по нежитеведению за то, что я его опознала.

Рука разумника на её лбу почему-то стала ещё более влажной, и Айлин решила, что сейчас неподходящий момент просить магистра Эддерли засчитать ей практику за упокоенную деревню. Наверное, лучше потом? А сейчас побыстрей бы избавиться от этой противной потной руки! И тетрадь мэтра Кирана забрать, пока её не испачкали…

– Вспомните Разлом, – велел Овайн слегка окрепшим голосом. – Всё, что было до и после проведения ритуала. Как именно вы его закрыли?

– Кровавым ключом, – терпеливо повторила Айлин. – Тем ритуалом, что я… взяла у лорда Бастельеро. Кровь его высочества Аластора я использовала как ключ, а в Разлом шагнула сама.

– Это нам уже известно, – проскрипел Овайн. – А что было потом?

– Н-не помню, – соврала Айлин. – То есть помню темноту! И боль. Было очень больно! – Здесь она сказала чистую правду, и рука разумника у неё на лбу дрогнула, будто подтверждая.

Айлин же изо всех сил пыталась вспомнить каждое мгновение этой немыслимой оглушительной боли, пряча за ней тихий ночной сад, террасу и накрытый стол, два тонких профиля, нежность и участие… Прятать почему-то было удивительно просто. Айлин точно знала, что забыла что-то важное, но даже то, что помнила, легко скрылось багрово-ало-чёрным туманом боли.

– А потом я вернулась обратно, – выдохнула она.

– Хорошо… – прозвучал над её головой тихий шёпот мэтра разумника. – Вспоминайте…

Перед глазами так явственно, будто Айлин снова очутилась там, встал холм, словно вырастающий из тумана, Искра, украшенная цветами, как сахарная лошадка глазурью, тёмная груда зарубленных демонов…

Виски вдруг заболели так, словно ей на голову надели раскалённый обруч и медленно сжимают его всё сильнее и сильнее… Это и есть чтение мыслей? Ну уж нет! Гадкому старику, который соврал, что не будет больно, она ни за что не позволит увидеть ни одной самой крохотной мысли! Понятно, почему Дункан просил её не думать об арлезийском льве – если бы его увидел этот… этот…

Над холмом в её памяти раздалось торжествующее ржание, и по склону легко, как на крыльях, взлетел огромный чёрный конь. На спине коня, припав к холке и вставив задние лапы в стремена, сидел…

Айлин закусила губу, в панике пытаясь подумать о чём-нибудь другом, о чём угодно! Но чёрный арлезийский лев, облачённый в белую мантию разумника, не исчез! Густая смоляная грива торжествующе развевалась по ветру, хвост с роскошной кисточкой на конце хлестал воздух. Перехватив поводья одной могучей лапой, лев наклонился в седле и небрежно рванул когтями другой снова возникших невесть откуда демонов!

Ох, как можно быть такой бестолковой! Она же обещала не думать об этом проклятом льве! Айлин почувствовала, как на глазах закипают слёзы, и боль почти тут же прекратилась.

– Мэтр? – удивлённо спросил магистр Эддерли, глядя на пожилого разумника.

Встав со стула и наконец-то убрав ладонь со лба Айлин, тот развёл руками.

– Боюсь, применение магии разума в данном случае невозможно. Очевидно, пережитое потрясение оказалось непомерно велико, и видения, которые являются адептке… – Он покачал головой, взглянул на Айлин и кисло закончил: – Приношу извинения за неприятные минуты, которые вам пришлось пережить.

– Н-ничего страшного, – всхлипнула Айлин. – Я понимаю, так было нужно…

– Видения? – вскинулся магистр Бреннан. – Я могу узнать – какие?

– Я предпочёл бы забыть их как можно скорее, – брюзгливо фыркнул старик, а потом с опаской покосился на Дункана. – Но если милорд Роверстан не возражает… Его это, некоторым образом, тоже касается.

– Нисколько не возражаю, – любезно подтвердил Дункан.

Овайн подошёл к магистру Бреннану и зашептал ему на ухо.

Целитель выслушал его с каменным лицом, а затем выдохнул:

– Милосердная Сестра! Бедняжка…

И посмотрел на Айлин, сгорающую со стыда, с глубоким сочувствием. В сторону Дункана ни он, ни мэтр Овайн старательно не глядели.

– Дорогой Дункан, простите, что злоупотребляю вашей любезностью, – оживился магистр Эддерли, – но не проводите ли вы адептку Ревенгар снова в палату? Не стоит отпускать её одну, а вы тоже некоторым образом целитель…

– Разумеется, милорд, – поклонился разумник.

Айлин вскочила, схватила дневник Лоу, лежавший на столе, и торопливо вышла из кабинета, почти выбежала, не зная, как попросить прощения.

Она обещала! Ей нужно было всего лишь не вспоминать проклятый сон пятилетней давности – а она не справилась! Но не станут же магистры Бреннан и Эддерли насмехаться над коллегой? Или станут?!

Встав у стены, она дождалась подошедшего разумника, обречённо глянула на него и замерла от ужаса, увидев такое, чего прежде и представить не могла: остановившийся рядом с ней магистр спрятал лицо в ладонях, а его плечи крупно вздрагивали…

– Дункан… – испуганно шепнула Айлин пересохшими губами, а потом, вдруг обретя пропавший было голос, вскрикнула: – Милорд! Простите! Я…

Роверстан отнял ладони от лица, и Айлин поняла, что он безуспешно прятал… смех!

– Вы! – прошептала она, наконец-то всё поняв. – Вы нарочно! Нарочно напомнили мне про этого льва, а теперь… теперь смеётесь?!

– Разумеется, я нарочно, – согласился Дункан, шагнул к ней и положил тяжёлые горячие ладони ей на плечи, так что Айлин даже через мантию согрело их ласковое тепло. – Дорогая моя девочка, мэтр Овайн – действительно лучший мастер допросов, и он мог бы прочитать в вашей памяти многое, чем вы не хотели бы делиться с… кем бы то ни было. Я не спрашиваю вас, что вы видели в Запределье, но не сомневаюсь, что чем меньше об этом узнают мои коллеги, тем в большей безопасности вы будете.

– Вы… опять меня спасли… – Больше всего Айлин хотелось уткнуться лицом в его широкую грудь, прижаться щекой, спрятаться в объятиях, но она заставила себя договорить до конца. – Но теперь они все будут над вами смеяться! Вдруг даже магистры… проговорятся?

– О, дальше кабинета нашего дорогого Бреннана ничего не пойдёт, – небрежно ответил Дункан. – Но даже если Овайн не побоится испортить со мной отношения… Меня не волнуют разговоры за спиной. Знаете, как говорим мы, арлезийские простолюдины? – Его голос опять стал насмешливым, а глаза весело заблестели. – Когда меня нет, пусть меня хоть бьют!

Айлин неуверенно улыбнулась шутке, а Дункан, бережно поймав её ладонь, поднёс пальцы к губам. В коридоре никого не было, но в любое мгновение могли появиться люди, и сердце Айлин замерло в сладком ужасе. А магистр, поцеловав её руку, поднял взгляд…

– Я навещу вас вечером, – шепнул он так низко и бархатно, что у Айлин снова сладко закружилась голова.

«Но за этого льва я обязательно ему отомщу! – подумала она, греясь в нежности глаз Роверстана. – Выйду за него замуж и буду мстить! Всю жизнь!»

* * *

К обеду палата превратилась в подобие оранжереи. По части интриг слуги не отстают от благородных синьоров, и однажды Шипам заказали такую важную во дворце персону, как личный садовник дожа. Смерть должна была выглядеть естественной, и гильдия передала заказ мастеру Ларци. Лучано неделю провёл в дворцовых садах и теплицах, пропалывая, подрезая и подвязывая то, что ему доверили, пока не удалось капнуть зелье на куст редких голубых лилий, к которым садовник больше никого не подпускал. Через пару дней бедолага скончался от сердечного приступа – переутомился в душном и влажном воздухе оранжереи, не иначе…

Вот именно такой роскошный букет из небесно-голубых фраганских лилий высотой в половину человеческого роста появился в их комнате первым.

Айлин всё ещё не было, когда его принесли. Лучано обошёл вокруг плетёной корзины, скрывающей ёмкость с водой, потрогал узкие листики и осмотрел каждый стебель, а потом и лилии размером с тарелку каждая. Цветы выглядели невинно, благопристойно и чудовищно дорого. Никакой карточки или записки к ним не прилагалось, но это ничего не значило, разумеется.

– Что ты там пытаешься вынюхать? – насмешливо поинтересовался Аластор со своей кровати. – Учти, Айлин вряд ли понравится, если Перлюрен сожрёт такую красоту.

Енот укоризненно посмотрел сначала на него, потом на букет и громко чихнул. А затем ещё потёр нос лапами для убедительности. Впрочем, пахли цветы действительно очень сильно. Лучано поморщился, понимая, что их аромат скроет любой запах яда. Но не выкидывать же?

А немного погодя местная прислуга принялась тащить всё новые и новые букеты, причём такие, что Лучано только диву давался, где их нарвали. К этим уже в большинстве прилагались карточки, и Лучано торжественно зачитывал их скучающему Аластору.

– Оранжевый факультет с глубокой благодарностью и уважением!

Стихийники прислали три корзины роскошных роз, кремовых, белых и нежно-малиновых. Свежие тугие бутоны и едва распустившиеся соцветия сразу заняли целый угол палаты.

– Синий факультет с уважением и глубокой благодарностью!

В корзинке, сплетённой из позолоченной проволоки, торчали самые обычные белые лилии, зато её усеивали фигурки бабочек и птиц. Стоило поднести к ним руку, бабочки начинали махать крылышками, а птицы звонко чирикали на разные голоса. В первый раз это казалось мило и забавно, но уже на третий жутко раздражало. К сожалению, магическая корзинка не понимала, кто её трогает, и отзывалась даже Перлюрену, которого очень заинтересовала. Так что её Лучано убрал подальше и повыше на шкаф.

– Голубой факультет с уважением… Белый факультет с глубокой благодарностью… Хм, неужели синьоры маги не знают других слов? О, что-то новенькое! «Ревенгар, мы рядом!»

Лучано поражённо воззрился на букет, собранный из самых разных растений, причём явно не срезанных садовником, а выдранных с клумбы чьей-то решительной, но не очень опытной в этом деле рукой. И не только с клумбы, но и с лекарской грядки! Розы и лилии, стебли валерианы и наперстянки, амарант, колокольчики и пионы…

– Всеблагая Мать! Они сюда аконит сунули! – растерялся Лучано. – Ты это видишь?!

Он выдернул из охапки, перевязанной алой лентой, стебель с розовато-лиловыми цветочками и показал Аластору.

– О, а я его знаю! – радостно отозвался тот. – Наш конюх эту траву в конюшне раскладывает. Говорит, от мышей очень помогает!

– Нисколько не сомневаюсь, – язвительно сообщил Лучано. – От мышей, от крыс, от назойливых супругов – отличное средство! А если ещё добавить вон тот пучок… – указал он на наперстянку, – то можно половину здешней Академии на кладбище отправить. Перлюрен, убери лапы!

Он шлёпнул енота, который вознамерился попробовать аконит на зуб, и снова растерянно посмотрел на чудовищный букет. Нет, за попытку отравления никто в здравом уме это не принял бы, но…

– А ещё здесь внутри бутылка, – сказал он, заглянув в середину цветочной охапки. Вытащил, откупорил, капнул на руку и с должной осторожностью лизнул. – Карвейн. Альс, я знаю, что Дорвенант – поразительная страна. Но неужели здесь принято присылать благородной синьорине карвейн? Ладно бы ликёр или старое вино…

– Думаю, это соученики Айлин с Алого факультета, – посмеиваясь, объяснил Аластор. – Маги пополняют карвейном резерв, помнишь?

– Ах, боевики! – сообразил Лучано. – Тогда конечно…

Бутылка карвейна и странный букет превосходным образом связались воедино. Лучано отправил опасное подношение на тот же шкафчик подальше от цепких лап Перлюрена, а цветы всё продолжали нести. Фиалки, перевязанные белыми и зелёными ленточками. Розы. Всё те же лилии, но попроще, не аристократически-голубые, а жёлтые в чёрную крапинку. Ещё два букета с красными лентами, уже составленные из приличных цветов, но с неизменным карвейном внутри. Кажется, у синьоров боевиков это было обязательным правилом этикета.

Кроме цветочных даров на столик Айлин усердные посыльные то и дело сгружали коробки, корзинки и пакетики с конфетами, цукатами, печеньем… При взгляде на них Лучано про себя отчаянно взвыл: не может же он перепробовать каждое лакомство! Утешало только то, что вряд ли кто-то задумал отравить их всех, а прекрасно воспитанная синьорина непременно поделится угощением, и рассчитать, кому достанется отравленная конфета, невозможно.

«С чего я вообще решил, что Айлин захотят убить? – вдруг озадачился он. – Конечно, её гадючье величество вряд ли отказалась от своих планов насчёт синьорины, но для этого у Беатрис есть я».

Под сердцем кольнуло, будто соглашаясь и напоминая, что проклятие не дремлет, но Лучано предпочёл старательно этого не заметить. У него ещё имеется время, чтобы придумать подходящее оправдание. И попытаться убедить королеву, что Айлин Ревенгар ничем не угрожает ни королевской власти, ни самой Беатрис. В конце концов, синьорина пожертвовала собой, чтобы спасти наследника! Неужели королева продолжит считать её коварной и расчётливой интриганкой?

Настроение испортилось ещё сильнее, и когда за Аластором пришёл дежурный целитель, чтобы отвести его на перевязку, Лучано растянулся на кровати, шикнул на Перлюрена, рвавшегося к сладостям, и принялся составлять в уме отчёт для мастера Ларци. Но родная итлийская речь, которой Лучано владел с виртуозностью прирождённого болтуна, упрямилась и решительно не хотела передавать всю странность того, что с ним происходило в Дорвенанте. А рассказ о приключениях звучал бахвальством и постоянным нарушением правил гильдии, которые предписывали Шипу быть как можно более незаметным.

«Идиотто, – вздохнул в сознании Лучано голос мастера. – Разве можно поддаваться чувствам к заказу? Неважно, охраняешь ты его или пытаешься убить. Они всего лишь твой заказ, мальчик мой. Оба…»

«Я знаю, мастер, – ответил мысленно Лучано. – И мне самому страшно от того, что со мной происходит. Я не понимаю, чего хочу больше? Чтобы всё продолжалось, и неважно, куда меня это приведёт, или чтобы стало как раньше, когда я не задумывался о всяких глупостях

вроде любви и дружбы. Боюсь, мастер, и в том, и в другом случае пропащий я человек. По-новому жить не получится, просто не имею права, а по-старому не хочу. Такая тоска берёт… Но я больше не могу видеть в этих двоих всего лишь строчки в приходно-расходных книгах гильдии. Что со мной сделал проклятый Дорвенант?!»

Хлопнула дверь, и Лучано услышал, как ахнула синьорина.

– Лу, Ал?

Магесса постучала по деревянной раме ширмы, и Лучано откликнулся:

– Лорда Аластора увели целители, а я здесь. Чем могу служить?

Он никак не мог взять с Айлин прежний тон, простой и лёгкий, но годившийся лишь для путешествия, где они были равны перед лицом постоянной опасности, а здесь мгновенно оказавшийся слишком фамильярным.

– Что это? – испуганно спросила синьорина. – Вот это вот… всё!

– Полагаю, выражение восхищения от ваших поклонников, – сообщил Лучано. – Боюсь, не все цветы стоят в воде, так что если хотите их оставить, нужно об этом позаботиться.

– Куда мне столько… – жалобно протянула Айлин. – И они так пахнут! Лу, я… А-а-апчхи!

Она чихнула совсем как Перлюрен, но громче, а потом спросила:

– Лу, ты не поможешь выставить их в коридор? Может, девочки с Зелёного факультета захотят забрать…

Лучано вскочил с постели, мигом воспрянув и заверив, что счастлив помочь. После краткого совещания решено было оставить розы и несколько небольших букетиков, лишённых запаха. Дурманно пахнущие лилии отправились в изгнание первыми, только на голубое фраганское чудо Айлин посмотрела с недоумением и призналась, что понятия не имеет, кто мог бы прислать подобную роскошь.

– Отдам их Иоланде, – решила она, рассеянно поглаживая небольшой сундучок, от которого Лучано даже в невыносимом цветочном благовонии уловил знакомый запах лосьона для волос.

О, да синьорина воспользовалась косметикой! Ресницы умело подкрашены, губы свежо розовеют от бальзама… И волосы! Волосы уложены в простую, но изящную фраганскую «плетёнку», а концы распущены по плечам. Прелесть какая! Лучано молча одобрил изменения, хотя сама Айлин явно чувствовала себя неловко и то и дело тянулась рукой к лицу, но тут же, спохватившись, отдёргивала пальцы. Совсем не привыкла к средствам для ухода за собой? Бедная девочка… Но кого же мы готовимся принимать? Для боевых товарищей вроде них с Альсом такую красоту не наводят… Хм, синьор жених изволит заглянуть?

Выставив в коридор всё, что пахнет, и попросив пробегающего мимо юнца отнести голубые лилии в комнату синьорины Иоланды – удивительно, тот сразу понял, о ком речь, – Лучано вернулся к себе за ширму как раз вовремя, чтобы отнять у Перлюрена пакет с печеньем. Оглядел свою кровать, приподнял подушку и обнаружил под ней целый склад конфет в обёртках и без. Перлюрен немедленно принял скорбный вид и прижал испачканные кремом лапы к животу, но Лучано был неумолим. Он сгрёб конфеты и уже собирался отнести их на половину Айлин, как в дверь постучали, и раздался смутно знакомый голос, радостно воскликнувший с порога:

– Ревенгар! А вот и мы! Ух ты, у тебя там целая оранжерея в коридоре и ещё одна здесь. Кстати, магистр Бреннан сказал, что если боевики ещё раз обнесут его драгоценные грядки, он лично напоит слабительным всех, кого за этим поймает.

– Методы магистра Бреннана не всегда соответствуют уставу Академии, но чрезвычайно действенны, – заметил другой голос, высокий и чистый, но бесцветный, лишённый звучности и яркости первого. – Милая Айлин, я… мы с Саймоном рады видеть вас в добром здравии.

«Синьор Ледяная Глыба, – вспомнил Лучано. – Белоснежное одеяние и перчатки, невероятной чистоты сапоги и манеры принца. Только не такого, как Альс, а настоящего, точно знающего, что весь мир создан к его услугам. Тем удивительнее слышать в этом голосе искреннее беспокойство и тепло…»

– Дарра, Саймон! – воскликнула Айлин. – Я тоже так рада! Садитесь! Как хорошо, что вы пришли! Саймон, хочешь конфет? Мне принесли так много, я столько не съем. И даже вместе с Алом и Лучано… Кстати, я должна вас познакомить! Лу, ты позволишь тебя потревожить?

«Она снова зовёт меня Лу, – мелькнула мысль. – Не наедине, а при юных благородных синьорах, один из которых, если не ошибаюсь, имеет прямое отношение к грандсиньору канцлеру. Меня, простолюдина! Благие Семеро, хоть бы это приняли за обычное пренебрежение к слуге! Иначе как бы моя скромная персона не привлекла слишком много внимания…»

Подхватив енота, он вышел на половину Айлин и почтительно поклонился. Перлюрен заверещал и радостно рванулся у него из рук. Лучано выпустил его от неожиданности, потому что высокий и стройный юноша с бледно-золотыми волосами и лицом мраморной статуи, одетый в тёмную мантию, держал в руках его Ласточку.

– Синьор Фарелли, – уронил этот красавец с бесстрастной любезностью. – Я слышал о вас. Рад знакомству, сударь.

– Благодарю, грандсиньор, – снова поклонился Лучано. – Перлюрен, прекрати!

Дорвавшийся до сладостей енот запихивал за обе щеки конфеты. Его мордочка раздулась, челюсти непрерывно двигались, но Перлюрен всё равно смотрел на столик, заваленный сладостями, алчно и жалобно.

– Эй, это же енот! – возмущённо воскликнул второй молодой маг, тоже одетый в чёрное и светловолосый, но невысокий, смуглый и круглолицый. – Он ест конфеты!

– Саймон, – укорила его Айлин, едва сдерживая смех. – Перлюрен тоже наш боевой товарищ! Он был с нами на… в общем, в том путешествии. Я не могу пожадничать и лишить его угощения.

– Зато я могу и даже обязан это сделать, – улыбнулся Лучано. – Ему вредно столько сладкого. Перлюрен, веди себя прилично.

Он мягко, но решительно отнял у енота конфеты и вернул их на столик, а потом взял мохнатого сладкоежку за шлейку и обратился к сыну канцлера, если только правильно понял их невероятное сходство. Черты лица и стать, манера держаться, холодный пронзительный взгляд… Сын или племянник, но, несомненно, родственник!

– Прошу прощения, грандсиньор, моя лютня… Не знаю, как вас благодарить…

– Так она принадлежит вам? – уточнил юноша и поставил футляр на пол, прислонив его к кровати Айлин. – Прекрасный инструмент. Мне было несложно её забрать.

Он тут же потерял к Лучано всякий интерес, взглянув на Айлин со странным выражением, которое Лучано определил бы как робкую нежность, если бы применительно к Синьору Ледяной Глыбе это не звучало так немыслимо. Синьор Саймон тем временем развалился на кровати Айлин в изножье и принялся дегустировать конфеты, невероятно напоминая Перлюрена. С набитым ртом он ещё ухитрялся что-то рассказывать, и Айлин улыбалась, кивая и глядя на Саймона совершенно по-сестрински, с умилением и ласковой насмешкой.

«Этот – братец, – безошибочно определил Лучано. – Старше неё годами, но разумом точно моложе. А теперь, пожалуй, и душой, потому что за три недели путешествия Айлин повзрослела не на один год. И собственная пережитая смерть, разумеется, никому душевной юности не добавляет. А вот грандсиньор Дарра – тот посложнее. Неужели он и Айлин?.. Нет! Он – безусловно… Но не она».

Он подхватил с пола лютню, закинул её ремень за плечо и взял Перлюрена в руки. Енот прижался к нему, обиженно и ревниво поглядывая на синьора Саймона и явно считая, что из них двоих заслуживает конфет куда больше.

– Прошу прощения, благородные синьоры и синьорина, – поклонился Лучано. – Я вас оставлю.

– Конечно! – светло улыбнулась Айлин.

Саймон лишь рассеянно кивнул, уплетая цукаты из большой коробки, зато Дарра окинул его оценивающим взглядом, под которым Лучано захотелось поёжиться, хотя день был тёплый. «Я тебя увидел и запомнил, – говорил этот взгляд. – И если мне покажется, что ты помеха…»

«Ну что вы, грандсиньор, – постарался выразить Лучано и ответным взглядом, и ещё одним прощальным поклоном, почтительно отступая спиной к дверям. – Я знаю своё место! Где-то на коврике рядом с Перлюреном, не извольте сомневаться!»

Серые глаза, удивительно тёмные для такого бледного лица, снова стали равнодушными, и Лучано вышел в коридор, закрыв за собой дверь. А там, пользуясь, что его никто не видит, всё-таки передёрнулся. Саймон и Дарра… Герои весёлых рассказов синьорины магессы. Саймон, значит, это который с нефритовой флейтой… Очаровательная парочка.

Один, попадись ему на дороге, прибьёт безмятежно, словно муху, искренне не понимая, что кому-то ещё, кроме него, может быть больно. Ребёнок с чудовищным могуществом опытного мага, играющий заклятиями, словно Перлюрен веточками. Второй даже слишком взрослый для своего возраста. Этот, если ему помешаешь, взвесит тебя, словно опытный меняла подозрительную монету. Вычислит все убытки и выгоды, а потом бесстрастно разотрёт в порошок любого, у кого хватит глупости вызвать его недовольство.

«Любимый братец и несчастливый влюблённый, молчаливый и тоскующий… Но как Айлин этого не видит?! Она же смотрит на грандсиньора Дарру без тени кокетства, сочувствия или неловкости…»

В коридоре Лучано устроился на низкой скамеечке между двух больших кадок с лимонными деревьями, ухоженными и пышными. Спустил Перлюрена с рук, и енот мгновенно исчез в густой блестящей листве, а Лучано откинулся на стенку и вытянул ноги, на которые положил футляр Ласточки.

Из палаты слышались приглушённые голоса, и вполне можно было подслушать, о чём Айлин говорит с благородными синьорами, но Лучано так устал от постоянной необходимости быть настороже, что позволил себе расслабиться. И очень быстро об этом пожалел. Айлин что-то воскликнула резко, тревожно. Лучано встрепенулся, но голоса мигом стали тише.

Он уже хотел подобраться к двери, как та распахнулась, и юные синьоры вышли из палаты. Саймон имел вид сконфуженный и виноватый, а Дарра излучал холодное неодобрение так явственно, что Лучано сам едва не устыдился непонятно чего. Великий талант! Грандсиньора Дарру ждёт блестящая карьера, где бы он ни решил применить свои способности управления людьми.

Он ожидал, что юные маги уйдут, но те остановились в дюжине шагов от Лучано возле открытого окна, выходящего в сад. Саймон понурил голову, а Дарра принялся тихо и монотонно отчитывать его за что-то. Лучано попытался превратиться в слух, но тут с другой стороны коридора застучали каблуки, и показалась такая восхитительная дама, что он окинул её восторженным взглядом.

Пожалуй, именно так, только лет на пятнадцать моложе, Лучано представлял себе саму Айлин до того, как впервые её увидел, по одному лишь описанию Беатрис. Лицо дамы трудно было назвать красивым – во всяком случае, по дорвенантским меркам, – но оно было столь изысканным, тонким и умным, что мгновенно западало в душу. И это не говоря уже о глазах, голубых, как Льяметта в полдень, и роскошных тяжёлых косах цвета чистейшего золота!

«Мастер Ларци пришёл бы в восторг, – подумал Лучано. – Мастер Лоренцо тоже… Да что там, будь я сам на десяток лет старше! Так выглядела бы рапира из лучшей стали, если бы кто-то вздумал дать ей человеческий облик».

Единственным, что никак не портило впечатление, но, напротив, усиливало эффект от её вида, было то, что дама носила глубокий траур. Глухое чёрное платье без единой оборки или ленточки, туго заплетённые и ничем не украшенные волосы, руки в чёрных перчатках… Дама прошла мимо скамьи, равнодушно глянув на Лучано, и скрылась за дверью палаты Айлин.

«Неужели матушка?»

Сладко замирая от любопытства, Лучано посмотрел на синьоров, увлечённых беседой, встал и шагнул к двери, делая вид, что манит к себе Перлюрена.

– Айлин, милая! – воскликнула гостья с такой бесконечной нежностью и облегчением, что Лучано уверился в своём предположении.

– Тётушка Элоиза! – воскликнула Айлин, и Лучано замер, поражённый.

Тётушка? Тётушка?! Нет, следовало признать, о тётушках он знает… ровно столько же, сколько и о матерях, если быть честным. Но готов был поклясться, что таким тоном может говорить только мать, причём искренне любящая!

Послышалось шуршание шёлка, и Лучано понял, что в палате обнимаются. Воображение нарисовало картину так явно, что он устыдился, словно подсмотрел за чем-то сокровенно личным и святым.

– Тётушка, но… почему вы в трауре? – поражённо спросила Айлин несколькими мгновениями позже.

Он не слышал, что ответила дама. Элоиза, какое изящное имя, такое же прекрасное, как его обладательница. Но ещё через пару вздохов послышался всхлип, и Айлин простонала:

– Претемнейшая, как же это… Дядюшка Тимоти…

Сердце Лучано резанула боль. То есть отзвук чужой боли, как он внезапно понял с полной уверенностью. Совсем рядом, в нескольких шагах от него, Айлин плакала, уткнувшись лицом в плечо, обтянутое чёрным траурным шёлком, а тётушка Элоиза гладила её по спине и просила не расстраиваться…

– Я так надеялась… – всхлипывала Айлин, пока Лучано замер, стискивая кулаки и точно зная, что он там сейчас лишний. – Что у вас всё хорошо… Что дядя Тимоти… Он ведь так мечтал увидеть меня у алтаря…

– Я знаю, милая, – ответила Элоиза. – И очень за тебя рада. Ну что ты так удивлённо смотришь? Конечно, Дункан всё рассказал, мы ведь дружим столько лет. Кстати, надеюсь, ты не собираешься отменить свадьбу?

Айлин что-то тихо промолвила, но Лучано не расслышал, как ни пытался. Зато изумительная тётушка немного повысила голос, уверенно сказав:

– Даже не думай! Тимоти мечтал увидеть тебя счастливой невестой. Он беспокоился о тебе, как переживал бы о собственной дочери, будь она у нас. И я точно знаю, что он бы не обрадовался этой отсрочке. Да, я в трауре, и что? Я не собираюсь его нарушать, но ничто не помешает мне отвести тебя к алтарю. Если, конечно, ты мне это позволишь…

– Тётушка… – снова зарыдала Айлин, а Лучано поспешно юркнул в проём между лимонными кадками, потому что в коридоре появилось новое лицо.

Грандсиньор Дункан! В ослепительно-белой мантии, которая шла ему так, что у Лучано быстрее застучало сердце, разумник шёл по коридору с той же стороны, откуда пришла тётушка Айлин. Увидев его, юный грандсиньор Дарра смолк, прекратив отчитывать Саймона, и пошёл навстречу. Они встретились в нескольких шагах от убежища Лучано, где он притаился, как мышь рядом с двумя матёрыми котами, изо всех сил изображая, что интересуется лишь енотом.

– Милорд Дункан?

Лучано второй раз за день изумился. Голос Ледяной Глыбы звучал совершенно по-человечески. Больше того, Дарра говорил почтительно, как сам Лучано обращался бы к мастеру Ларци.

– Здравствуйте, мальчик мой, – откликнулся разумник с мягкой сердечностью. – Вы навещали Айлин?

– Да, милорд магистр, – сказал Дарра. Помолчал, а потом уронил снова с пугающей бесстрастностью: – Милорд, мы соперники?

Лучано отвёл в сторону веточку лимонной кроны, понимая, что не может этого упустить, даже если его проклянут с двух сторон.

Двое мужчин стояли посреди коридора. Одинаково высокие, но черноволосый смуглый Дункан, одетый в белое, в плечах был чуть ли не в два раза шире Дарры, тонкого и удивительно бледного в своей чёрной мантии. Невероятный контраст. Прекрасный и смертельно опасный. Лучано чувствовал, как в воздухе висит грозовое напряжение, и вот-вот ударит молния.

Однако Дункан покачал головой, глядя на Дарру с явным сочувствием. А потом сказал так ласково, словно обращался к ребёнку:

– Нет, мой мальчик.

Лучано с немым восторгом оценил изящество этого ответа. А грандсиньор Дарра понял всё безупречно верно, потому что его изумительно красивое лицо исказилось болезненной гримасой, но тут же снова вернулось к спокойному совершенству. А потом Дарра отступил на шаг, почтительно поклонился, как младший старшему, и сказал с безупречной бесстрастной чёткостью:

– Благодарю за правду, милорд. Мы ведь можем остаться друзьями?

Он не уточнил, с кем, и Лучано снова восхитился взаимопониманием этих двоих, словно читающих мысли друг друга.

– Мы будем рады, – отозвался разумник.

Дарра быстро и резко кивнул. Должно быть, даже его изумительное хладнокровие дало трещину, потому что он отвернулся и торопливо ушёл по коридору. Лучано проводил взглядом идеально ровную спину юного грандсиньора и глянул на дверь палаты. Синьора Элоиза как раз выходила оттуда, и они с Дунканом обменялись короткими уважительными поклонами, а потом разумник вошёл внутрь.

* * *

– Ну, Ревенгар! Рассказывай! – жадно потребовал Саймон, как только Лучано вышел из палаты. С сожалением глянул на опустевшую коробку и придвинул к себе ещё одну. Вытащил сразу три конфеты в блестящих обёртках, одну щедро протянул Айлин, вторую – Дарре, а третью, мгновенно развернув, сунул в рот и подался вперёд, глядя на Айлин горящими от любопытства глазами.

Ей вдруг стало так легко и весело! Всё-таки некоторые вещи никогда не меняются!

– Что рассказывать? – спросила она, невольно улыбаясь, и поспешно поджала ноги ещё выше – Саймон так и подпрыгнул на кровати от негодования.

– Как – что?! Всё! У тебя были такие приключения, а мы ничего не знаем! Ну же, рассказывай, как это было – странствовать без отряда? Сражаться с демонами? Закрыть Разлом в Запределье?

Он смотрел так заворожённо, что у Айлин защемило сердце. Ну, она же понимала, что Саймон обязательно об этом спросит – и вот он спросил, а она совсем не знает, что ему ответить! Да и что рассказывать? Ведь не про утопившуюся в колодце крестьянку? И не про старуху с тремя мальчишками, которые то ли смогли добраться до земель Вальдеронов, то ли нет? И уж конечно не про мэтра Денвера! И не про того торговца, который хотел обмануть Аластора, и которому друг разнёс лавку, хотя слушать про это было бы действительно смешно… если не думать, что в это самое время Лу умирал от лихорадки в лесной сторожке!

– Страшно, – наконец ответила она. – Ты был на том холме, правда? Значит, считай, что всё видел сам. Это было страшно, правда… А ещё холодно, грязно и иногда противно. И больно тоже бывало.

Взгляд Дарры, сочувственный и понимающий, Айлин почувствовала всей кожей, а восторженное ожидание на лице Саймона сменилось разочарованием.

– Так нечестно! У тебя были приключения, а ты рассказываешь только… вот это! Прямо как Саграсс… А, ты же его не знаешь. Ну, неважно… Подумать только, я всё пропустил! А мог бы отправиться с тобой и помочь! Или биться за Академию вместе со всеми, а не как…

Он с отвращением взглянул на собственную забинтованную ногу и скривился, а вот Айлин показалось, что она ослышалась. И как-то по-новому вдруг увиделась эта повязка, которая Саймону ничуть не мешала, но всё же…

– Биться… за Академию? – переспросила она тихо-тихо. – А зачем… за неё было биться? И с кем?

– Саймон, ты неосторожен, – укоризненно бросил Дарра. – Милорд Бреннан, кажется, упоминал, что милую Айлин нельзя тревожить, а ты… К сожалению, случилось так, – пояснил он, переведя взгляд на Айлин, – что большое количество порталов открылось в Академии. К счастью, младшие курсы были отправлены в город, как и те из взрослых магов, кто не мог за себя постоять, и отбить атаку демонов удалось.

– Большое количество порталов? В Академии? – переспросила Айлин, не слыша собственного голоса.

Перед её глазами снова встала мёртвая деревня, живой мальчик, повисший на сапоге Аластора, и мёртвый – стоявший у забора и одними глазами моливший о милосердии. И другие: согнутый работой седой старик, молоденькая девушка с толстой косой, даже младше самой Айлин, симпатичный парень, чем-то похожий на Саймона, наверняка весельчак и любимец девушек – такие разные, безнадёжно мёртвые, мёртвые, мёртвые… Благие Боги, за что это Академии? Правда, здесь оставались маги, но всё-таки…

– Сколько… сколько погибло? – прошептала она.

– Милая Айлин, – осторожно начал Дарра, но Айлин перебила его так громко и яростно, что эхо её голоса испуганно заметалось по комнате:

– Сколько погибло, Дарра?!

– Четверо преподавателей, – тихо ответил Аранвен. – Трое служащих. Девятнадцать адептов… Сразу и в первые два дня в лазарете. И ещё несколько человек в течение недели от ран…

– Двадцать шесть человек… – прошептала Айлин, пытаясь осознать эту чудовищную в своей простоте мысль.

Конечно, в той деревне погибло куда больше – но ведь это были совсем другие, незнакомые ей люди! Что же она за чудовище! Но всё-таки… двадцать шесть магов, которых она наверняка знала!

– Мэтр Ирвинг, – пробормотал Саймон, как-то вдруг тоже погаснув. – Вот это было совсем нечестно… Мы только потом узнали…

Мэтр Ирвинг?! Такой весёлый и добрый, так интересно рассказывающий о нечисти?! Ещё совсем не старый и влюблённый в Аделин Мэрли с факультета целителей… Это была страшная тайна Аделин, поэтому о ней знали все девочки, кроме самых младших, и никто ей не завидовал, наоборот! Помогали влюблённым встречаться, передавали записки и украдкой вздыхали об их прекрасной, такой романтичной и невозможной любви. Девица из Трёх Дюжин и бедный дворянин… Правда, сама Айлин была незнакома с Аделин – только слышала разговоры Иоланды и её подруг, но очень сочувствовала влюблённым.

Она на миг представила, что вот если бы Дункан… нет, никаких демонов, ни за что! Просто предложил расторгнуть помолвку! И едва не закричала – так больно сжалось сердце.

А ведь это она только что придумала сама! Аделин же пришлось намного хуже… Потерять возлюбленного! Да ещё так страшно!

– Бедная Аделин, – пробормотала она невольно.

– Аделин? – удивился Саймон. – Какая Аделин? Мэрли? С которой Дарра ходил на Вишнёвый Бал? Вы что, дружили? Я не знал!

– Нет, – вздохнула Айлин. – Мы не общались. Просто я слышала… говорят, она очень славная. И магистр Бреннан её хвалит.

– Хвалил, – поправил Саймон. – Она тоже погибла. Жалко! А почему ты назвала её бедной?

– Полагаю, милая Айлин имела в виду, что леди Мэрли была влюблена в мэтра Ирвинга, – изрёк Дарра, неодобрительно взглянув на друга. – Саймон, ты…

– Да-да, знаю. Бестактен, – буркнул Саймон, неловко ероша волосы на затылке. – Я не знал. И правда, жаль… Ну, зато теперь они вместе в Претёмных Садах… И ещё… – продолжил он как-то неуверенно, поглядывая на неё почему-то с опаской. – Та итлийка с твоего курса, помнишь? Она вроде как прикрывала свою подругу и тоже погибла.

Ида?! Айлин задохнулась, не в силах поверить в услышанное. Прекрасная, гордая, талантливая Ида? А ведь они могли бы, наверное, подружиться – теперь, когда обе побывали в настоящем бою. Или совсем наоборот… Но всё равно они должны были ещё шесть лет учиться вместе, насылать друг на друга порчу и подстраивать глупые мелкие пакости вроде той истории с Дереком. Да, именно глупые и мелкие! После Разлома та история выглядит настолько незначительной! А теперь ничего этого уже не будет?! Ида погибла, прикрывая Лионору? Лионору, которую, как шептались злые языки, держит при себе, чтобы казаться ещё красивее и умнее?!

– Милая Айлин…

– Извини, Дарра, – проговорила она тихо. – Я хочу побыть одна. Саймон, пожалуйста…

– Прости… – Лицо Эддерли-младшего вытянулось, он отложил недоеденные конфеты и виновато посмотрел на Айлин. – Дарра прав, я ужасно бестактен. То есть это он слишком вежлив, чтобы впрямую назвать меня дураком. Ревенгар… Айлин, мне правда жаль! Очень… Магистр Бреннан говорил, чтобы тебя не волновали, но я не подумал…

– Не думать – это тебе иногда исключительно удаётся, – холодно сообщил ему Дарра и встал. – Идём, тебе тоже пора делать перевязку, если не ошибаюсь. Милая Айлин…

Он поклонился, и Айлин старательно улыбнулась в ответ, а потом протянула друзьям обе руки, показывая, что не сердится. Саймон сжал её ладонь в своих и непривычно робко заулыбался, а Дарра церемонно склонился и коснулся пальцев Айлин лёгким поцелуем.

«Они ведь совсем взрослые, – мелькнуло у неё в мыслях, когда друзья выходили из палаты. – Дарра – почти ровесник Аластора, да и Саймон ненамного их младше. Взрослые молодые лорды, почти полные маги. И… я могла их потерять… Саймон был ранен! И наверняка серьёзно, если рану до сих пор не залечили. Ни он, ни Дарра никогда не прятались от опасности. Я могла вернуться и узнать, что они… что их больше нет. Как Иды, Аделин, мэтра Ирвинга… Нет, и больше никогда не будет в этой жизни. Да, в Претёмных Садах мы все встретимся, но это… совсем другое. Как же много можно утратить вместе с тем, кто тебе дорог…»

Она откинулась на подушки и попыталась проморгаться, но на глаза неудержимо наворачивались слёзы. Странно, раньше она не была такой плаксивой. Но это, конечно, из-за услышанного. А ещё почему-то страшно раздражал запах цветов, до сих пор наполнявший комнату. И ведь Лу проветривал, но сладкий аромат лилий проникал повсюду, наверное, просачивался из коридора. Фу, какая гадость! И за что ей раньше лилии нравились? Воняют мертвечиной! Снова вспомнилась уничтоженная демонами деревня, и Айлин замутило.

Она уже собралась встать и опять распахнуть окно, как дверь открылась.

– Айлин, милая! – воскликнула тётушка Элоиза, стремительно входя в палату. И добавила гораздо тише: – Бедная моя девочка… Я бы пришла раньше, но к тебе не пускали.

Чёрный шёлк её платья зашелестел, когда Айлин прямо с кровати бросилась к тётушке и сжала её в объятиях. Чёрный?! И вместо любимых жасминовых духов едва заметная вербеновая отдушка, один из немногих ароматов, позволенных в трауре…

– Тётушка, но… почему вы в трауре? – выдохнула Айлин, замерев от ужаса.

Кто? Кто ещё? Ведь это кто-то из родственников, да?! Неужели Артур или… леди Гвенивер? Или тётушка Мэйв? Тётушка Брайд? Их мужья и дети… Айлин перебирала всех, не зная, чьё имя больше всего боится услышать. Да, она не общалась с многочисленной роднёй уже… Ох, как давно! И всё-таки узнать, что кто-то из них умер или погиб… Это совсем не то, что ей сейчас нужно.

– Тимоти, – сказала тётушка Элоиза так же тихо, и Айлин задохнулась от боли. – Девочка моя, прости, что я с такими новостями. Я знаю, ты любила его…

– Айлин, милая, мне жаль, но пора идти, – шепнула тётушка через несколько минут, не переставая обнимать её и гладить по голове. – Я обещала целителям, что не стану тебя утомлять. Увидимся через пару дней, а пока прислать тебе что-нибудь? Может, фруктов или…

Она окинула взглядом прикроватный столик, полный сладостей, и осеклась.

– Кажется, мне придётся шить новый гардероб, – всхлипнув, призналась Айлин, чувствуя себя отвратительно.

Дядюшка Тимоти умер, а она думает о том, что сильно похудела.

– О, это такие пустяки, – улыбнулась ей тётушка. – Я завтра же пришлю портниху снять мерки.

Она достала из поясного кошелёчка платок и протянула Айлин, которая только сейчас поняла, как выглядит. У неё же краска для ресниц размазалась! А она так хотела быть красивой, нарочно после допроса вернулась к Иоланде и попросила сделать с её лицом хоть что-нибудь! Иоланда целый час старалась, а теперь всё это осталось только смыть побыстрее!

Не боясь испачкаться, тётушка поцеловала её в щёку и вышла. Айлин осталась посреди палаты, стиснув платок и всхлипывая. И, конечно, в этот самый миг у дверей раздался голос Дункана:

– Доброго вечера. Прошу прощения, что задержался, но… Айлин, вы плакали?!

– Не смотрите, – попросила она, торопливо отворачиваясь. – Я так ужасно… Ох, да какая теперь разница?!

Рыдания снова подступили к горлу, и Айлин расплакалась, чувствуя себя отвратительно беспомощной. Что, если магия к ней так и не вернётся? Придётся уйти из Академии, а это вся её жизнь! Что, если завтра с тётушкой Элоизой тоже что-нибудь случится? Или с Аластором? Или с Лучано, который вообще смертельно проклят, мерзавец Алессандро и об этом донёс. Но Лу молчит и даже не просит о помощи. Да и чем Айлин способна ему помочь? Если колье с проклятием подарил королеве сам лорд Бастельеро, значит, чары там его работы. А проклятия рода Бастельеро умеют снимать только они сами, это всем известно. И отменять желание королевы лорд Бастельеро не станет. А она… она ничего не может с этим сделать! И дядюшка Тимоти умер, а он был такой хороший! И отец его уважал! Гораздо больше, чем супругов остальных тётушек, хоть они и дворяне… А теперь уже ничего, ничего не исправить! Больше никогда не будет семейных обедов у Арментротов, когда дядюшка смотрел на Айлин с такой гордостью и говорил, что она выросла, уже совсем невеста… И на свадьбу к ней он прийти не сможет. И… Академия… как теперь возвращаться на курс, где нет Иды?! А мэтр Ирвинг… и Аделин…

– Ревенгар, прекратите! – рявкнул Дункан, мгновенно превращаясь в магистра, пусть и чужой гильдии.

Только тогда Айлин поняла, что уже давно говорит вслух, захлёбываясь рыданиями и не понимая, что с ней происходит. Как будто стержень, державший её изнутри всё время путешествия, сломался…

А магистр Роверстан, нет, снова Дункан… Он шагнул к ней, развернул к себе и обнял, не боясь испачкать белоснежную мантию. Айлин только вздрогнула и напряглась, но не от страха, что их застанут, а от безнадёжной горечи осенившего её вдруг понимания, что Дункан мог не добраться до холма вовремя. Он в одиночку мчался по Дорвенанту через погодные аномалии, демонов, разбойников и ещё Баргот знает какие опасности! Разве это не чудо, что он выжил и явился вовремя? Но ведь мог же… мог и погибнуть! Тоже…

– Айлин, глупая девочка, перестань! – потребовал Дункан, прижимая её сильнее. – Всё хорошо, слышишь? Всё обошлось… Да, я знаю про твоего дядюшку. И про погибших в Академии – тоже. Но с этим уже ничего не поделать. Если бы не вы, жертв было бы несравнимо больше. Демоны продолжали бы убивать… Айлин, дорогая… Тимоти уже было под семьдесят, это немалый срок для профана. А уж с его сердцем… Девочка моя, последние годы его спасали только маги-целители, но это не могло продолжаться вечно. Он ушёл быстро и легко, я точно знаю. Ну же, Айлин, успокойся… Он гордится тобой в Претёмных Садах, как и твой отец…

Голос магистра был мягким, ровным, успокаивающим, он проникал в уши, обволакивал рассудок, и Айлин притихла, слушая и изредка всхлипывая.

– А Ида… – прошептала она куда-то в белую мантию. – И остальные… Саймон ранен…

– Лорд Эддерли-младший ранен исключительно по собственной глупости и неосторожности, – мягко возразил ей Дункан. – Можно только надеяться, что он сделает из этого должные выводы. Что до остальных… Айлин, дорогая, мне жаль. Мне так жаль… Я скорблю вместе с тобой. Но это жизнь. Она бывает беспощадной. Кому-то не повезло. Но они погибли ради того, чтобы жили остальные, понимаешь? И ты – тоже. Не делай их жертву напрасной, отвергая её… Ну всё, всё, слышишь?

– Простите… – выдохнула Айлин, отрывая лицо от груди Дункана, но оставаясь в кольце его рук. – Ваша мантия… То есть твоя… Прости, я не хотела…

– Сущие пустяки, – отозвался Дункан и тронул кончиками пальцев измятую, запачканную чёрными разводами ткань.

Подёрнувшись дымкой, та расправилась и приобрела прежнюю чистоту.

– Ой… – прошептала Айлин не без зависти. – А как…

– Всего лишь иллюзия, – улыбнулся Дункан. – Всегда ходить в белом – это эффектно, однако очень непрактично. Некромантам в этом смысле повезло гораздо больше. Вы позволите?

Он снова перешёл на «вы», но тон остался мягким и ласковым, и Айлин зарделась, видя, как магистр достаёт из-за обшлага мантии платок. Тоже белый, разумеется, но куда больше, чем платочек тёти Элоизы.

– Намочите его в воде, – посоветовал Дункан очень серьёзно и взглядом указал на кувшин посреди столика. – Боюсь, иначе не получится оттереть…

Он понял, что она накрасилась! И, конечно, понял, что для него. Покрасневшая Айлин плеснула воды из кувшина прямо на платок и принялась жестоко тереть лицо. Дункан несколько мгновений наблюдал за этим, а потом повторил:

– Позвольте мне.

Взял платок у неё из рук, повернул чистой стороной… Замерев и зажмурившись, Айлин чувствовала осторожные, но сильные прикосновения на своём лице, тепло рук и невероятное ощущение заботы…

– Вот и всё, – сказал Дункан почему-то охрипшим голосом.

Она открыла глаза и судорожно втянула воздух. Дункан был так близко! Словно собирался её поцеловать… Вот прямо такую, растрёпанную и заплаканную, с красным носом и припухшими веками, в плохо сидящей мантии…

– Не верьте никому, моя дорогая, – шепнул Дункан, наклонившись ещё ближе. – Ни чужим словам, ни зеркалу. Вы прекрасны. И кстати, у меня для вас подарок. Он, конечно, не такой пышный, как все эти букеты. Но так похож на вас!

Весело блеснув глазами, он протянул одну-единственную веточку с мелкими листьями и странными цветами – плотные ярко-красные венчики-звёзды распускались ещё более алыми нежными лепестками. Веточка словно горела, объятая пламенем.

– Что это? – ахнула Айлин, принимая веточку и восторженно разглядывая.

– Гранат, – улыбнувшись, сообщил магистр. – Маленький привет из моей любимой Арлезы. Огненный цветок для вашего огненного сердца. Когда мы поженимся, я увезу вас в свадебное путешествие, и вы увидите гранатовые деревья. Они похожи на огромные костры, которые колышет ветер, и лепестки падают на землю, будто раскалённые угольки. А потом цветы превратятся в плоды, как это бывает и с растениями, и с людьми… Вам понравится!

Заворожённая и словами, и тоном, Айлин кивнула. Но тут в коридоре послышались шаги и голос Аластора, который что-то рассказывал Лучано. Магистр отступил, приняв учтивый, но благопристойный вид, и только в чёрных глазах мелькнуло сожаление.

– Я не прощаюсь, – негромко сказал он. – Впереди ночь, и мы увидимся в моих снах. А может быть, и в ваших…

Айлин стиснула веточку и подумала со смесью сладкого ужаса и предвкушения, что её сны, должно быть, будут такими же яркими и горячими, как цветение гранатовых деревьев.

Глава 4
Принц, бретёр и благородный дон

Этой ночью Аластор выспался великолепно, никакие кошмары его не мучили, напротив, до самого утра снилось что-то приятное и даже игривое. Море, которого он никогда не видел, но о котором с благоговейным придыханием рассказывал Лучано, и роскошный сад, где то и дело оживали обнажённые мраморные статуи прекрасных дев и с лукавым смехом убегали, прячась в зарослях.

Аластор, конечно, был слишком хорошо воспитан, чтобы преследовать не желающих знакомства девиц, но долг дворянина требовал проверить, не прячется ли в траве змея, способная укусить нежные ножки. Поэтому он добросовестно проверял заросли, то и дело натыкаясь на девиц, но ни разу не смог ни одной поймать… Змеи, конечно! Не девицы же… Сон не портило даже то, что большинство деревьев почему-то были ярко-красными, а где-то неподалёку слышался голос Лучано, звавшего Перлюрена. В общем, время во сне он провёл сумбурно, однако весело и не без приятности.

Магистр Бреннан, утром навестивший их и дотошно расспросивший, как спалось, на смущённый рассказ о девах довольно хмыкнул и заверил, что сон исключительно благоприятен, говорит о выздоровлении, и вообще в возрасте милорда следует беспокоиться, когда прекрасные девы не интересуют ни во сне, ни наяву.

Лучано жизнерадостно подтвердил это со своей кровати, а потом невинно и вкрадчиво поинтересовался, уверен ли магистр Бреннан, что некоторые сны стоит озвучивать в присутствии прекрасной синьорины. Целитель фыркнул и заверил, что ему достаточно знать общее направление, на что Лучано разочарованно вздохнул и сообщил, что направление было исключительно многообещающим, только увело не так далеко, как хотелось бы.

В разгар их беседы скрипнула дверь, и в палату вошёл смутно знакомый Аластору человек, высоченный широкоплечий южанин в белоснежной мантии и с точно такой Звездой, как у магистра Бреннана, только усыпанной не изумрудами, а искристо-прозрачными камнями и жемчугом. Приветливо поклонившись, он встал у окна, скрестив на груди руки и с интересом вслушиваясь в рассказ итлийца.

– А, Дункан, – обрадовался ему целитель. – Вы удивительно вовремя! Послушайте, как интересно! Оказывается, нашим пациентам снились похожие сны, разнятся только детали. Что там за деревья были в этом вашем саду, юноша? – обратился он к итлийцу.

– Разумеется, гранаты, грандсиньор, – уверенно отозвался Лучано. – Я же из Вероккьи, неужели не отличу цветущие гранаты от… да от чего угодно! Такой странный сад… – подумав, добавил он. – С гранатами там должны были расти совсем другие деревья, но я помню липы, вишни в полном цвету, сирень и то, что здесь называют жасмином, хотя это вовсе не жасмин. Очень странный подбор! Будто кто-то смешал местные растения и южные… Но почему не было апельсинов и глициний? Не понимаю! – закончил он с некоторым возмущением.

Бреннан, всё время кивавший, снова повернулся к тому, кого назвал Дунканом, и Аластор заметил, как по губам южанина скользнула быстрая улыбка. Впрочем, Дункан сразу же снова посерьёзнел и обратился к Айлин:

– А что снилось вам, юная леди?

Ради визита целителя ширму сложили и собрали к одному краю, чтобы она не мешала беседе.

Аластор с удивлением увидел, что подруга, сидящая на кровати, с утра уже тщательно причёсанная и в новенькой светло-серой мантии, залилась краской. Старательно глядя в окно

мимо Дункана, она пролепетала, что тоже видела во сне какой-то сад… кажется. Да, точно сад. Но без всяких… неприличных статуй и даже без Перлюрена.

Мгновенно пожалевший о слишком подробном рассказе Аластор понял, что тоже краснеет, но его спас магистр Бреннан, который начал уточнять, какие именно цветы и деревья были в том саду.

– Цветущая вишня, – проговорила Айлин, став почему-то совершенно пунцовой. – И липы… Я точно не помню!

– Думаю, вполне достаточно, – мягко прервал её Дункан. – Нам с коллегой Бреннаном совершенно ясно, что ваши сны несут в себе некие общие приметы. Это хорошо, поскольку подтверждает, что мы правы в решении насчёт общей палаты. Но работу над блоками следует начать как можно раньше. Дорогой Бреннан, вы согласны, что можно попробовать уже сегодня?

– Разумеется! – подтвердил целитель и спохватился: – О, прошу прощения! Я же не представил вам своего дражайшего коллегу! То есть адептка Ревенгар его прекрасно знает, конечно, но вы, милорды… Дункан Роверстан, магистр гильдии Разума! Исключительно талантливый и умелый маг, украшение Ордена! Между прочим, ваш спаситель, юный лорд Вальдерон. Это Дункан произвёл первичную обработку ваших ран на том холме, так что вы обязаны ему жизнью…

Аластор наконец понял, где видел этого человека. Вчера, когда они с Лу возвращались из столовой, приметная фигура магистра Белой гильдии мелькнула в коридоре. Разумник шёл по коридору впереди них, как будто вышел из какой-то палаты. Навещал Айлин? Что ж, ничего удивительного. Подруга весь вечер была грустной, а потом призналась, что ей сообщили о смерти дядюшки, которого она очень любила. Неудивительно, что ей понадобилась помощь целителя, а разумники вроде бы как раз исцеляют душевную боль. Очень хорошо, что в Академии так внимательны к Айлин, ей и без того нелегко.

– Я чрезвычайно вам обязан, – отозвался он вслух и склонил голову.

Разумник ответил лёгким поклоном, но возразил:

– Вы обязаны жизнью не столько мне, сколько стараниям адептки Ревенгар и преданности синьора Фарелли. Без их усилий мои оказались бы совершенно напрасны.

Магистр смотрел на него без малейшего подобострастия, а главное, именовал его Вальдероном, что было правильно и потому очень приятно. Аластор невольно вспомнил вчерашний разговор с канцлером, о котором думал весь остаток дня. О разговоре, конечно. Впрочем, и о канцлере тоже. Лорд Аранвен достоин величайшего почёта за то, что все эти годы делал для страны и делает до сих пор. Не зря батюшка так его уважает. Но канцлер ведь не отступится. И хотя то, что Лучано так обыденно описывал, всё равно казалось Аластору невозможным кошмарным сном, рассудок требовал признать, что итлиец прав. Если вспомнить историю Дорвенанта и сопредельных стран, в ней и не такие случаи бывали. В борьбе за трон некоторые не гнушаются ничем.

– Вы не возражаете, если мы начнём именно с вас, юный лорд? – предложил разумник. – Душевное равновесие адептки Ревенгар ещё не восстановилось после вчерашних известий.

– Если бы я знал, что эта дама принесёт подобные новости, – ворчливо сообщил Бреннан, – ни за что не разрешил бы ей посещение. Ну-ну, девочка моя, не вздумайте снова расстраиваться! Кстати, вы правильно сделали, что велели выставить из комнаты все эти букеты. Присылать в лазарет сильно пахнущие цветы! Верх необразованности и дурных манер! Держу пари, это всё ваши боевики! Если бы я им не запретил, с них бы сталось и карвейна прислать! Кстати, надеюсь, они этого не сделали?

– Нет, милорд магистр, – удивлённо отозвалась Айлин.

Аластор, который вчера лично убирал злополучные бутылки в корзинку на высокий шкаф, деликатно промолчал.

– Удивительно… – протянул целитель, показывая глубокое знание натуры адептов. – Что ж, Дункан, не будем вам мешать. Синьор Фарелли отправится прогулять своего енота, а Ревенгар…

– Я загляну к Иоланде, – торопливо сказала Айлин. – С вашего позволения, милорды!

– Кстати, у меня для вас приятная новость, – улыбнулся разумник. – Мэтр Гельсингфорц, заместитель магистра Девериана, тоже отдал должное вашим стараниям на благо Дорвенанта. Сегодня утром он кое-кого привёл и сообщил, что его работа…

– Пушок! – воскликнула Айлин, радостно распахивая глаза.

В дверь со стороны коридора яростно заскреблись, будто ждали именно этого.

Улыбающийся разумник открыл дверь, и огромный белый ком влетел в палату. С разбегу кинулся в объятия Айлин, поставив лапы ей на плечи, мгновенно облизал лицо замшевым языком, а потом звонко гавкнул.

– Пушок! – снова ахнула Айлин. – Ты… ты лаешь!

– Мэтр Гельсингфорц в полном недоумении, – развёл руками Дункан. – Он уверял меня, что ваш пёс никак не мог выть, равно как издавать любые звуки, кроме хрипа. Строение горла не позволяло… Но ему пришлось поверить мне на слово, что Пушок на холме именно это и делал. А теперь Синяя гильдия в лице мэтра Гельсингфорца улучшила своё творение. Прошу!

– Пушок… – прошептала Айлин, обнимая волкодава и зарываясь лицом в густую шерсть.

Пёс негромко, но выразительно проскулил, будто жалуясь, что его разлучили с любимой хозяйкой.

– Шкуру тоже зашили, – негромко добавил магистр разумников. – А местами заменили полностью. Там, где ему… слишком досталось. Пушок честно выдержал свой бой.

– Синьор Собака исключительно прекрасен, – дрогнувшим голосом подтвердил Лучано, прижимая к себе енота. – И гораздо живее многих так называемых живых. Простите, синьоры, синьорина, я вас оставлю.

Фарелли поднялся и торопливо вышел, Аластору даже показалось, что глаза итлийца как-то особенно влажно сверкнули, но он сам был последним, кто осудил бы Лучано за это. Пушок – верный товарищ, который бился рядом и не раз их спасал от голода и холода. А что мёртвый… Так Лу прав, настоящая жизнь не всегда соответствует представлениям о ней.

– Я тоже пойду, – чистым и словно просветлевшим голосом сказала Айлин. – Погуляю в саду. Пушку там нравится!

Не отпуская холку волкодава, глубоко запутавшись пальцами в белом мехе, она соскользнула с кровати и вышла из палаты, причём Пушок, проходя мимо магистра Роверстана, немного замедлил величественный шаг и лизнул руку разумника, вильнув хвостом. Роверстан учтиво кивнул ему, улыбаясь одними глазами, и дверь за Айлин с Пушком закрылась. Аластор остался с двумя магистрами, которые поглядели на него с хищным интересом, как Долгий Мартин на заковыристый механизм, принесённый для ремонта. Внутренне поёжившись, Аластор выпрямился ещё сильнее и попросил:

– Если можно, давайте займёмся этим побыстрее, милорды. Стыдно признаться, но не люблю я всякие… лечебные процедуры.

Магистр Роверстан кивнул, покрутил мажеский перстень с крупным белым камнем, и Аластор почувствовал, что его неумолимо клонит в сон. Перед глазами замелькали кроваво-красные гранатовые деревья, беломраморные статуи с лукавой улыбкой Айлин, потом где-то в кустах замелькали Пушок с Перлюреном, за которыми гонялся кот Паскуда с котелком в одной лапе и арбалетом в другой. Что ж, главное, что там не было демонов, и Аластор спокойно отдался этому сну, всё время чувствуя присутствие друзей, будто связанных с ним невидимой, но очень прочной нитью.

Пробуждение оказалось не таким приятным. У него болела голова, и во рту пересохло, словно после карвейна. Аластор открыл глаза, обнаружил себя лежащим на постели и попытался проморгаться.

– Вот, выпейте, – сочувственно сказал магистр Роверстан и подал ему стакан, в котором оказалась вода с лимонным соком. – Вам не очень хорошо, но это вскоре пройдёт. Голова кружится?

– Да, – сознался Аластор. – И болит.

– Изумительная способность к ментальному сопротивлению, – то ли одобрил, то ли упрекнул его магистр. – Проще говоря, поразительное упрямство. Но всё-таки мы определённым образом продвинулись, нащупав нужные ключи к дверям сознания. Процедуру придётся повторить ещё не раз, однако… определённые подвижки имеются. Дорогой Бреннан, не могли бы вы снять юноше спазм сосудов?

– Да-да, конечно! – отозвался тот. Сел на край кровати Аластора и положил приятно тёплую руку ему на лоб. Через несколько мгновений стало гораздо легче, и Аластор выдохнул:

– Благодарю.

– О, не стоит, – хмыкнул пожилой целитель. – Прекрасные сосуды, одно удовольствие с ними работать. И общее состояние здоровья великолепное. Полагаю, вы не увлекаетесь всякими… излишествами? Карвейн, бессонные ночи за картами, женщины?

Его голубые глаза под устало набрякшими веками блеснули весело и пытливо.

– Я почти всю жизнь провёл в деревенской усадьбе, – сообщил ему Аластор. – Какие бессонные ночи, милорд? У нас принято вставать на рассвете, и пока все дела переделаешь, до кровати доползти бы. А карвейн не люблю.

О женщинах он умолчал, полагая, что те пять посещений борделя милорда магистра никоим образом не касаются. И несколько приятных встреч с хорошенькой дочкой мельника – тоже. Притом она уже давно вышла замуж, Аластор даже был почётным гостем на свадьбе, и молодые кланялись ему в ноги за щедрый подарок на хозяйство. В общем, вряд ли целитель, говоря о женщинах, имел в виду такие мелочи.

– Не могу не одобрить! – Магистр Бреннан пружинисто встал и обратился к Дункану: – Коллега, вы ещё немного побудете с нашим дорогим пациентом? Я сделал, что мог, остальное исключительно по вашей части.

– С огромным удовольствием, – кивнул разумник, и Бреннан упругим мячиком выкатился из палаты.

Роверстан же прошёлся по комнате, рассеянно тронул венчики цветов на столике Айлин, глянул на верх шкафа со злополучной корзинкой и с совершенным равнодушием заметил:

– Я, конечно, всем сердцем верю в исключительное послушание господ боевиков и в то, что они ревностно соблюдают правила больничного крыла. Но на всякий случай должен предупредить, что карвейн вам всем в ближайшие дни строго противопоказан. Самое большее, немного столового вина за обедом.

– Милорд магистр! – запротестовал Аластор, чувствуя себя исключительно глупо. – Мы не собирались!

– Вот и славно, – отозвался разумник. – Потому что в противном случае головная боль вам обеспечена, а магистр Бреннан принципиально не лечит подобные последствия.

– Полностью с ним согласен, – буркнул Аластор. – За собственную глупость нужно уметь отвечать. Скажите, милорд, а когда мне разрешат посещения? Хотелось бы увидеть родителей. Можно хотя бы известить их о моём возвращении?

– В этом нет нужды, – спокойно ответил Роверстан. – В особняк Вальдеронов уже послали письмо сегодня утром, и ваши почтенные родители приедут сюда после обеда. Вы как раз успеете принять очередные процедуры и отдохнуть.

Отец! Матушка! А может, и месьор д'Альбрэ! Наконец-то он увидит их и сможет успокоить! Сказать, что вернулся почти невредимым, и теперь всё будет по-прежнему!

«По-прежнему? – язвительно переспросил его внутренний голос. – Не обманывай сам себя. Тебе никто не позволит просто вернуться к обычной жизни. Невидимое клеймо королевского бастарда не сведёшь, в отличие от лошадиного. Ты всегда будешь окружён жадным вниманием сплетников и просто любопытных. Косые взгляды, шепотки… Никто больше не увидит в тебе наследника Вальдеронов, обычного юного дворянина со своими мечтами и желаниями. От тени Дорвеннов за спиной ты уже никогда не избавишься. И твоим родителям, между прочим, придётся ещё хуже, чем тебе. Позор-то ляжет на них!»

– Вы не рады? – проницательно поинтересовался Роверстан. – Этот визит всегда можно перенести, пока вы окончательно не поправитесь.

– Что? Нет, я очень рад! – заверил его Аластор. – Дело совершенно в другом.

Он вдруг задумался, а что магистр делал на том холме? Проезжал мимо и увидел бой? Но там поблизости не было ни одной дороги в прямой видимости. Так что могло понадобиться главе Белой гильдии в пограничной глуши? Спору нет, появился он исключительно вовремя, но как и откуда?

А ещё кольнуло понимание, что он признал себя должником за спасённую жизнь, но Роверстан, возможно, ожидает возвращения долга от принца, а не от обычного дворянина.

Аластор посмотрел на разумника, который стоял у окна и с совершенно непроницаемым лицом глядел в сад. Оттуда слышались возгласы и звонкий заливистый лай, временами переходящий в басовитое гавканье. Счастливый Пушок примерял и настраивал новый голос…

– Милорд Роверстан, – начал он. – Я действительно вам очень благодарен. И если могу чем-то вернуть долг жизни…

– Я же говорил, в этом нет ни малейшей нужды. – Разумник повернулся и ответил Аластору прямым откровенным взглядом. – Давайте расставим все руны в звезде, милорд Вальдерон. Вы мне ровным счётом ничем не обязаны. Право, не буду же я выставлять счёт за моток хирургической нити и полчаса своего драгоценного времени, которое потратил на операцию.

Его чёрные глаза весело блеснули, и разумник удивительно напомнил Аластору месьора д'Альбрэ. И даже серьги у них в одном и том же ухе… А Роверстан продолжил:

– К тому же на том холме я преследовал собственные интересы, которые вас никоим образом не касаются. Так что успокойтесь, вы мне ничего не должны. Но если позволите, я попросил бы ответа на один вопрос.

– Разумеется, милорд, – настороженно отозвался Аластор.

– Вы твёрдо решили отказаться от титула и положения наследного принца? Уверяю, я спрашиваю не из пустого любопытства. Я магистр гильдии и отвечаю за своих людей. Ваш отказ будет иметь огромное политическое значение, и мне необходимо знать, к чему готовиться, если королевская династия прервётся.

Он был совершенно серьёзен и спрашивал спокойно, без тени фальши или алчного интереса, поэтому Аластор ответил тоже с полной откровенностью:

– Да, милорд, я решил именно так. Не чувствую в себе ни сил, ни права взойти на трон, не говоря уже о желании.

– Полагаю, сложность именно в отсутствии желания? – подсказал ему разумник. – Ваше право несомненно, что касается сил, то никто не знает заранее, на что способен. Если бы вам несколько лет назад сказали, что ваша судьба – спасти Дорвенант, вы бы поверили? Но ведь закрытием Разлома вы сделали именно это.

– А вот теперь моя очередь сказать, что главная заслуга принадлежит не мне, – усмехнулся Аластор. – Без моих спутников я бы не проехал и середины пути. Да что там, даже из столицы не выбрался бы. И что сотворила Айлин, вы знаете не хуже меня. Право, милорд,

отдать чашку своей крови – невеликий подвиг. Примерно, как потратить полчаса времени и моток ниток.

– Туше!

Роверстан склонил голову, признавая пропущенный удар, словно в тренировочном поединке, и его глаза снова весело блеснули.

– Что ж, тем сильнее мне жаль, что вы отказываетесь, – сказал он всё с той же подкупающей искренностью. – Дорвенант заслуживает короля, который не только знает правила чести, но и живёт по ним.

– И даже уговаривать не станете? Как лорд-канцлер, например…

Разумник пожал могучими плечами.

– Я уверен, что человека нельзя насильно сделать счастливым, – уронил он. – Или заставить выполнять долг. Вы считаете, что достаточно сделали для Дорвенанта, кто я такой, чтобы спорить об этом. Да, вам будет нелегко отказаться от титула, но если проявите должную уверенность, рано или поздно от вас отступятся. Возможно, вам даже позволят жить, как вы хотите… – добавил он с явной неуверенностью, напомнившей Аластору рассуждения Лучано. – В любом случае, у вас будет гораздо больше свободы, это верно. Что касается Дорвенанта… Он уже пережил множество не самых лучших королей и, надеюсь, переживёт ещё одного, кто бы это ни был.

– У Дорвенанта есть королева, – бросил Аластор. – Принцессы-наследницы. Лорд-канцлер и лорд-протектор. Королевский Совет Трёх Дюжин, в конце концов!

– Королева может лишь хранить трон для своих дочерей, – мягко возразил магистр, – а принцессы слишком малы. Вы же не думаете всерьёз, что девочки их лет способны управлять государством? Они сами нуждаются в помощи и защите. Лорд Аранвен, при всём моём глубоком уважении, уже немолод и вскоре уйдёт на покой, а его сын ещё слишком неопытен. Со временем он станет прекрасным канцлером, но будет ли это время у Дорвенанта? Что касается лорда Бастельеро… Он великолепно умеет выигрывать войны и справляться с разрушениями, но… вряд ли что-то способен построить. Я уверен, как ни кощунственно это звучит, счастливее всего лорд Бастельеро был во время войны, а затем во время нападения демонов. Не потому, что он негодяй, желающий зла своей стране! Вовсе наоборот! Просто мирное время не для него. Лорд Бастельеро понятия не имеет, как жить без свистящих над головой снарядов и демонических атак. Вот с ними он прекрасно знает, что делать, но король на то и король, что должен думать об урожае, дорогах, падеже скота в провинции, сборе налогов и тысяче других скучнейших вещей. Вставать на рассвете, как вы верно изволили заметить, и заниматься делами до позднего вечера… Право, мой юный лорд, я прекрасно понимаю, почему вы не хотите взваливать на себя эту страшную ношу!

– Но Дорвенант же не останется без короля, если я откажусь. Я мог погибнуть по пути к Разлому! Или вообще умереть в младенчестве!

– Но не умерли и не погибли, – парировал магистр. – Нет-нет, я действительно вас не уговариваю! Владения Вальдеронов обширны и прекрасно управляются. В своё время вы их унаследуете и проживёте долгую спокойную жизнь, наслаждаясь покоем. А на трон… да сядет кто-нибудь, не сомневайтесь. Например, лорд Девериан, считающий, что можно до бесконечности поднимать налоги и обдирать голодающих крестьян, у которых мороз побил посевы. Помнится, он предлагал именно таким способом пополнить казну. Ведь вместо умерших от голода селян уцелевшие нарожают новых. Или вот лорд Логрейн. На предложение строить мануфактуры и фабрики он ответил, что это козни алчных магов, которые хотят нажиться на государстве.

– Что за бред? – вырвалось у Аластора. – Да у нас в поместье небольшое кожевенное заведение приносит изрядную часть дохода! А была бы полноценная мануфактура…

Он осёкся, разумник же неумолимо продолжал:

– Чуть больше месяца назад Королевский Совет проголосовал против предложения канцлера изменить налоговую систему и отдать право сбора провозных пошлин короне. С точки зрения Совета нам не нужны фабрики и мануфактуры, которые кормят Фрагану, Итлию и даже Арлезу. Нет денег? Просто потрясти купцов, как предлагает лорд Логрейн, и в казне снова зазвенит золото.

– Но нельзя же это делать до бесконечности! – возмутился Аластор. – Даже овцу стригут не каждый месяц, а когда отрастёт новая шерсть. И не в самые морозы! Если это понимаю я, простой провинциальный дворянин, то почему Совет…

– Потому что милорды члены Совета знают овец только в виде вкусного жаркого и нарядной крашеной шерсти, – утомлённо объяснил Роверстан. – Чего стоит выкормить овцу, они понятия не имеют. Большинству из них неизвестно, почему налоги собираются осенью, и что выгоднее – продать сырую шерсть на фабрики Арлезы или поставить сукновальни в Дорвенанте, а потом готовую ткань, обработанную артефакторами, отправить на фраганские и арлезийские рынки… Впрочем, простите, я увлёкся. Не сомневаюсь, на землях Вальдеронов именно так вскоре и будет. А остальной Дорвенант…

– Прекратите, – прошипел Аластор, стискивая ладонями снова занывшие виски. – Вы думаете, я не понимаю, что вы сейчас делаете? То же самое, что и канцлер!

– Найдите в моих словах каплю лжи, и я немедленно извинюсь, а потом замолчу, – холодно возразил разумник. – Но от моего молчания ничего не изменится. Вы знаете правду, лорд Вальдерон. Дорвенанту нужен король не меньше, чем поместьям Вальдеронов – рачительный умный хозяин. Вы проехали эту страну, вы видели её, она стонет от нищеты. Никто не может заставить вас принять корону – увы, это горькая истина. Ну так не принимайте. Живите спокойно в своём уютном цветущем поместье под властью его величества Бастельеро или его величества Сазерленда. Для вас-то ничего не изменится.

– Я вас ненавижу, – выдавил Аластор. – Вы же всё понимаете…

– Да, милорд, – кивнул разумник, и взгляд его чёрных блестящих глаз показался Аластору очень грустным. – Вам не нужна власть ради власти, иначе этот разговор не имел бы никакого смысла. Лорд-канцлер Аранвен просил вас взойти на трон. Я прошу гораздо большего! Загляните себе в душу и скажите, сможете ли вы жить в ладу с самим собой, если этого не сделаете?

Перед внутренним взором Аластора мелькнуло худенькое серьёзное личико Дани и морщинистое лицо старухи, имя которой он, к своему стыду, забыл. Улицы Шермеза, о котором он сам с таким возмущением рассказывал Аранвену… Да, это не его личное поместье и не его люди. Да, он может просто отступить! Отдать корону кому-то другому, принести вассальную присягу и заниматься чем угодно! «Ты за всё отвечаешь сам, – словно шепнул ему на ухо мягкий голос арлезийца, их странного знакомого на один вечер, чей подарок уже изменил судьбу всех троих. – И, значит, решать тоже должен сам…»

Всё верно. Никто не может его заставить. Кроме него самого.

– Я этого не хочу, – обречённо сказал Аластор и посмотрел в полные сочувствия глаза разумника. – Но я это сделаю. Можете так и передать канцлеру.

«Только не радуйтесь, – добавил он про себя. – Если мне придётся стать королём, вас, милорд, я сделаю одним из своих советников. И на благо Дорвенанта вы будете трудиться рядом со мной».

Что-то во взгляде Роверстана изменилось, а затем магистр отвесил ему глубокий почтительный поклон, уронил: «Я вас оставлю, если позволите», – и вышел из палаты.

Аластор посмотрел ему вслед, чувствуя себя так, словно только что выдержал самый важный и тяжёлый поединок в своей жизни, только непонятно, выиграл или проиграл.

Через несколько минут в комнату скользнул Лучано и протянул ему чашку с дымящимся шамьетом, пояснив:

– Я попросил на местной кухне разрешения сварить самому. Пей, а то на тебе лица нет… Что, такое неприятное лечение?

– Лечение? Не очень, – рассеянно отозвался Аластор. – Слушай, Лу, а ты не знаешь, между магистром Роверстаном и Айлин… что-то есть?

Итлийский котяра бросил на него праведно-укоризненный взгляд и чопорно вопросил:

– Друг мой Альс! Не ты ли у некоего озера учил меня приличным манерам и утверждал, что наша драгоценная синьорина тебе как сестра?! Сплетничать о сестре с её собственным братом?! Да ещё о благородной даме? За кого ты меня принимаешь?

– Ну ты и… нахал! – растерялся Аластор, который даже не представлял, что против него обернут его собственные слова. И главное, кто?! – Ладно… А о постороннем лорде ты посплетничать можешь?

– Хм… – Лучано напоказ задумался, а потом просиял: – Альс, да ты становишься похож на человека, а не на статую рыцаря! О лорде – это сколько угодно. Тебя интересует грандсиньор Роверстан? – Он дождался кивка Аластора и принялся перечислять, загибая пальцы и не забывая следить за енотом, который полез в розы: – Отец – королевский архитектор, простолюдин, но принят при дворе. Мать вроде бы арлезийка. Состоятельная приличная семья, но самую блестящую карьеру сделал сам синьор Дункан. Ах, какое имя… И какой мужчина… Молчу-молчу, не сверкай так глазами. Уже и восхититься нельзя… Я же с полным уважением!

– Айлин, – напомнил Аластор.

– А ты сам как думаешь? – вздохнув, посмотрел на него Лучано. – Он примчался к Баргтову холму на полчаса позже нас. А мы ведь сокращали путь, как могли. Значит, грандсиньор маг летел по дорогам сломя голову и не щадя свою арлезийскую зверюгу. А потом он вытащил синьорину из Разлома. Не спрашивай – как. Я только помню, что он ругался, словно портовый грузчик, и пытался взломать Разлом, будто гуардо – винный склад.

– Он спас Айлин, – кивнул Аластор, у которого несколько просветлело на душе. – И меня… Очень достойный человек. А… она?

– Она… – протянул Лучано. – Ну если бы я даже не видел, как она на него смотрит, то… Видишь на столике стакан? А в нём одна веточка?

– И что?

Аластор с недоумением пригляделся. Действительно, веточка с ярко-красными цветами. Броская, но словно спрятанная среди остальных букетов от чужих глаз.

– Я помню каждый букет, принесённый синьорине, – объяснил итлиец. – И те, что отнёс в коридор, и оставшиеся. Когда мы уходили, этой гранатовой веточки не было. А после визита грандсиньора Дункана она появилась. И кому сегодня снились цветущие гранаты? Мне, конечно, тоже могли, но настоящие, а не такие… словно нарисованные. А сны у нас, между прочим, были общие…

– Я понял, – проговорил Аластор и застенчиво отвёл взгляд от ветки, словно она могла завянуть под его взглядом.

Значит, Айлин и этот разумник… Он, конечно, не из Трёх Дюжин, однако магистр гильдии – всё равно прекрасная партия. И если у него честные намерения, репутация Айлин будет спасена. Конечно, Аластор и сам готов был предложить ей… В общем, готов! Но если она любит Роверстана – это совсем другое дело. Можно только порадоваться за них обоих! Мужчина, который примчался спасать Айлин из лап самого Баргота, никогда не упрекнёт её в потере репутации, как не упрекнул бы сам Аластор.

– Молчим об этом, – предупредил он Лучано, и тот кивнул, но на веточку бросил странно тоскливый взгляд.

* * *

Сразу после обеда в палату явилась пара деловитых немолодых целителей, чтобы сделать Аластору перевязки. На Лучано, деликатно сунувшего нос, они покосились неодобрительно, но удостоверившись, что он молчит и никуда не тянет руки, позволили посмотреть. От мелких порезов остались только розовые полоски, но крупные рваные раны ещё требовали ухода, и было понятно, что в ближайшую пару недель Альсу стоит поберечься. Впрочем, без магии он либо не выжил бы совсем, либо остался калекой, так что Лучано в очередной раз горячо поблагодарил Милосердную Сестру и лично грандсиньора Дункана за его ловкие умелые руки.

Когда целители ушли, Аластор удобнее устроился в постели и принялся чего-то напряжённо ждать. Он то брал принесённый по его просьбе фраганский роман, то снова откладывал книгу, поминутно поглядывал в окно и вскидывался каждый раз, когда в коридоре слышались шаги.

– Сегодня должны приехать мои родители, – объяснил он, наконец, и Айлин восторженно ахнула:

– Это же прекрасно! Они, наверное, так беспокоились!

Как только Аластор оделся после процедур, синьорина с ногами устроилась в большом кресле, поставленном возле шкафа для визитов синьора Бреннана. Ради соблюдения странного дорвенантского этикета кресло находилось на её половине, но кровати Лучано с Аластором оттуда было прекрасно видно.

– Думаю, да, – кивнул Аластор и улыбнулся с удивительной теплотой и застенчивостью. – Я должен обязательно поговорить с отцом, но дело не только в этом, вы же понимаете?

– Конечно, понимаем, – заверила его Айлин. – Правда, Лу?

Лучано кивнул, размышляя, что будет очень интересно увидеть достойного синьора Вальдерона и женщину, которая была фавориткой короля. Наверное, весьма красивая дама. Но ещё интереснее, о чём Альс беседовал с грандсиньором Дунканом. Точнее, даже не так. О чём они беседовали, догадаться легко, а вот чем закончился разговор?

Однако время тянулось, шаги по коридору неизменно проходили и удалялись, Аластор неуловимо мрачнел, и даже Айлин тихонько перебралась из кресла обратно, когда в дверь палаты снова постучали.

– Прошу! – откликнулся Аластор, встрепенувшись, и несчастный роман полетел на одеяло.

– О, мои искренние извинения, – сообщил грандсиньор Роверстан, входя. – Если не возражаете, господа, я бы хотел продолжить лечение. Синьор Фарелли, вы готовы?

Вопрос не то чтобы застал Лучано врасплох… Да, он понимал, что их странная магическая связь должна быть разорвана, однако позволить кому-то копаться в своём разуме?! Даже блистательному грандсиньору Дункану, которому лично он позволил бы очень многое, но… совсем другого рода. Нет-нет, и даже думать об этом не стоит!

– Если вы уверены, что это необходимо, – выдавил он, всерьёз рассматривая возможность выскочить в окно и сбежать.

Глупо, конечно, и всё-таки чутьё в один голос с рассудком кричало, что открывать свои мысли – самое худшее, что можно сделать в его положении. А теперь никуда не денешься! Словно кто-то позволит ему увильнуть от процедуры, которая призвана обезопасить принца и грандсиньорину. Ему, простому наёмнику! Ну почему он был таким идиотто и не смылся из лазарета пораньше?! Да хоть бы и под крылышко к её гадючьему величеству, что тоже не заинтересована в раскрытии своих маленьких грязных секретов. О том, что Беатрис легче было бы убить его, чем выдать магам, Лучано подумал мгновением позже и с полной обречённостью.

– Буду премного вам обязан, – кивнул Дункан, разглядывая его с подозрительной смешинкой в глазах, так что Лучано внезапно вспомнил о еноте в котелке.

И не стыдно ему тогда было насмехаться над бедняжкой Перлюреном? Теперь вот самому некуда деваться.

– Это не больно, – успокоил его разумник. – И я обещаю, что ваши тайны останутся в полной безопасности. Считайте меня мастером, который чинит входную дверь дома, не посягая на то, что внутри. В конце концов, лорд Вальдерон и леди Ревенгар мне доверяют…

«Им не нужно столько скрывать, – подумал Лучано совсем уже в тошнотворном ужасе. – Разумеется, синьорина доверяет своему жениху, а прошлое Альса наверняка белее, чем фата невесты. А я… Я наёмный убийца, у которого на счету столько жизней, что я им даже счёт не веду. Меня наняли, чтобы я убил синьорину Айлин, и неважно, что я этого не сделал, за это ещё предстоит отчитываться перед королевой. И я точно чем-то сильно прогневал Всеблагую, если смотрю на человека, который может отправить меня на плаху, просто прочитав мои мысли, и при этом хочу его так, что эти самые мысли путаются. Да я даже не знаю, за какую из этих трёх причин он меня убьёт, если узнает о них!»

– Ни за какую, – меланхолично, терпеливо и совершенно спокойно сообщил грандсиньор Дункан, глядя на него. – Конечно, до тех пор, пока мысли остаются всего лишь мыслями. – И добавил с утомлённым вздохом: – Но я был бы крайне признателен, если бы вы не думали их так громко.

«Как будто это от меня зависит, – тоскливо подумал Лучано, видя, с каким сочувствием на него смотрит синьорина и с каким недоумением – Аластор. – Если бы я мог спрятать то, что сейчас думаю, даже не сомневайтесь, засунул бы эти мысли в самый большой артефактный ларь и замок сверху повесил. Проклятье, как же невыносимо чувствовать себя… прозрачным! Хуже, чем связанным по рукам и ногам…»

– Решайтесь, юноша, – посоветовал грандсиньор Дункан таким добрым тоном, какой на памяти Лучано удавался только мастеру Ларци. – И поверьте, содержимое чужого разума меня давным-давно не волнует. Это интересно первые года три-четыре, не дольше, а потом становится ясно, что ничего нового уже не увидишь.

Лучано обречённо кивнул, и грандсиньор, по-прежнему ласково улыбаясь, подсел к нему на постель и положил руку на лоб.

– Закройте глаза, – посоветовал он, – и постарайтесь расслабиться. Чем меньше будете сопротивляться, тем быстрее и легче всё пройдёт.

Лучано зажмурился, подумав, что куда охотнее выполнил бы этот приказ в другой обстановке, без свидетелей и более располагающей к расслаблению. И уж там сопротивляться точно не стал бы! Воображение мстительно подбрасывало одну за одной такие картины, что он сам в ужасе попытался их отогнать, но вместо возмущения услышал смешок, а потом проклятый грандсиньор с полнейшим равнодушием изволил сообщить:

– Можете не стараться, я уже почти двадцать лет преподаю в Академии, в том числе на старших курсах. Наших благонравных адепток вам всё равно не переплюнуть.

Лучано вспомнил бабочек в животе, нефритовые флейты… и выдохнул с некоторым облегчением: действительно, любой наставник, умеющий читать в разуме своих подопечных, неизбежно насмотрится всякого. Это было последней осознанной мыслью, а потом рука у него на голове стала тяжёлой и горячей, голос Айлин, тихо говорящей что-то Аластору, отдалился, и Лучано полетел в тёплую уютную темноту.

Ему показалось, что дремота длилась всего несколько минут. В ладонь ткнулся прохладный влажный нос Перлюрена, и Лучано погладил зверька.

– Просыпайтесь, – весело подбодрил Дункан. – На сегодня всё уже закончилось. Как вы себя чувствуете?

– Великолепно, – с некоторым удивлением признал Лучано, открывая глаза. – Кажется, прекрасно выспался.

– У тебя даже голова не болит? – с некоторым удивлением поинтересовался Аластор.

– Нет…

Лучано прислушался к себе. В его мыслях ровным счётом ничего не изменилось, голова тоже не болела.

– У синьора Фарелли совершенно другой тип реакции, – объяснил разумник. – Вы, милорд, изо всех сил сопротивлялись, вот напряжение и привело к такому эффекту. А ваш достойный итлийский друг любое воздействие охотно принимает, но так же легко пропускает его через себя. Разница как между каменной стеной, что отражает удары, и сетью с крупными ячейками. Не скажу, что работать с ним было легче, чем с вами, – добавил он, вытащил из-за манжета белоснежный платок и промокнул им лоб. – Если бы не настоятельная необходимость торопиться, я посчитал бы это великолепной практикой. Провёл ряд опытов, сделал необходимые замеры…

В его голосе слышалась мечтательность увлечённого своим делом мастера, которую Лучано не мог не оценить. Так мастер Ларци говорил о зельях, Аластор – о лошадях, а сам Лучано – о благовониях.

И тут в дверь постучали, Аластор откликнулся, и в палате мгновенно стало тесно. Уже далеко не юная, но очаровательная дама бросилась к нему, присела на край постели и заключила Альса в объятия.

– Мальчик мой! – выдохнула она, вглядываясь в лицо Вальдерона. – Дорогой… Как твои раны?!

– Матушка… – шептал Альс, обнимая даму. – Ну что вы, право… Всё хорошо. Я уже почти здоров, клянусь Благими. Не стоит вашего беспокойства… Ну же, матушка…

– Прости, дорогой мой. – Дама нехотя разомкнула объятия, но не встала, а осталась сидеть рядом, держа его ладонь в своих и с любовью и беспокойством разглядывая смущённого сына. – Ты жив. Я никогда не устану благодарить богов…

Как и ожидал Лучано, она оказалась на редкость хороша, однако не броской красотой Беатрис, а более тонким очарованием. Золотистые волосы, нежная бледная кожа и ясные голубые глаза – на первый взгляд ничего особенного, хотя в Итлии этого было бы довольно, чтобы считаться красавицей. Но в синьоре Вальдерон было что-то ещё, помимо прелести дорогой фарфоровой куклы. Её глаза светились нежностью и добротой, а весь облик дышал достоинством, которое напомнило Лучано тётушку Айлин.

И дело даже не в том, что обе дамы были голубоглазыми золотистыми блондинками. В остальном они казались не слишком похожими внешне. Госпожа Элоиза – высокая, тонкая, с резкими чертами лица и стремительными движениями. Синьора Вальдерон – на голову ниже, с изящным, но при этом приятно округлым станом и грудью, которой могла бы позавидовать иная юная красотка. Совершенно разные, они могли бы быть сёстрами по тому обаянию, которое излучали. И было совершенно понятно, почему король в своё время так увлёкся тогда ещё юной синьориной, что изменял с ней такой невесте, как Беатрис. Лучано и сам из двух женщин выбрал бы эту, как бы ни была великолепна другая. Беатрис похожа на чашу сладкого, пьянящего, но ядовитого зелья. Синьора Вальдерон – на источник чистейшей ключевой воды.

Не без труда отведя взгляд от женщины, шепчущей что-то Альсу, он быстро осмотрел остальных, пользуясь тем, что на него никто не обращает внимания. Высокий светловолосый синьор так походил на Аластора статью и выражением лица, что здесь и гадать не нужно – отец. Да, не по крови, но точно по духу. Подойдя к Айлин, он склонился в нижайшем почтительном поклоне, а потом поцеловал протянутую ему руку синьорины с явным благоговением.

– Никогда не забуду… – слышал Лучано негромко сказанные с дрожью слова. – Ближе родных дочерей… моё дорогое храброе дитя… заслужить ваше прощение…

– Что вы такое говорите, милорд? – отчаянно и звонко запротестовала Айлин, заливаясь краской. – Разве я могла поступить иначе? И… всё ведь обошлось, правда? Милостью Благих!

«И ещё тем, что она шагнула в пасть Баргота вместо Альса, – подумал Лучано. – О да, этому синьору и его жене есть, за что благодарить синьорину магессу».

Его взгляд метнулся к двум мужчинам, стоящим у двери, в стороне от обеих разыгравшихся сцен. Оба немолоды, но в самом расцвете сил, оба черноволосы, смуглы и неуловимо похожи военной выправкой и статью – не очень высокие и скорее худощавые, но жилистые и наверняка опасные в драке. И оба ему знакомы!

Один, одетый в чёрный камзол фраганского покроя с белоснежным круглым воротником и манжетами, горбоносый и черноглазый, безусловно, был тем самым бретёром. Золотая серьга – единственное цветное пятно в облике месьора – поблёскивала в его правом ухе, а острый взгляд медленно и внимательно перемещался по палате, остановившись, наконец, на Лучано. Фраганец склонил голову, обозначая поклон, и Лучано, не вставая, поклонился в ответ, жалея, что нельзя прикрыться от этого взгляда кирасой или магическим щитом синьорины. Зачем ему рапира, он и зрачками кого угодно проткнёт насквозь.

Второй, стоявший возле фраганца, оказался – вот шутка судьбы! – тем благородным синьором, что разгромил на дороге отряд Аластора и взял в плен его наставника. Голубоглазый и смуглый брюнет, похожий на итлийца. Как же его… Кастельмаро! Лучано не мог не признать, что ало-золотой мундир идёт синьору просто изумительно. А ещё мгновенно вспомнились краденые лошади, палатка, фляжка… Бедняжка Беллочка! Кстати, Альс вроде бы весьма зол на синьора Кастельмаро за ту стычку и покалеченных лошадок!

Дождавшись, пока синьор Вальдерон отойдёт от Айлин к сыну, дорвенантский лорд-гуардо сделал два шага к синьорине, щёлкнул каблуками, вытянувшись в струнку, по-военному чётко поклонился и попросил неожиданно дрогнувшим голосом:

– Миледи, могу ли я просить о частном разговоре? Понимаю, что обстоятельства нашей прошлой встречи были не слишком благоприятны. Тем не менее, надеюсь на ваше великодушие.

Взгляды всех, кто был в палате, скрестились на Айлин. Альс даже открыл было рот, но посмотрел на отца, обменялся взглядами с фраганцем, медленно прикрывшим глаза, и выдохнул недовольно, однако молча, снова повернувшись к родителям.

– Разумеется, милорд, – чинно ответила Айлин.

Она присела в грациозном реверансе, не смущаясь тем, что одета в мантию, а не в платье, и Кастельмаро, подскочив к двери, распахнул её перед синьориной, величественно выплывшей в коридор, а потом вышел следом. Аластор снова принялся уверять матушку, что совершенно здоров, и тут фраганец неожиданно обратился к разумнику, что молча наблюдал за всем:

– Прошу прощения, милорд. Нас не представили. Позвольте мне исправить эту оплошность, не отвлекая моего ученика от более важного разговора. Жозеф д'Альбрэ, капитан фраганской армии в отставке.

– Дункан Роверстан, маг разума, – встав с кровати Лучано, поклонился магистр. – К вашим услугам, месьор д'Альбрэ, и примите моё искреннее восхищение вашим учеником.

– О, благодарю! – откликнулся фраганец, и его глаза довольно блеснули. – Но его воспитание – заслуга его благородных родителей. Не будет ли с моей стороны дерзостью поинтересоваться, милорд Роверстан, каково происхождение вашей серьги?

И он, подняв руку, затянутую в чёрную перчатку, тронул свою собственную. Лучано напрягся, сообразив, что именно происходит, однако Роверстан, напротив, улыбнулся с совершеннейшим благодушием и отозвался:

– Я бы охотно ответил вам на этот вопрос, месьор д'Альбрэ. Но, согласно уставу вашего благородного общества, отвечать за меня в первую очередь должна моя рапира, не так ли? Разумеется, если у вас нет желания отказаться от этого этапа знакомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.